

Белая Богиня, избранные главы

Роберт Грейвс

БЕЛАЯ БОГИНЯ

избранные главы

РОБЕРТ ГРЕЙВС

Предисл. Х. Л. Борхеса;
Пер. с англ. И. Егорова.

Layout by Ardentia Nox
Dedicated to Diona

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Предисловие автора	9
I. Поэты и менестрели	17
II. Древесный алфавит (Часть 1)	29
III. Древесный алфавит (Часть 2)	55
IV. Число зверя	73
V. Тройственная Муза	81
VI. Баснословные звери	109
VII. Единственная тема поэзии	123
VIII. Война на небесах	145
IX. Возвращение Богини	179
Постскриптум 1960 года	193

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замечательный во всех своих разнородных проявлениях поэт, исследователя поэзии, восприимчивого и просвещенного гуманитария, романиста, рассказчика, мифолога, Роберт Грейвс – один из самых оригинальных писателей нашего века. Он родился в Лондоне в 1895 г. Среди его предков был немецкий историк Леопольд фон Ранке, чью всеохватывающую любознательность он, вероятно, унаследовал. Ребенком он получил в усадебном парке благословение Суинберна, получившего благословение Лэндора, получившего благословение доктора Сэмюэла Джонсона. В годы первой мировой войны Грейвс сражался в рядах знаменитого полка королевских уэльских стрелков. Данный период его биографии отражен в книге *«Goodbye to All That»* («Прощание со всем этим»), вышедшей в 1929 г. Он одним из первых увидел в написанном Джерардом Мэнли Хопкинсом уникальную ценность, но не соблазнился ни его метрикой, ни аллитерационным стихом. Грейвс никогда не старался быть современным, заявляя, что поэт должен писать как отдельный поэт, а не как целая эпоха. Он наделял сакральными чертами каждого занятого искусством, которое было для него единым и вечным. Не верил в литературные школы и манифесты. В «Обыкновенном асфоделе» покусился на авторитет Вергилия, Суинберна, Киплинга, Элиота и – что уже гораздо понятней – Эзры Паунда. Его главная книга «Белая Богиня», претендующая на роль первой грамматики поэтического языка, на самом деле – великолепный миф, то ли отысканный Грейвсом, то ли Грейвсом придуманный. Белая Богиня его мифа – это Луна; по Грейвсу, западная поэзия представляет собой лишь разветвления и вариации этого сложного лунного мифа, ныне восстановленного им в целостности. Он хотел вернуть поэзию к ее магическим истокам.

Сейчас, когда я пишу это предисловие, Роберт Грейвс, окруженный любовью близких и почти свободный от своего как бы уже забытого смертью тела, угасает на Майорке в спокойном упоении жизнью, граничащем с восторгом.

Для всех эллинистов, включая Грималя, мифы, которыми они занимаются, – попросту музейные экспонаты либо забавные старые сказки. Грейвс исследует их в хронологии, ища за различием форм постепенное видоизменение живых истин, которые не стерло христианство. Это не словарь, это книга, охватывающая века и соединяющая в себе воображение и Природу.

Хорхе Луис Борхес

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Первое издание этой книги вышло в 1946 г., но с тех пор ни один специалист по древнеирландскому и древневаллийскому языкам не предложил мне помочь с аргументацией моих доводов, никто не указал на неизбежные в любом тексте ошибки и вообще никак не откликнулся на ее появление. Я разочарован, хотя и не слишком удивлен. Книга действительно весьма необычна; но ведь за составление исторической грамматики языка поэтического мифа еще никто не брался, поэтому, чтобы добросовестно выполнить эту задачу, мне пришлось иметь дело с «вопросами головоломными, но все же поддающимися разгадке», вроде тех, что приводит в «Гидриотафии» сэр Томас Браун – «... какую песню пели Сирены или под каким именем скрывался среди Женщин Ахилл?» Я нашел конкретные и недвусмысленные ответы на эти и многие другие вопросы вроде:

Кто раздвоил дьяволу копыто?

Когда в Британии появились пятьдесят Данаид со своими ситами?

Какую тайну заключал в себе Гордиев узел?

Почему Яхве сначала сотворил деревья и траву, а потом уже Солнце, Луну и звезды?

Где будет обретаема Мудрость?

Должен, однако, честно предупредить читателя: книга эта все же не только весьма необычна, но и весьма непроста, и за нее не стоит братья тем, чей ум отличается смятенностью, пресыщенностью или строго научным строем. Я старался ничего не упустить в своих многотрудных доказательствах, возможно, лишь потому, что читатели моих последних исторических романов с некоторой долей сомнения восприняли неортодоксальные выводы, не всегда подкрепленные авторитетными цитатами. Вероятно, теперь они с удовлетворением обнаружат, что загадочная формула Быка-теленка и два Древесных алфавита, которые появляются у меня в «Царе Иисусе», – не «досужая игра» воображения, но логические выводы из достойных уважения свидетельств древности.

Я исхожу из того, что язык поэтического мифа, с давних пор бытовавший в Средиземноморье и на севере Европы, был языком магическим, связанным с распространенными религиозными ритуалами в честь

Лунной Богини, или Музы, – часть которых восходит к каменному веку, – и что по сей день он остается языком истинной поэзии – «истинной» в ностальгическом на сегодняшний день представлении о ней как о «не нуждающемся в совершенствовании оригинале, а не искусственном заменителе». Язык этот подвергся искажению в конце минойского периода, когда вторгшиеся из Центральной Азии племена стали заменять Матриархальные институты на патриархальные, а также переименовывать и фальсифицировать мифы, чтобы оправдать перемены в обществе. Потом появились ранние греческие философы, которые крайне отрицательно относились к магической поэзии усматривая в ней угрозу новому предмету своего поклонения – логике. Под их влиянием в честь их покровителя Аполлона был разработан рациональный поэтический язык (сейчас его называют классическим) и навязан миру как последнее слово духовного озарения. С тех пор эта точка зрения преобладает в европейских школах и университетах, где мифы изучают сегодня как причудливые пережитки младенческой поры человечества.

Одним из тех, кто безкомпромиссно отвергал раннюю греческую мифологию, был Сократ. Мифы то ли пугали его, то ли вызывали раздражение. Он предпочел отвернуться от них и приучить разум к научному мышлению – «изыскивать причину бытия всего сущего – сущего таким как оно есть, а не каким представляется, и отвергать всякое суждение, которому нельзя дать обоснование».

Вот типичный отрывок из «Федра» Платона:

ФЕДР. Скажи мне, Сократ, не здесь ли где-то, с Иллисса, Борей, по преданию, похитил Орифию?

СОКРАТ. Да, по преданию.

ФЕДР. Не отсюда ли? Речка в этом месте такая славная, чистая, прозрачная, что здесь на берегу как раз и резвится Девушкам.

СОКРАТ. Нет, то место ниже по реке на два-три стадия, где у нас переход к святилищу Агры: там есть и жертвенник Борею.

ФЕДР. Не обратил внимания. Но скажи ради Зевса, Сократ, ты веришь в истинность этого сказания?

СОКРАТ. Если бы я и не верил, подобно мудрецам, ничего в этом не было бы странного – я стал бы тогда мудрствовать и сказал бы, что порывом Борей сбросило Орифию, когда Она резвилась с Фармакеей на прибрежных скалах; о такой Ее кончине и сложилось предание, будто Она похищена Бореем. Или он похитил Ее с холма Арея? Ведь есть и такое предание – что Она была похищена там, а не здесь.

Впрочем, я-то, Федр, считаю, что подобные толкования хотя и привлекательны, но это дело человека особых способностей; трудов у него будет много, а удачи – не слишком, и не почему другому, а из-за того, что вслед за тем придется ему восстанавливать подлинный вид гиппо-

кентавров, потом химер, и нахлынет на него целая орава всяческих горгон и пегасов и несметное скопище разных других нелепых чудовищ. Если кто, не веря в них, со своей доморощенной мудростью приступит к правдоподобному объяснению каждого вида, ему понадобится много досуга. У меня же для этого досуга нет вовсе.

А причина здесь, друг мой, вот в чем: я никак еще не могу, согласно дельфийской надписи, познать самого себя. И, по-моему, смешно, не зная пока этого, исследовать чужое¹.

Дело в том, что во времена Сократа смысл большинства мифов, принадлежавших прежней эпохе, был или забыт, или по религиозным соображениям держался в строгой тайне, хотя мифические образы сохранились в религиозном искусстве и по-прежнему были в ходу как сказания, к которым обращались поэты. Когда философу предлагалось поверить в Химеру, кентавров или крылатого коня Пегаса – явные символы пеласгического культа, – он считал себя обязанным отвергнуть их потому, что они невозможны с зоологической точки зрения и, не располагая ни сведениями о том, Кто Такая на самом деле «Нимфа Орифия», ни знаниями о древнем афинском культе Борея, был способен разве что на неуклюжее натуралистическое объяснение Ее похищения с горы Илисс – «навверняка порывом ветра Ее сдуло где-то здесь с одного из утесов, у его подножия Она и нашла Свою погибель».

Все вопросы, о которых упоминает Сократ, рассмотрены в этой книге и разрешены, по крайней мере, к моему удовлетворению. «Человек особых способностей»² – это про меня, но при этом не могу согласиться, что я сколько-нибудь менее удачлив, чем Сократ, что у меня больше досуга или что стремление понять язык мифа не имеет отношения к самопознанию. Сказанные им в раздражении слова «доморощенная мудрость» приводят к мысли о том, что Химера, кентавры и тому подобное долго не давали ему покоя, но «причины их бытия» ускользали от него, поскольку он не был поэтом, к поэтам относился с недоверием, был убежденным горожанином и редко выбирался на Природу. Как он сам признался Федру, «местности и деревья ничему не хотят меня научить, не то что люди». Изучение же мифологии, как вы убедитесь, невозможно без знаний о деревьях и о том, какие изменения происходят в Природе в то или иное время года.

Отворачиваясь от поэтических мифов, Сократ, по сути дела, отворачивался от вдохновлявшей их Лунной Богини, Которая требовала от мужчины воздать Женщине должное как в духовном плане, так и в плотском. Что касается бегства философа от власти Богини в интеллектуальный гомосексуализм (в так называемую платоническую любовь), то правильное

¹ Перевод Е. Н. Егунова.

² В английском переводе Платона – «человек крайне любопытный и усердный» (примеч. перев.).

назвать эту любовь сократической. Сократ не мог сослаться на неведение: Мантинийка Диотима, Пророчица из Аркадии, чудесным образом избавившая Афины от чумы, однажды напомнила ему, что любовь мужчины должна быть направлена на Женщин и что всеми актами рождения – физическими, духовными и интеллектуальными – руководит триада Богинь: Мойра, Илифия и Каллона – Смерть, Рождение и Красота. В том месте «Пира», где Платон приводит рассказ Сократа о мудрых словах Диотимы, пиршество прерывает подвыпивший Алкивиад, который разыскивает прекрасного юношу Агафона и находит его возлежащим рядом с Сократом. Алкивиад тут же сообщает всем, что когда-то подбивал влюбленного в него Сократа на содомский грех, но тот по-философски отказался, вполне довольствовавшись тем, что всю ночь сжимал в целомудренных объятиях прекрасное тело своего возлюбленного. Услышь это Диотима, Ее лицо исказилось бы и Она трижды сплюнула бы Себе на грудь: ибо, хотя Богиня в образе Кибелы и Иштар допускала содомию в Своих собственных храмах, идейный гомосексуализм был куда более серьезным отступлением от морали – это попытка мужского интеллекта стать духовно самостоятельным. Мечь Богини Сократу за то, что он – если можно так выразиться – пытался познать себя в аполлоническом духе вместо того, чтобы предоставить это Жене или Любовнице, была весьма характерной. Она определила ему в Жены сварливую мегеру и обрекла на идеальную любовь к Алкивиаду, который опозорил его, став развратником, безбожником, предателем и себялюбцем – погубил для Афин. Оборвала Она жизнь Сократа с помощью настоя цикуты (посвященного Ей как Гекате¹ растения с белыми цветками и мышьиным запахом) – такую казнь определили ему сограждане в наказание за развращение юношества. После смерти Сократа ученики представили его мучеником; под их влиянием мифы приобрели еще более сомнительную славу, пока, в конечном счете, не превратились в предмет досужих остроумий и пока Евгемер из Мессении и его последователи не стали «разъяснять» мифы как извращение реальных событий. В изложении евгемеристов миф об Актеоне, например, – это рассказ о некоем господине из Аркадии, который до такой степени увлекался охотой, что извел все свое состояние на содержание своры гончих.

Но и после того, как Александр Македонский разрубил Гордиев узел (с точки зрения морали его поступок исполнен гораздо больше смысла, чем принято считать), древний язык почти без изменений сохранился в тайных мистериях и культах Элевсина, Коринфа, Самофракии и еще кое-где; когда первые христианские императоры их запретили, ему продолжали обучать в поэтических школах Ирландии и Уэльса и на колдовских

¹ Это было известно Шекспиру. См. Макбет, IV, 1, 25 (здесь и далее, если не отмечено особо, примечание автора).

шабашах в Западной Европе. В конце XVII в. этот язык как элемент традиционных религиозных верований народа практически исчез из обихода. И хотя в индустриальной Европе до сих пор пишут стихи, обладающие магической силой, это происходит скорее благодаря вдохновенному, почти патологическому возвращению к первоначальному языку – необузданному «глаголанию во языцех» на Пятидесятницу, чем благодаря прилежному изучению его грамматики и словарного состава.

На самом деле обучение английскому стихосложению следует начинать не с «Кентерберийских рассказов», не с «Одиссеи» и даже не с «Книги Бытия», а с «Песни Амергина» – древнего кельтского календаря-алфавита, дошедшего до нас в нескольких, намеренно искаженных ирландских и валлийских вариантах и представляющего собой краткое изложение первоначального поэтического мифа. Восстановленный мною текст выглядит так:

*Олень я: в семь ветвей рога,
Я паводок: в равнины ширь,
Я ветер: над глубиной озер,
Я капля рос: паду с зарей,
Я сокол: над скалой парю,
Я шип: засевший под ногтем,
Я чудо: среди всех цветов,
Я чародей: мне ль воспалить
Огнем ум хладный не дано?
Свищу копьем: мне быть в крови,
Лосось я: в заводи плещусь,
Соблазн я: горних райских куц,
Я взгорок: здесь ступал поэт,
Кабан лесной я: зол и рыж,
Бурун я: гибелью грожу,
Прилив я: к смерти увлеку,
Дитя я: разве за дольменом
Не мой заметишь взгляд?
Я лоно: всякого леска,
Я тропка: всякого холма,
Я матка пчел: мой всякий рой,
Защита я: любой главе,
Могила я: надежда всем.*

К сожалению, несмотря на то, что в христианстве много мифического, под «мифическим» стали понимать «воображаемое, невозможное, внеисторическое» – ведь в развитии греческих, римских и палестинских мифов роль воображения незначительна. Это относилось и к кельтским мифам, пока нормандско-французские труверы не превратили их в ры-

царские истории, воспринимать которые серьезно невозможно. В мифах со всей достоверностью запечатлены религиозные обряды и события древности, на них можно положиться как на исторические свидетельства, необходимо лишь понять их язык и сделать поправку на возможные ошибки при переписывании, неверные толкования забытых обрядов и произвольные изменения, внесенные по моральным и политическим соображениям. Конечно, некоторые мифы сохранились гораздо лучше других, так, «Мифы» Гигина, «Библиотеку» Аполлодора и ранние сказания валлийского «Мабиногиона» легко читать по сравнению с обманчиво простыми хрониками Книг Бытия, Исхода, Судей и Царств. Видимо, решать запутанные мифологические задачи трудно в первую очередь потому, что:

*Отнять титулы ликующих богов
У ими же поверженных врагов.*

Впрочем, не так уж важно, каким именем называли божество в том или ином краю, в ту или иную эпоху, – куда важнее знать, какого рода жертвы ему приносили. Могущество богов подвергалось постоянному пересмотру. Например, греческий бог Аполлон начинал, судя по всему, в доарийской тотемической Европе как демон клана Мыши; при помощи оружия, шантажа и обмана он постепенно поднялся до покровителя музыки, поэзии и искусств и в конечном счете (по крайней мере в некоторых регионах) оттеснил своего «отца» Зевса от правления Вселенной, отождествив себя с Белином, интеллектуальным божеством света. Еще запутаннее история еврейского бога Яхве.

«В чем смысл и назначение поэзии в наши дни?» Этот вопрос стоит по-прежнему остро, ибо множество людей недалеких вызывающе задают его, а множество глупцов отвечают на него, как бы оправдываясь. Предназначение поэзии – в благоговейном поклонении Музе, а смысл – в том восторге и ужасе, которые внушает Ее присутствие. Ну, а «в наши дни»? Смысл и предназначение остались прежними, изменилось лишь ее применение. Когда-то поэзия служила предостережением человеку, чтобы он жил в согласии с сообществом всех живых существ, среди которых рожден, повинувшись желаниям Хозяйки дома. Теперь поэзия напоминает ему, что этим предостережением он пренебрег, своими прихотливыми экспериментами в философии, науке и промышленности все перевернул в доме вверх дном и навлек гибель на себя и род свой. «Наши дни» – это цивилизация, отрешаясь от главных символов поэзии. Змее, льву и орлу теперь место разве что в цирке, а быку, лососю и кабану – на консервном заводе; скаковая лошадь и гончая – это тотализатор на бегах, а священная роща ассоциируется с лесопилкой. Луну презрительно считают погасшим спутником Земли, в Женщине видят «резервную рабочую силу государства». На деньги сейчас можно купить все, кроме истины, и почти каждого, кроме одержимого истиной поэта.

Можете звать меня, если угодно, лисом без хвоста: я никому не прислуживаю и предпочитаю жить на окраине горной деревушки на Майорке: местные жители хоть и католики, но священников не жалуют, жизнь их до сих пор подчиняется древнему земледельческому циклу. У меня нет хвоста, нет контактов с цивилизацией, и потому все, что я пишу, должно быть, производит впечатление чего-то извращенного и несообразного на тех, кто прямо или косвенно служит винтиками промышленной машины – на рабочих, менеджеров, коммерсантов, рекламных агентов и на чиновников, издателей, журналистов, школьных учителей, сотрудников радиокомпаний. Если вы – поэт, вы должны понять, что, согласившись с моим пониманием истории, вы признаетесь тем самым в предательстве, но вы вряд ли на это пойдете; вы выбрали работу, гарантирующую вам постоянный доход и досуг, чтобы по совместительству заниматься таким нужным служением обожаемой вами Богине. Да кто я такой, спросите вы, со своими предостережениями о том, что Богиня требует посвящать Ей себя целиком и иного служения не признает? Но разве я предлагаю вам увольняться с работы и из-за недостатка капитала становиться мелкими арендаторами, превращаться в романтических пастушков (как Дон Кихот, не сумевший найти общий язык с современным миром) на отдаленных фермах, до которых еще не добрался технический прогресс? Нет, утратив хвост, я не вправе давать вам какие-либо практические советы. Я попытаюсь лишь сформулировать проблему в контексте истории; а как вы поладите с Богиней – это не моя забота. Я даже не знаю, действительно ли вы относитесь к своему поэтическому призванию всерьез.

*Р. Г.
Дея, Майорка, Испания*

I. ПОЭТЫ И МЕНЕСТРЕЛИ

Я одержим поэзией с пятнадцати лет, и мне никогда не приходило в голову заниматься чем-то таким, что, как мне казалось, не отвечает ее принципам. Это стяжало мне славу человека со странностями. Зарабатывая на жизнь прозой, я использовал ее как подспорье, позволявшее оттачивать чувство поэзии, природа которой совершенно иная, и избирал темы, которые в моем сознании были неизменно связаны с главными задачами поэтического творчества. Мне уже шестьдесят пять, и я до сих пор не перестаю поражаться, с каким парадоксальным упорством поэзия отстаивает свое право на существование в условиях современной цивилизации. Хотя поэзия признана высокоумным занятием, это единственная профессия, для овладения которой нет специальных учебных заведений и в которой отсутствует хотя бы приблизительный эталон оценки мастерства. «Поэтами не становятся, поэтами рождаются». Из этого нужно, видимо, сделать вывод, что природа поэзии слишком таинственна, чтобы ее исследовать, что ее истоки – еще большая тайна, чем королевское происхождение. Ведь королем можно не только родиться, но и стать, а вот слова короля, которого уже нет в живых, не имеют особой ценности ни для церковной кафедры, ни для пивной.

Парадокс этот можно объяснить тем, что звание поэта, как и королевский титул, до сих пор почему-то пользуется в обществе большим почетом, и сопряжено с представлением, что поэзия, поскольку она не поддается научному анализу, происходит от некой магии, а с магией лучше не связываться. Европейская поэзия, в конечном счете, действительно зиждется на магических принципах, к началкам которых в течение веков относились с благоговением и хранили в строгой тайне, но впоследствии исказили, подвергли сомнению и забыли. В наши дни поэтам очень редко случается исполниться былой духовности и сообщить стихотворным строкам действительно магическую, в стародавнем понимании, силу. В остальном современная практика стихосложения напоминает фантастические, обреченные на неудачу эксперименты средневекового алхимика по превращению простого металла в золото с той разницей, что алхимик, по крайней мере, мог распознать чистое золото, когда видел и брал его в руки. Истина заключается в том, что золото можно добыть

лишь из золотоносной руды, а сочинить стихи можно лишь тогда, когда есть поэзия. В этой книге рассказывается про обретение некогда утраченных первооснов поэзии и о действенных принципах поэтической магии, которые являются для них определением.

Мои доводы основаны на тщательном анализе двух удивительных поэм валлийских менестрелей XIII в., в которых искусно скрыты ключи к этой древней тайне.

В качестве введения в историю предмета необходимо четко обозначить различие между придворными бардами и странствующими менестрелями древнего Уэльса. Валлийские барды, или поэты-наставники, подобно ирландским, имели свою профессиональную традицию – свод поэм, который они заучивали наизусть, тщательно обдумывали, а затем передавали ученикам. Сегодняшние английские поэты (их язык берет начало в презренном разговорном языке позднего Средневековья, когда валлийская поэзия уже имела многовековую традицию) могут задним числом лишь позавидовать: молодой поэт был избавлен от тех мучительных сомнений, в которых ему приходится совершенствовать свое поэтическое мастерство сейчас, занимаясь беспорядочным чтением, советуясь с такими же сомневающимися в себе друзьями и отваживаясь на стихотворные опыты. Те не менее, лишь в Ирландии поэту-наставнику позволялось иметь свой собственный стиль. После того как валлийских поэтов обратили в христианство и подчинили церковной дисциплине (процесс этот, как следует из валлийского законодательства того времени, завершился к X в.), их традиция постепенно заостенела. Хотя от поэтов по-прежнему ждали высокого поэтического мастерства и при королевских дворах разгорались нешуточные страсти вокруг кандидата, достойного занять «поэтическое кресло», им приходилось избегать того, что церковью было признано отступлением от истины, то есть опасных экзерсисов поэтического воображения в области мифов или аллегорий. Допускались лишь определенные эпитеты и метафоры. Сходным образом была ограничена тематика, закреплены определенные размеры. Навязчивой идеей стало использование навязшего в зубах синганеда – повторяющихся рядов согласных, чередующихся с гласными¹. Поэты-наставники превратились в придворных, которые должны были славить бога, а затем – короля или принца, предоставившего им это «кресло»

¹ По-английски синганед можно проиллюстрировать следующим образом:

*Billet spied,
Bolt sped.
Across field,
Crowd fled.
Aloft, wounded,
Left one dead.*

Строгого ценителя может смутить соответствие *ss* в *across* и *s* в *crowd*, которая читается как *z*.

за своим царственным столом. Даже после того, как в конце XIII в. валлийские правители утратили свою власть, барды в домах знати по-прежнему придерживались этого бесплодного поэтического устава.

Вот что пишет в «Трудах Благородного Собрания Киммродориона» (1913–1914 гг.) Т. Гвинн Джонс:

«Те немногие свидетельства, которые можно обнаружить в творениях бардов вплоть до утраты власти валлийскими правителями, указывают на то, что подробно описанная в «Законах» система сохранилась, хотя и с определенными изменениями. Дальнейшие изменения можно проследить в своде поэтических размеров «Хливр Кох Хергест», из которого в XV в. возник «Кармартен Эйтстетвод»... Как известно, «гогинвейрт» (придворные барды) придерживались закрепленной в этом своде традиции, а она практически сводится к евлогам и элегиям и исключает сказание. Возможно, их приверженность к тому, что они почитали исторической истиной, обусловлена влиянием критиков, давно уже подчинивших себе их организацию. Практически барды не использовали традиционный материал народных баллад, а сведения об именах мифических и внеисторических персонажей черпали в основном из «Триад»... Стихи о Природе и любви встречались в их сочинениях от случая к случаю и не получили за это время почти никакого развития... О Природе в стихотворениях придворных бардов упоминается редко и вскользь, и эти упоминания ограничены в основном самыми суровыми ее проявлениями – наступающее на берег моря, неистовство зимних штормов, горящая весенняя поросль на горных склонах. Характеры героев лишь намечены посредством эпитетов, ни одна сцена не описана полностью, о битвах упоминается в лучшем случае одной-двумя строками. Судя по их представлениям, поэзия, в частности евлога, сводится к эпитетам и аллюзиям, позволяющим восстановить исторические факты, предположительно известные слушателям. Здесь почти не встретишь повествования, изредка попадает сравнительно связное описание отдельного эпизода. Такой, если не считать народных баллад, валлийская поэзия практически остается и по сей день.

С другой стороны, сказания и баллады очень живы и колоритны, в них встречаются даже описания характеров. Свободная от ограничений на тему и форму описания, игра воображения перерастает в них в творческую фантазию».

Рассказывали эти сказания валлийские менестрели, объединенные в гильдию, статус которой не был обусловлен «Законами». Менестрели не были связаны ни с епископами, ни с представителями светской власти и, свободно используя поэтический язык, выбирали любые темы и размеры. Об их организации и истории почти ничего не известно, но поскольку в народе считалось, что они обладают даром прорицания и предвидения, а также могучей губительной сатиры, они, вероятно, яв-

ляются наследниками первых валлийских поэтов-наставников, которые сами отказались или им было отказано в покровительстве двора после завоевания Уэльса кимрами.

Кимры (мы считаем их истинными валлийцами: из них и набирали надменных придворных бардов) были представителями племенной аристократии бретонского происхождения, державшими в подчинении сервов – рабов-гаэлов, бретонцев, людей бронзового века и неолита, и коренных жителей. Кимры вторглись в Уэльс с севера Англии в V в.

Менестрели некимрского происхождения бродили от деревни к деревне, из дома в дом, развлекая поселян – в зависимости от времени года – под сенью дерев или у очага. Именно они стали хранителями невероятно древней литературной традиции, главным образом народных сказаний, которые содержали элементы не только докимрских, но и догэльских мифов, восходящих иногда к каменному веку. Основы их поэтики сформулированы в триаде в «Хливр Кох Хергест» (Красная Книга Хергеста):

*Три вещи обогащают поэта:
Мифы, сила поэтического слова
И запас древних стихов.*

Поначалу обе поэтические школы существовали порознь, причем «толстопузым» и разодетым придворным бардам запрещалось сочинять в духе менестрелей, их подвергали наказанию, если они осмеливались появиться вне дворов королей и высшей знати. А голодные и оборванные менестрели не только не допускались ко двору, но и не были обучены замысловатым стихотворным формам, обязательным для придворных бардов. Тем не менее, в XIII в. искусству менестрелей стали покровительствовать нормандско-французские завоеватели – вероятно, под влиянием бретонских рыцарей, которые понимали валлийский язык и считали некоторые сказания более удачным переложением того, что они слышали у себя дома. Труверы, или «обретающие», переводили их на французский язык того времени сообразно провансальскому рыцарскому кодексу, и в этом новом облике сказания покорили всю Европу.

Многие валлийские и нормандские семейства породнились; не допускать менестрелей ко двору становилось все труднее. В стихотворении некоего Филипа Бридита (начало XIII в.) говорится о состязании между его автором и теми, кого он называет «неотесанными рифмоплетами», за право первым исполнить песнь на Рождество перед своим покровителем – королем Хрисом Юанком в Хланбадарн Ваур на юге Уэльса. Король Хрис был верным союзником нормандцев. Две поэмы XIII в., которые мы здесь рассмотрим, как раз и представляют собой сочинения одного из «неотесанных рифмоплетов» – неотесанных, если, конечно, исходить из аристократических представлений Филипа о том, каким должен быть поэт. Называются эти поэмы «*Cad Goddeu*» (Битва Дерев) и «*Hanes Taliesin*» (Сказание о Талиезине).

К XIV в. поэтическое влияние менестрелей стало ощущаться даже в придворной поэзии, и «триет керт», или «придидд» (придворный бард), мог писать стихи о любви, хотя и воздерживался от сатиры, памфлетов, заговоров, предсказаний и словесной магии. Лишь в XIV в. поэт Давит ап Гвилем удостоился похвалы за создание новой стихотворной формы – «кивидд», объединившей придворную поэзию и поэзию менестрелей. Придворные поэты чаще всего работали по старинке, с привычным презрением и ревностью относясь к тому, как милостиво принимали «рассказчиков небылиц». Положение придворных бардов по мере ослабления позиций их покровителей становилось все более шатким. Окончательно их власть рухнула после гражданских войн, в ходе которых Уэльс оказался на стороне побежденных. Незадолго до этого покорение Ирландии Кромвелем положило конец могуществу оллавов, или поэтов-наставников. Возрождение поэзии бардов, выразившееся в проведении Горшета Национального Эйтстетвода, представляется пародией «под старину», расцвеченной к тому же ошибочными представлениями начала XIX в. о деятельности друидов. Тем не менее, благодаря Эйтстетводу народ продолжает должным образом почитать поэтов, а соперничество между претендентами на «кресло поэзии» не потеряло своей остроты.

Для английской поэзии опыт такого рода поэтической дисциплины был недолгим: это классицизм XVIII в., когда поклонники и подражатели Александра Поупа настаивали на высоком стиле языка, размера и тематики стихотворений. Затем последовало яростное противодействие – «возрождение романтизма», а очередной частичный возврат к строгой дисциплине (викторианский классицизм) сменился еще более яростным противодействием – анархией «модернизма» 20-30-х годов. Современные английские поэты, похоже, готовы добровольно вернуться к дисциплине, но не к смиренной рубашке XVIII в. и не к сюртуку викторианской эпохи, а к той логике поэтической мысли, которая придает стиху силу и изящество. Но где им изучать размер, стиль и тематику? Суждено ли им обрести правительство стихотворцев, которому они могли бы добровольно присягнуть на верность? Все они, вероятно, согласятся с тем, что размер – это та норма, с которой поэт соотносит свой собственный ритм, как бы медная пластина печатного оригинала, благодаря которой поэт вырабатывает свой неповторимый почерк. Если он не признает эту норму, его ритмическое своеобразие теряет всякий смысл. Вероятно, поэты придут к согласию и о языке, с тем чтобы он не был ни слишком изощренным, ни вульгарным. Ну а как быть с тематикой? Кому и когда дано было объявить тему поэтичной или непоэтичной, если не знать о ее воздействии на читателя?

Повторное обретение утраченных первооснов поэзии способно помочь решить проблему тематики. Если их еще не скинули со счетов, они станут подтверждением интуитивной догадки валлийского поэта Алэна

Льюиса, незадолго до своей кончины в марте 1944 г. в Бирме писавшего о «Единственной поэтической теме – Жизни и Смерти... о том, что остается от Возлюбленной». Разумеется, у газетного стихоплета найдется немало тем, что же касается поэта – как понимал это слова Алэн Льюис, – то ему выбирать не из чего. Элементы единственной, бесконечно изменчивой Темы можно обнаружить в определенных поэтических мифах древности, в целом неизменных, несмотря на все те манипуляции, посредством которых в различные эпохи их приспособливают к новым религиозным представлениям. (Слово «миф» я употребляю строго в значении «словесная иконография» без приобретенного им пренебрежительного оттенка – «нелепые выдумки».) Абсолютная преданность поэта Теме вызывает у читателя необычное ощущение: нечто среднее между восторгом и ужасом, от которого волосы буквально становятся дыбом. Простой и практичный способ испытания стихотворения на истинность предложил А. И. Хаусман: у человека, повторяющего такое стихотворение во время бритья, должна вставать дыбом щетина на подбородке. Он, впрочем, не объясняет, почему это происходит.

Древние кельты четко различали поэта (который изначально был жрецом и судьей и личность которого была неприкосновенна и священна) и обычного менестреля. По-ирландски поэта называли «фили» – «пророк», по-валлийски – «дервит», «пророк дуба». Отсюда, вероятно, произошло слово «друид». Его духовное руководство признавали даже короли. Когда в бою сходились два войска, поэты с обеих сторон удалялись на холм и там со всей обстоятельностью обсуждали ход сражения. В валлийской поэме VI в. «Гододин» отмечается, что «поэты мира оценивают доблесть мужей», а участники сражения, кого они зачастую разводили своим неожиданным вмешательством, впоследствии с почтением и удовольствием принимали их описание битвы, если она вообще заслуживала того, чтобы говорить о ней в стихах. Менестрель же был шутом, забавником, но вовсе не жрецом: он искал покровительства у военачальников и не проходил многотрудное обучение ремеслу поэта. Зачастую его выступление превращалось в настоящее представление с пантомимой и акробатикой. В Уэльсе его величали эйркиадам, «просителем», то есть причисляли не к тем, чье занятие дает постоянный доход, а к тем, чье благосостояние зависит от случайных щедрот сильных мира сего. От Посидония Стоика (I в. до Р. Х.) мы знаем о мешочке с золотом, брошенном к ногам кельтского менестреля – и это в Галлии, где влияние друидов было в то время сильно как никогда. Если лесть менестреля приходилась по душе, а пение оказывалось достаточно благозвучным для притупленного хмелем сознание его покровителей, они осыпали певца золотыми браслетами и медовыми пряниками, в противном случае могли забросать обглоданными бычьими костями. Но попробовал бы кто нанести малейшую обиду ирландскому поэту даже спустя века после

того, как его жреческие функции перешли к христианским священникам, – и тот немедленно сочинил бы такую сатиру, от которой лицо обидчика пошло бы черными пятнами или у него начался бы понос, или швырнул бы ему в лицо пучок заговоренной соломы, чтобы свести с ума. Уцелевшие образцы стихотворных проклятий валлийских менестрелей свидетельствуют о том, что с их авторами тоже приходилось считаться. С другой стороны, придворным поэтам Уэльса запрещалось сочинять проклятия или сатиры, так что компенсацию за нанесенную обиду им приходилось требовать в законном порядке. Согласно своду законов Х в., валлийский «домашний бард» мог потребовать эрик «в девять коров и девять раз по двадцать пенсов деньгами». Цифра 9 заставляет вспомнить их бывшую Покровительницу – Музу с Ее девятью ипостасями.

В древней Ирландии оллав, поэт-наставник, сидел за пиршественным столом рядом с королем и мог носить одежду шести разных цветов – привилегия, которую имела Королева. Слово «бард», означавшее в средневековом Уэльсе «поэт-наставник», в Ирландии имело другой смысл: так здесь называли поэта, еще не прошедшего «семь степеней премудрости» – весьма непростого двенадцатилетнего обучения, после которого он становился оллавом. Положение ирландского барда определено в «Приложении к Закону Крит Габлах» (VII в.): «Бард – это тот, кто не прошел должного учения, но умудрен в разумении своем». Однако в более поздней «Книге Оллава» (входящей в состав «Книги Баллимот» XIV в.) разъясняется, что уже на седьмом году учебы соискатель удаивался степени «кандидата» поэтической премудрости. Он выучил лишь половину сложенных сказаний и поэм, еще не изучил сложные разновидности просодии и метрики и не знает древнегэльского языка. Тем не менее, это семилетнее обучение было куда более трудным, чем в поэтических школах Уэльса, где статус барда был соответственно ниже. По валлийским законам, «Пенкерт», или Главный бард, занимал лишь десятое место в придворной табели о рангах, сидел слева от престолонаследника и удаивался тех же почестей, что и Главный кузнец.

Ирландский оллав стремился в основном к точной и краткой формулировке непростой поэтической истины. Он знал исторический и мифический смысл каждого использованного слова и нимало не заботился о признании своих произведений простыми людьми. Важна была лишь оценка коллег, и редкая встреча с ними обходилась без оживленного обмена поэтической премудростью в виде стихотворных импровизаций. И все-таки нельзя утверждать, что оллав всегда оставался верен Теме. Полученное образование – а оно было разносторонним и включало знания по истории и музыке, изучение законов, естественных наук и гадания – подвигало поэтов на стихосложение во всех этих областях знания. Поэтому бог красноречия Огма зачастую казался им важнее, чем Тройственная Муза Бригита. Парадокс заключается в том, что в средневеко-

вом Уэльсе признанный всеми придворный поэт состоял в услужении у своего короля и обращался к нему с пустыми заказными одами, предав Тему почти полному забвению, тогда как презренный и малоодаренный менестрель, напомилавший простого бродячего певца, обнаруживал большую поэтическую целостность, хотя его слог не отличался формальным совершенством.

У англосаксов не было священных поэтов-наставников, абыли лишь менестрели. Английская поэзия заимствована из третьих рук – через французские сказания норманнов из древних бретонских, гэльских и ирландских источников. Вот почему в английской деревне не относятся к поэту с таким необъяснимым благоговением, как в отдаленных уголках Уэльса, Ирландии и Шотландии. Английские поэты считают, что везде, за исключением литературных кругов, они обязаны как бы извиняться за свое звание. Предоставляя сведения чиновнику или давая показания в суде, они называют себя государственными служащими, журналистами, учителями, писателями или указывают любую другую специальность – но не признают себя поэтами. Звание поэта-лауреата учреждено в Англии лишь в правление Карла I. (Джон Скелтон получил лавровый венок от университета за мастерское владение риторикой, что никак не связано с покровительством, которое оказывал ему как поэту Генрих VIII.) Поэт-лауреат не становился законодателем поэтической моды и не нес никаких обязательств по поддержанию должного уровня в поэзии; это звание присваивало ему не какое-нибудь ученое общество, а первый лорд Казначейства. Тем не менее, многих английских поэтов отличало выдающееся техническое мастерство, и начиная с XII в. ни одно их поколение не забывало о Теме. Дело в том, что англосаксы, лишив власти британских вождей и поэтов, не уничтожили крестьянства, поэтому преемственность древних праздников бриттов сохранилось даже после того, как англосаксы приняли христианство. Основой жизни английского общества было не промышленное производство, а сельское хозяйство, пастбищное животноводство и охота, и Тема по-прежнему присутствовала в народных праздниках, которые известны ныне как Сретение, Благовещение, праздник Весны, Иванов день, праздник Урожая, Михайлов день, День Всех Святых и Рождество. В виде религиозного учения Тему тайно сохраняли и на антихристианских шабашах Колдуний. Таким образом, хотя не в традициях англичан уважать поэтов, поэтическая Тема у них традиционно присутствует.

Вкратце, Тема – это древняя история в тринадцати главах с эпилогом, история о рождении, жизни, смерти и возрождении бога Прибывающего года. В центральных главах повествуется о том, как этот бог терпит поражение в битве с богом Убывающего года за любовь капризной и всесильной Тройственной Богини, выступающей в трех ипостасях – их Матери, Невесты и Губительницы. Поэт отождествляет

себя с богом Прибывающего года, а свою Музу – с Богиней; соперником оказывается его единокровный брат, второе «я», рок. Всякое подлинное поэтическое произведение (определенное по Хаусману) воспевает какой-либо эпизод или сцену из этой древней истории. Три его главных персонажа до такой степени вошли в нашу плоть и кровь, что заявляют о себе не только в поэзии, но и появляются при эмоциональных стрессах в форме сновидений, параноидальных явлений и галлюцинаций. Рок или соперник нередко присутствует в кошмарных снах в виде высокого, худого, темнолицего призрака или Князя Эфира, который пытается вытащить спящего через окно, а когда тот оглядывается, то видит свое бездыханное тело, по-прежнему лежащее на постели. Соперник может принять безчисленное множество иных недобрых личин, обернуться и дьяволом, и змием.

Богиня – прекрасная стройная Женщина с крючковатым носом, смертельно бледным лицом, алыми губами, поразительной голубизны глазами и длинными светлыми волосами. Она может обернуться свиньей, кобылой, сукой, лисой, ослицей, лаской, змеей, совой, волчицей, тигрицей, русалкой или отвратительной старой Каргой. Имен и прозваний у Нее – не счесть. В рассказах о привидениях Ее называют Белой Дамой, а в древних верованиях от Британских островов до Кавказских гор – Белой Богиней. Я не припомню ни одного настоящего поэта, начиная с Гомера, который независимо ни от кого не оставил бы свое собственное свидетельство о Ней. Можно сказать, что показателем поэтического видения является точность, с которой поэт изображает Белую Богиню и остров, где Она правит. Вот почему, когда читаешь подлинную поэзию, волосы встают дыбом, глаза слезятся, к горлу подступает комок, по коже бегают мурашки и холодеет спина. Подлинная поэзия – это заклинание Белой Богини или Музы, Матери всего сущего, силы, издревле устрашающей и желанной, как паучиха или пчелиная матка, чьи объятия несут смерть.

Хаусман предложил дополнительный способ проверки поэзии на истинность: применимо ли к ней выражение Китса – «Всякая память о Ней пронзает меня как копьем»? Это же относится и к Теме. Китс на пороге смерти писал эти строки о своей Музе Фанни Броун, а «свистящее копье, которому быть в крови», – традиционное орудие мрачного палача и мучителя.

Порой волосы встают дыбом, когда читаешь стихотворное описание сцен, в которых нет никаких действующих лиц и не происходит никаких событий. Тем не менее, о незримом присутствии Белой Богини недвусмысленно свидетельствуют силы Природы. Например, когда раздастся уханье сов, из несущихся по небу облаков, как корабль, выплывает Луна, над грохочущим водопадом тихо раскачиваются деревья и издалека доносится лай собак, или когда в морозной тишине перезвон колоколов вдребезг возвещает рождение Нового года.

От классической поэзии, несмотря на то, что она доставляет глубокое чувственное наслаждение, волосы никогда не встанут дыбом и сердце не забьется, разве что ей не удастся соблюсти приличия. и причиной тому разное отношение поэта-классика и истинного поэта к Белой Богине. Это, конечно, не значит, что истинный поэт и поэт-романтик – одно и то же. Слово «романтический» имело смысл, когда авторы романов вводили в Западной Европе в обиход мистическое преклонение перед Женщиной; потом это слово стали употреблять без всякого разбора. Типичный поэт-романтик XIX в. – физически недоразвитый или больной человек, пристрастившийся к наркотикам и подверженный приступам меланхолии, совершенно неуравновешенный. Подлинным поэтом он был в одном – в своем фаталистическом отношении к Богине как к Госпоже, распорядившейся его судьбой. Поэт-классик, несмотря на всю свою одаренность и прилежание, не выдерживает проверки на подлинность, поскольку считает себя повелителем Богини, а в Ней видит Любовницу в том уничижительном смысле, что Она ведет за его счет безбедную и праздную жизнь. Иногда, впрочем, он становится еще и Ее сводником, когда, пытаясь сделать стихи более привлекательными, усыпает их «красотами», заимствованными из подлинной поэзии. В классической арабской поэзии есть прием, называемый «разжигание». Посредством изящного пролога о рощах, ручьях и соловьях поэт создает определенную поэтическую атмосферу и тут же, пока не рассеялось ее разочарование, переходит к тому, ради чего, собственно, взялся за перо, – допустим, к льстивому описанию храбрости, благочестия и великодушия своего покровителя или к философским размышлениям о быстротечности и превратностях человеческой жизни. В классической английской поэзии «разжигание» нередко растягивается на все произведение.

В последующих главах читатель по-иному откроет для себя различные по древности заветные магические формулы, в которых разные варианты поэтической Темы нашли свое отражение. Литературные критики, в задачу которых входит рассуждать о литературе с точки зрения менеджера (то есть о том, насколько она увлекательна для масс), не преминут посмеяться над тем, что они в состоянии воспринять лишь как мое абсурдное собрание «Ведьминых гнезд», то есть несусветных небылиц. Не сомневаюсь и в том, что ученые мужи вообще воздержатся от каких-либо откликов. Но кто такой, собственно говоря, ученый? Человек, не способный разорвать узы под страхом исключения из Академии.

А что же такое Ведьмино гнездо? Намек на возможный ответ есть у Шекспира, хотя он заменяет первоначального героя баллады Одина святым Свитольдом:

*Свитольд трижды мир обошел,
Мару с приплодом сам-девят нашел,*

*Спуститься велел и клятву взял,
Чтобы прочь убиралась Ведьма!*

Более подробно подвиг Одина описан в северо-английском «Заклинании от Ночной Ведьмы», относящемся, по всей вероятности, к XIV в.:

*При полной Луне он прищипорил коня
Без меча, без страха и без огня.
Он Ведьму искал, он Ведьму нашел,
Ее волосами он Ведьму связал
И в полночь заставил поклясться Ее,
Что больше не будет бродить по ночам,
Где сам он проехал при полной Луне.*

Ночная Мара – одно из самых жутких воплощений Белой Богини. Ее гнезда, если доведется набрести во сне на одно из них, устроены в расщелинах скал или в ветвях огромных дуплистых тисов и сделаны из тщательно подобранных ветвей, выложены белым конским волосом и перьями птиц-прорицательниц и усеяны челюстями и внутренностями поэтов. Как сказано о Ней у пророка Иова: «Живет на скале, и ночует на зубце утесов... Птенцы [ее]... пьют кровь».

II. ДРЕВЕСНЫЙ АЛФАВИТ (ЧАСТЬ 1)

Впервые я открыл для себя алфавит Бет-Луис-Нион в книге Родерика О'Флаерти «Огигия». Этот алфавит, как и алфавит Бойбел-Лот, представлен у него как подлинная реликвия друидов, которую передавали из уст в уста на протяжении многих веков. Говорят, что в более поздние времена его использовали только для ворожбы, и состоит он из пяти гласных и тринадцати согласных. Каждая буква – это название дерева или кустарника, которое с нее начинается:

┌	<i>Beth</i>	B	Береза
┐	<i>Luis</i>	L	Рябина
└	<i>Nion</i>	N	Ясень
┘	<i>Fearn</i>	F	Ольха
┌┐	<i>Saille</i>	S	Ива
└┘	<i>Uath</i>	H	Боярышник
┌└	<i>Duir</i>	D	Дуб
┐┘	<i>Tinne</i>	T	Остролист
┘┐	<i>Coll</i>	C	Лещина
┐└	<i>Muin</i>	M	Виноград
┘└	<i>Gort</i>	G	Плющ
┐┘┐	<i>Peith</i>	P	Карликовая бузина
┘┐┘	<i>Ruis</i>	R	Бузина
┐└┐	<i>Ailm</i>	A	Пихта
┘└┘	<i>Onn</i>	O	Дрок
┐└┐┐	<i>Ura</i>	U	Вереск
┘└┐┐	<i>Eadha</i>	E	Тополь
┐└┐┐┐	<i>Idho</i>	I	Тис

В современном ирландском алфавите названия букв также суть названия деревьев, большинство из которых соответствует списку О'Флаерти, только Т стала дроком, О – раkitником, а А – вязом.

Почти сразу я обратил внимание, что согласные в этом алфавите образуют календарь древесной магии и что все деревья широко представлены в европейском фольклоре.

ВЕТН – В

Первое дерево в алфавите – самосеющая береза. По всей Европе березовыми ветками отбивают межи, порют правонарушителей (в прежние времена – умалишенных) и изгоняют из них злых духов. Гвион пишет в «*Cad Goddeu*», что береза «с оружием поздна», имея в виду, что побеги березы твердеют лишь к концу года. (То же он отмечает об иве и рябине, ветви которых тоже использовались в обрядах.) Березовые прутья присутствуют и в деревенском обряде изгнания духа Старого года. В Риме в это время года березовые прутья несли ликторы при вступлении консулов в должность; двенадцать ликторов на каждого консула, а вместе с ним – тринадцать. Береза – дерево начала. В лесу она распускается первой, если не считать таинственной бузины (1 апреля в Англии – начало финансового года). В Скандинавии появление листьев на березе знаменует начало сельскохозяйственных работ, для фермеров это знак к севу яровой пшеницы. Первый месяц начинается сразу после зимнего солнцеворота, когда световой день, сократившись до предела, начинает возрастать.

Согласных в этом календаре тринадцать, что позволяет считать древесный месяц равным принятому в Британии «лунному» месяцу из двадцати восьми дней (по Блэкстоуну). В солнечном году тринадцать таких месяцев плюс один дополнительный день. Согласно Цезарю и Плинию, год друидов состоит из лунных месяцев, но ни тот, ни другой не указал его продолжительность. У нас нет никаких доказательств, что это была «лунация» продолжительностью в двадцать девять с половиной дней; в году их двенадцать плюс еще десять и три четверти дня. «Календарь Колиньи», датируемый I в. до Р.Х. и состоящий из «лунаций», календарем друидов больше не считается. Он выгравирован латинскими буквами на медной пластине и является одной из предпринятых в первые годы империи попыток романизировать местные верования. Более того, двадцать восемь дней – это реальная продолжительность лунного месяца не только с астрономической точки зрения (обращение Луны по отношению к Солнцу), но и с мистической, ибо у Луны, которая является Женщиной, – нормальный Женский менструальный цикл (слово «менструация» [*menstruation*] связано со словом «Луна, месяц» [*mensis*])¹

¹ Стойкое представление о том, что между Луной и менструациями существует магическая связь, широко распространено. Вредоносная «лунная роса», которой

из двадцати восьми дней. В Британию «Календарь Колиньи» принесли, вероятно, римляне во время завоеваний Клавдия; память об этих дополнительных днях, как отмечает профессор Т. Глинн Джонс, до сих пор сохранилась в валлийском фольклоре. Однако в древнейших ирландских и валлийских мифах постоянно встречается выражение «год и день», из чего естественно заключить, что календарь Бет-Луис-Нион состоит из 364 дней плюс один. Таким образом, можно считать, что месяц Березы продолжался с 24 декабря по 20 января.

LUIS – L

Второе дерево – рябина («дерево жизни»). Круглые плетенки из рябиновых ветвей с натянутыми на них только что содранными бычьими шкурами (*wattles*) друиды использовали как крайнее средство заставить демонов дать ответ на трудные вопросы – отсюда ирландское присловье «*to go on the wattles of knowledge*», что значит «стараться получить сведения во что бы то ни стало». На Британских островах рябина – наиболее распространенное средство отвести удар молнии и колдовские чары: так, с лошадьми, на которых навели порчу, можно совладать лишь кнутом с кнутовищем из рябины. В древней Ирландии друиды противостоявших армий разводили костры из рябиновых ветвей и произносили над ними заклинания, чтобы духи приняли участие в сражении. В ирландском «Сказании о Фраоте» ягоды волшебной рябины, которую стережет дракон, могли заменить девять трапез; кроме того, они исцеляли раны и добавляли человеку год жизни. В «Сказании о Диармайде и Грайне» ягоды рябины наряду с яблоками и красными орехами названы пищей богов. По выражению «пища богов» можно предположить, что запрет на пищу красного цвета проистекал из запрета простолюдинам есть ярко-красные мухоморы, которые, согласно упомянутой Нероном греческой поговорке, являлись «пищей богов». В Древней Греции пища красного цвета (лангусты, бекон, красная кефаль, креветки, красные ягоды и фрукты) разрешалась только на поминальных праздниках. (В эпоху бронзы в Греции и Британии красный считался цветом смерти: красную охру обнаружили в мегалитических захоронениях в горах Пресцелли и на рав-

пользовались фессалийские Колдуньи, была, по всей видимости, кровью первой Девичьей менструации, взятой в новолуние. Плиний посвящает этому предмету целую главу в «Естественной истории» и дает пространный перечень добрых и недобрых свойств Женщины во время месячных. От Ее прикосновения может завянуть виноградная лоза, плющ и рута, выщевить пурпурная ткань, почернеть белье в корыте, окислиться медь; Она способна выгнать пчел из улья и вызвать у лошади выкидыш. Но Она же может изгнать с поля вредителей, если обойдет его нагишом перед восходом Солнца, успокоить бурю на море, обнажив половые органы, вылечить нарыв, рожистое воспаление, водобоязнь и бесплодие. В Талмуде сказано, что, если Женщина во время месячных пройдет между двумя мужчинами, один из них умрет.

нине Солсбери.) Рябина – дерево животворящее. Ботаническое название рябины – *Fraxinus* (или *Pyrus) Aucuparia* – свидетельствует о том, что ее использовали для ворожбы. Рябину называли «Колдуньей»; веточки, с помощью которых искали месторождения металлов, были рябиновыми. Как дерево животворящее, ее могли использовать и для обратного. В да-наанской Ирландии рябиновый кол вбивали в труп, чтобы тот не ожил. В «Сказании о Кухулине» три Ведьмы проткнули рябиновыми прутьями собаку, священное животное Кухулина, чтобы убить ее навечно.

Рябину использовали оракулы, что объясняет неожиданное наличие обширных зарослей рябины на Рюгене и других янтарных островах Балтийского моря, некогда служивших святилищами для оракулов, и ее нередкое присутствие близ древних каменных кругов, отмеченное Джоном Лайтфуттом в «*Flora Scotica*» (1777).

Второй месяц продолжается с 21 января по 17 февраля. На его середину (2 февраля) приходится важный кельтский праздник, ныне Сретение. Он знаменовал возвращение года к жизни и был первым из четырех «кардинальных дней», в которые британские Ведьмы справляют шабаши. Остальные дни приходились на канун Майского дня, праздник Урожая (2 августа) и День Всех Святых, когда год умирал. Эти дни соответствуют четырем большим ирландским праздникам костров, о которых упоминает Кормак, архиепископ Кашельский (X в.). В Ирландии и Шотландии 2 февраля очень удачно приходится на день Св. Бригиты, бывшей Белой Богини, животворящей Тройственной Музы. Связь рябины с праздником костров на Сретение показана в «Книге Баллимота» в огаме Моранна Макмейна: он поэтически называет рябину «упоение очей, а именно, *Luisiu* – пламя».

NION – N

Третье дерево – ясень. В Греции ясень был священным деревом Посейдона, второго бога из ахейской троицы; широкое распространение имел культ Нимф Мелий, духов ясеня. По Гесиоду, Мелии возникли из капель крови Урана, которого оскопил Кронос. Три из пяти магических деревьев Ирландии – дерево Торту, дерево Дати и ветвистое дерево Уснх – ясени. В 665 г. их срубили, что символизировало победу христианства над язычеством. Еще в XIX в. в Киллуре рос потомок священного дерева Кривна, тоже ясень. Это дерево не позволяло утонуть, и эмигранты, отправлявшиеся в Америку после Картофельного мора, брали с собой щепочки ясеня. В британском фольклоре ясень – дерево возрождения. Джилберт Уайт рассказывает в «Истории Селборна», как когда-то лечили грыжу у детей: перед восходом Солнца их проводили нагишом через расщепленный ствол ясеня с отрубленной верхушкой. В отдаленных уголках Англии этот обычай сохранился до 30-х гг. XIX в. Из ясеня был

сделан жезл друида с украшением в виде спирали, найденный недавно в Англии и датируемый началом I в. В связи с «Битвой Дерев» упоминается величественный ясень Иггдрасиль, священное дерево Водена (Вотана, Одина, Гвидиона), который служил ему боевым конем. Получил он его от Тройственной Богини, Которая, как три Норны скандинавской легенды, вершила под ясенем Свой суд. Оставшись покровителем лошадей, Посейдон стал еще и богом мореплавателей, когда ахейцы начали выходить в море; то же произошло и с Воденом, когда начал выходить в море его народ. В древнем Уэльсе и Ирландии из ясеня делали весла и каркасы для лодок; ясеневыми прутьями погоняли лошадей, хотя иногда предпочитали безошадный тис. Упоминаемая Гвионом жестокость ясеня заключается в том, что его тень вредна для трав и злаков. В тени ольхи, наоборот, злаки растут хорошо. Веточками ясеня образованы буквы в руническом алфавите Одина; корни ясеня удушают корни других лесных деревьев. Ясень – дерево могущества морской стихии или силы, заключенной в воде. Другое имя Водена – Иггр, от которого образовано слово «Иггдрасиль», – несомненно, связано со словом *hygra*, по-гречески «море» (дословно – «влажная стихия»).

Третий месяц – месяц весеннего половодья, продолжается он с 18 февраля по 17 марта. В первые три месяца ночи длиннее, чем дни, и Солнце все еще пребывает во власти Ночи. Этруски не включали их в священный год.

FEARN – F

Четвертое дерево – ольха, дерево Брана. В «Битве Дерев» ольха сражается в первых рядах, а под этим подразумевается, что F – одна из первых пяти согласных в алфавитах Бет-Луис-Нион и Бойбел-Лот. В ирландской «Песни лесных деревьев» Оссиана¹ об ольхе говорится

¹ См. перевод Стэндиш О’Грейди в Книге поэзии гаэлов И. М. Халла. Прелестный, хотя и выхолощенный вариант этого стихотворения известен в Дартмуре. В нем рассказывается, какие деревья жечь, а какие нет:

*От дуба будешь ты с теплом,
Коль стар и высох он;
Сосна, хоть даст приятный дух,
Да много искр при том.*

*Береза быстро прогорит,
Каштан - и не займется;
Боярышник - он всем хорош -
По осени руби.*

*Растает воском остролист:
Зеленым жги его.
Вяз только тлеет словно лен -
И не дает огня.*

как о «самой воинственной Колдунье в лесу, дереве, самом пылком в бою». Подобно иве, тополю и каштану, ольха плохо горит, но углежогги считают, что из нее получается отличный древесный уголь. Ее связь с огнем показана в «Сказании о Бранвен», где племянника Брана, Гверна (ольха), сжигают на костре. В сельских районах Ирландии порубка священной ольхи считается преступлением и наказывается сожжением дома преступника. Ольха надежно противостоит разлагающей силе воды: ее клейкие листья дольше других сопротивляются зимним дождям, а древесина долго не гниет, из нее делают акведуки и сваи. На ольховых сваях стоит Риальто в Венеции и некоторые средневековые соборы. Римский архитектор Витрувий сообщает, что ольховые сваи использовали, когда гатили дорогу через болота Равенны.

В этом смысле связь Брана с ольхой четко прослеживается в «Сказании о Бранвен». Свинопасы (жрецы-оракулы) короля Ирландии Матолуха видят в море лес и не могут понять, что это такое. Бранвен говорит им, что это идет мстить за Нее флот Брана Благословенного. Корабли бросают якорь близ берега, Бран со своими людьми переходит по мелководью на берег и переносит свое добро; затем он наводит мост через реку Линон, хоть ее охраняет волшебное заклятие: он ложится поперек реки, а сверху на него накладывают мостки. Другими словами, на сваях из ольхи строят сначала пристань, а затем мост. О Бране говорили: «Ни один дом не вместит его». На загадку «Чего не вмещает ни один дом?» ответ прост: «Свай, на которых он стоит», ибо самые первые дома в Европе строили у озер на сваях из ольхи. С одной стороны, «поющая голова» Брана – это мумифицированная вещая голова священного царя, с другой – «голова» (то есть верхушка) ольхи. Из зеленых ольховых веток получают отличные свистульки, а по словам моего приятеля Рикардо Сикре-и-Серда, мальчишки местечка Серданья в Пиренеях из поколения в поколение передают друг другу следующее присловье по-каталонски:

*Бернг, Бернг, кожу сбрось,
Ты у меня нежно запоешь.*

*Бук на зиму себе бери
И тису не забудь.
Продать зеленой бузину
Не дело никому.*

*От груши и яблонь аромат
Тебе наполнит дом.
Пахнет ракитника цветком
От вишни в камельке.*

*А ясень - гладок, сероват -
Зеленый иль сухой.
Бери его и жги подряд:
Окупится стократ.*

Эти слова повторяют, обстукивая кору веткой ивы, чтобы ее легче было снять. Бернг (или Вернг на близком к каталонскому языку наречии жителей Майорки) – все тот же Бран. К нему обращаются от имени Богини Ивы. То, что кору обстукивают именно ивой, а не другой веткой ольхи, позволяет предположить, что этими свистульками Колдуньи призывали разрушительные ветры, в частности северный. Точно таким же способом делали и дудочки с несколькими отверстиями, так что «поющая голова» Брана – это дудка из ольхи. В Харлехе, где «голова» Брана пела семь лет, мимо скалы Касл протекает ручей, на котором стоит водяная мельница, – место, вполне подходящее для священной ольховой рощи. Возможно, за легендой об Аполлоне, который велел содрать кожу с Марсия, игравшего на флейте, скрывается то, что при изготовлении дудочек с ольхи снимают кору.

В древней Ирландии из ольхи делали ведра для молока и другую посуду. Отсюда ее поэтическое название в «Книге Баллимота» – *Comet lachta* («стерегущая молоко»). Связь Брана-Кроноса, ольхи, с Реей-Ио, белой лунной коровой, очень важна. В Ирландии Ио называли *Glas Gabhnach* («пустомолочная»): она давала реки молока, но не родила ни одного теленка. Ее выкрал в Испании летающий карлик кузнец Гавида; за один день в сопровождении семи его сыновей (вероятно, это дни недели) она сделала круг по всей Ирландии. Ее именем назвали Млечный Путь – *Bothar-bo-finne* («След Белой Коровы»). Как сообщается в «Трудах Великой Академии бардов», ее убил Гуайре по просьбе Жены Шонкана Торпеста, а согласно «Истории Ирландии» Китинга, она была отомщена в 528 г. За убийство другой священной коровы верховный король Ирландии Диармайд был убит своим старшим сыном.

О связи Брана с Западным океаном говорит название возвышающегося над Краем Земли самого западного холма Британии – Каер Бран.

В греческих и римских мифах ольха почти не упоминается, вероятно, потому, что ее сменило другое дерево-оракул – дельфийский лавр. Тем не менее, в «Одиссее» и «Энеиде» есть два важные упоминания об ольхе. В «Одиссее» ольха названа первым из трех деревьев воскрешения (два других – тополь и кипарис), из которых состоит роща возле пещеры Калипсо, Дочери Атласа, на Ее острове блаженных Огигии; в роще выют гнезда крикливые морские вороны (священные птицы Брана в Британии), соколы и совы. В связи с этим становится понятно, почему, рассказывая в «Энеиде» о Сестрах солнечного героя Фазтона, Вергилий говорит, что, оплакивая Своего брата, Они превратились не в рощу тополей, как у Еврипида и Аполлония Родосского, а в заросли ольхи на берегах реки По: по-видимому, это был еще один остров блаженных. Греческое слово «ольха» (*cle/thra*) происходит от *cleio* – «закрываю», «закрываю». Объясняется это, видимо, тем, что выросшие вдоль берега

заросли ольхи заточают героя на острове оракула. Вероятно, острова оракула были сначала речными, а не морскими.

Ольха была и остается известной тем, что дает три замечательные краски: красную из коры, зеленую из цветков, коричневую из веток, что символизирует огонь, воду и землю. В «Словаре вышедших из употребления слов» Кормака (X в.) ольха названа *ro-eim* – «то, что делает лицо красным». Отсюда можно заключить, что «герои, раскрашенные алым» из валлийских «Триад» (они же священные цари) были связаны с культом ольхи Брана. Одна из причин почитания ольхи священным деревом заключается в том, что, когда ее срубают, она, поначалу белого цвета, становится красной, как истекающий кровью человек. В британском фольклоре зеленый цвет ассоциируется с зелеными одеждами Фей; если предположить, что Феи – уцелевшие представители древних племен, изгнанные в горы и леса, то зеленый цвет Их одежд можно объяснить как защитный – в Средние века зеленое носили лесники и преступники. Использовали зеленую краску, по-видимому, с очень древних времен. Но прежде всего ольха – это дерево огня, а сила огня позволяет избавить землю от воды. Ольховая ветвь, по которой Брана узнали в «*Cad Goddeu*», это знак воскресения – почки на ней расположены спиралью. А спираль – символ еще более древний: ранние шумерские святыни представляют собой «дома духов», вроде тех, что есть в Уганде, по краям этих домов стоят спиралевидные столбы.

Четвертый месяц продолжается с 18 марта, когда начинает цвести ольха, по 14 апреля, когда под весенним солнцем высыхают воды паводка. На этот период приходится день весеннего равноденствия: день становится длиннее ночи и солнце входит в пору зрелости. Если, выражаясь языком поэзии, яшень – это весла и каркас лодки, на которой Дух года добирается через разливы до сухой земли, то ольха – сваи, на которых среди зимних половодий возвышается его дом. В греческой мифологии Ферн (*Fearn, Bran*) фигурирует как царь Фороней (*Phoroneus*), правитель Пелопоннеса. В Аргосе, основателем которого он якобы являлся, его почитали героем. У Гелланика Лесбосского, просвещенного современника Геродота, Фороней – отец Пеласга, Иаса и Агенора, после его смерти поделивших между собой его царство: другими словами, Фороней на Аргосе почитали с незапамятных времен. Посетивший Аргос Павсаний пишет, что Фороней был мужем Сердо (Белая Богиня в образе Музы), его отцом был речной бог Инах, а Матерью – Нимфа Мелия (яшень). В древесном календаре ольха следует за ясенем и растет возле рек, так что эту родословную можно считать вполне уместной. Павсаний, который отождествляет Фороней и Ферна (*Fearn*), не принимая в расчет легенду о Прометее, превращает Фороней в изобретателя огня. Гигин называет его Матерью Аргейю (ослепительно белая), а это вновь Белая Богиня. Таким образом, Фороней, подобно Брану и прочим священным царям,

был рожден Белой Богиней, женат на Ней и Ею погребен. Погребала его Богиня смерти Гера Аргейя, Которой он якобы первой принес жертвы. В данном случае Фороней – это Феариней (*Fearineus*), бог весны; ему ежегодно приносили жертвы в день весеннего равноденствия на горе Крона в Олимпии¹. Когда речь заходит о его поющей голове, сразу же вспоминается Орфей (*Orpheus*), чье имя, возможно, происходит от *Orphruoeis* («растущий на берегу реки»), т.е. «ольха».

Кое-где в Средиземноморье ольху, судя по всему, заменял кизил. Его латинское название *cornus* происходит от *cornix* («ворона»). Ворона – священная птица Сатурна или Брана, она поедает красные «вишенки» кизила, как у Гомера их поедали свиньи Кирки. Овидий усматривает связь кизила с дубом, питавшим людей в век Сатурна. Как и из ольхи, из кизила получают красную краску. Это дерево почитали в Риме священным: место для постройки Рима было выбрано там, где упало кизиловое копьё Ромула. Соответствие кизила месяцу марту подтверждается тем, что в середине марта он покрывается белыми цветами.

SAILLE – S

Пятое дерево – ива. В Греции это священное дерево Гекаты, Кирки, Геры и Персефоны (все воплощения Тройственной Лунной Богини как Смерти), иве особо поклонялись колдуны. Кулпепер в «Полном травнике» говорит о ней кратко: «Принадлежит Луне». На севере Европы ее связь с колдуньями настолько тесна, что слова *Witch* («Колдунья») и *wicked* («злой, нечестивый») происходят от одного и того же древнего названия ивы (отсюда и *wicker* – «ивовые прутья»). В сельской Англии для изготовления «помела Ведьмы» (*Witch's besom*) по-прежнему берут ясеневый кол, березовые ветки и вязанки ивовых прутьев. Береза изгоняет злых духов, застревающих на помеле; ясеня – чтобы не утонуть (Колдуны совершенно беззащитны, если отобрать у Них помело и бросить в воду); ива – в честь Гекаты. В ивовых корзинах друиды приносили человеческие жертвы в полнолуние, ритуальный кремневый нож имел форму листа ивы. Ива (*helice* по-гречески, *salix* по-латыни) дала имя Геликону, обители девяти Муз, оргиастических Жриц Лунной Богини. Возможно, до Аполлона предводителем этих Муз, равно как и хранителем Дельфийского оракула,

¹ Тем не менее, афинцы отмечали праздник Кроноса в начале июля в месяц Крониона или Гекатомбейона («сотня мертвецов»), который сначала называли Некусион («месяц трупов») на Крите и Гиацинтион – в честь Гиацинта, двойника Кроноса – сицилийца. На июль приходилась уборка ячменя, и в Афинах Кронос – это Сабазий, «Джон Ячменное зерно». Он появлялся над землей в день весеннего равноденствия, и его неоднократную смерть радостно приветствовали песнями в честь сбора урожая. Связь Кроноса с ольхой была давно утрачена, хотя в Афинах у него по-прежнему был один храм с Реей, Царицей года, охраняемой львом. В день летнего солнцеворота Она становилась его Женой, а Ее священным деревом в Греции был дуб.

был Посейдон, ибо роща на Геликоне даже в классический период была посвящена ему. Согласно Плинию, ива росла возле пещеры на Крите, где родился Зевс, а А. Б. Кук, рассказывая в книге «Зевс» о нескольких монетах из Гортины на Крите, делает предположение, что Европа (на монетах Она сидит в ветвях ивы с ивовой корзинкой в руке, Ее заключает в любовные объятия Орел) – это не только *Eur-ope*, «Широколицая», т.е. Полная Луна, но и *Eu-rope* – «Та, что в цветущих ветвях ивы», иначе говоря – Гелика, Сестра Амалфеи. Веточка ивы, которую носят на шляпе в знак неразделенной любви, первоначально служила амулетом, оберегавшим от ревности Лунной Богини. Ива выбрана Ее священным деревом по многим причинам. Ива больше других деревьев любит воду, а именно Лунная Богиня – Подательница росы и влаги вообще; листья и кора ивы, из которых получают салициловую кислоту, – прекрасное средство от приступов ревматизма, которые, как раньше считалось, вызывает колдовство. Главная оргиастическая птица Богини – вертишейка¹ (птица-змея, или кукушкина подружка), она прилетает весной, шипит, как змея, может расплестись на ветке, в гневе поднимает хохолок, вертит шеей, откладывает белые яйца, поедает муравьев и имеет на перьях V-образные отметины, напоминающие отметины на чешуе священных змей в Древней Греции. Она вьет гнезда только на ивах. Из ивы делали ликносы, решетчатые корзины, через которые в древности веяли зерно. Именно в этих корзинах, «грохотах», Колдуньи из Северного Бервика, как Они признались королю Иакову I, отправлялись в море на шабаш. На знаменитой картине Полигнота в Дельфах изображен Орфей, когда он, прикоснувшись к иве в роще Персефоны, получает дар мистического красноречия – сравните наставление в «Песни лесных деревьев»:

«Дерево иву не жги, свято оно для поэтов».

Ива – колдовское дерево, пятое по счету в году, а пятерка (V) – священное число Минервы, Лунной Богини римлян. Этот месяц продолжается с 15 апреля по 12 мая, на его середину приходится Майский день с его бурными оргиями и чудодейственными росами. Возможно, шествие с ветками вербы и Вербное воскресенье (переходящий праздник, обычно выпадающий на начало апреля) – обычай, которым когда-то отмечали начало месяца ивы.

¹ Диониса называли Иингиес (*Iyngies*) – «вертишеечный», потому что в древности вертишейку использовали для приворотных заговоров. У поэта Каллимаха, жившего в III веке до Р.Х., Ио посылает вертишейку, чтобы завлечь в Свои объятия Зевса; его современник Никандр Колофонский сообщает, что девять пиерийских Девушек, вздумавших соперничать с Музами, были обращены в птиц, причем одна из Них – в вертишейку, а это значит, что вертишейка была священной птицей первоначальной Лунной Богини с горы Пиерия на севере Фессалии. Вертишейка считалась священной птицей в Египте и Ассирии.

УАТН – Н

Шестое дерево – боярышник, или мэй – по названию месяца мая (*may*). Вообще-то это дерево несчастливое. Имя, под которым оно встречается в ирландских Брихонских установлениях – *sceith*, очевидно, связано с индоевропейским корнем *sceath* или *sciath*, «вред». Отсюда английское *scathe* («ущерб», «вред») и греческое *a-sceithes* («невредимый»). В этом месяце в Древней Греции, как и в Британии, люди одевались в старую одежду – обычай, упомянутый в поговорке «*Ne'er cast a clout ere May be out*» – «Обносок не снимай, покуда месяц май». Имеется в виду вовсе не переменчивая английская погода; такая же поговорка известна в северо-восточной Испании, где к Пасхе устанавливается жара. В мае воздерживались от половой жизни, что объясняет, почему май считался несчастливым месяцем для свадеб. В Греции и Риме в мае убрали в храмах и мыли статуи богов: это был месяц подготовки к празднику летнего солнцеворота. Имя греческой Богини Майи, хотя в английской поэзии Она предстает «вечно прекрасной и юной», происходит от слова *Maia* – «Бабушка»: Она была злой Колдуньей, а Ее сын, Гермес, сопровождал души умерших в ад. На самом деле это Белая Богиня, Которая под именем Кардеи околдовывала боярышником. У греков, если свадьбу играли раньше этого несчастливого месяца (считалось, что брак противен Богине), Ее старались умиловить пятью факелами из боярышника и его цветками.

В «Римских вопросах» Плутарх спрашивает: «Почему римляне не сочтается браком в мае?» и дает верный ответ: «Не потому ли, что в этом месяце они проводят великий обряд очищения?» Он поясняет, что в этом месяце в реку бросали кукол *argeioi* («белые люди») как приношение Сатурну. Овидий в «Фастах» рассказывает о вещем предсказании Жрицы Юпитера по поводу замужества его Дочери: «До июньских ид (середина месяца) не будет счастья ни Невестам, ни женихам. До тех пор, пока желтые воды Тибра не унесут в море мусор из храма Весты, я не буду ни расчесывать волосы, которые обрезала в знак траура, ни стричь ногти, ни спать с Моим мужем, хотя он и жрец Юпитера. Не спеши. Твоя Дочь будет счастлива в браке, когда в очищенном жертвеннике возгорится огонь Весты». Завершались плохие дни 15 июня; в Греции несчастливый месяц начинался и заканчивался чуть раньше. По сведениям церковного историка Созомена из Газы (V в.), в это же время проходила Терпентинская ярмарка в Хевроне, предполагавшая запреты на новую одежду и половую жизнь с той же целью – очищение священных изображений.

В валлийской мифологии боярышник – это злой вождь великанов Аспадатен Пенкаур, отец Олвен («Той, что оставляет Белый След») – еще одно имя Белой Богини. В «Сказании о Килхухе и Олвен» (Килхух назван так потому, что его нашли в свином хлеву) Великан Боярышник

делает все возможное, чтобы помешать женитьбе Килхуха на Олвен и требует приданого из тринадцати сокровищ, которые, конечно же, раздобыть невозможно. Жил этот великан в замке, его охраняли девять привратников и девять сторожевых псов, что подтверждает, насколько строгим был запрет на женитьбу в месяц боярышника.

Погубившего старое дерево боярышника в Ирландии ожидало великое несчастье. Два случая из XIX в. приводит И. М. Халл в книге «Фольклор Британских островов». У нарушившего запрет могла пасть скотина, он мог потерять детей и все состояние.

В исследовании «Боярышник в истории Британских островов» Воэн Корниш приводит немало документальных свидетельств и описывает священные деревья в гэльских провинциях, которые растут у источников. Например, «боярышник святого Патрика» в городке Тинахели в графстве Уиклоу: «Верующие присутствовали 4 мая, должным образом обошли источник и, оторвав по лоскуту от одежд своих, повесили на боярышник». Корниш добавляет: «Это день св. Моники, но действия их мне непонятны». День св. Моники соответствует 15 мая по старому стилю, следовательно, это была церемония в честь только что начавшегося месяца боярышника. Верующие отрывали лоскуты от одежд, дабы выказать свою скорбь и умиловать божество.

Таким образом, боярышник – дерево строгого целомудрия. Месяц начинается 13 мая, когда зацветает боярышник, и заканчивается 9 июня. Следует, однако, отличать применение боярышника в аскетических целях в честь Богини Кардеи от того, как впоследствии его использовали на оргиях в честь Богини Флоры, чем объясняется средневековый английский обычай выезжать утром в Майский день за цветами боярышника и танцевать вокруг Майского дерева. Аромат цветущего боярышника напоминает запах Женщины; в Турции цветущая ветка боярышника считается эротическим символом. Корниш приводит доказательства того, что культ Флоры появился на Британских островах в конце I в. до Р. Х. во время второго нашествия белгов, и добавляет, что Гластонберийский терн, который расцветал на старое Рождество (5 января по новому стилю) и был срублен пуританами во время революции, представлял собой разновидность боярышника. Это дерево навсегда осталось в истории благодаря гластонберийским монахам. Они освятили его, введя новые подробности истории о посохе Иосифа Аримафейского и терновом венце, чтобы цветы боярышника, обычно появляющиеся не раньше Майского дня, не использовали на оргиях.

Возможно, оргиастическим боярышником был и Старый куст, выросший возле собора св. Давида: этим можно объяснить легенду о таинственном рождении Давида.

DUIR – D

Седьмое дерево – дуб, дерево Зевса, Юпитера, Геракла, Дагды (предводителя древних ирландских богов), Тора и других божеств грома, Яхве в его ипостаси Эль (*El*) и Аллаха. Нет нужды распространяться о царственном достоинстве дуба: многим известны рассуждения сэра Джеймса Фрэзера в «Золотой ветви» о принесении в жертву немийского царя-дуба в день летнего солнцеворота. Костры в честь этого праздника разводили непременно из дубовых поленьев, ими же поддерживали огонь Весты в Риме, да и обычный костер зажигали от дубового полена. Когда Гвион пишет в «*Cad Goddeu*»: «Его «дверей страж крепкий» зовет и друг, и враг», он имеет в виду, что двери чаще всего делали из дуба – самого прочного и не знающего износа дерева, и что слово *duir* (название дуба в алфавите Бет-Луис-Нион) во многих европейских языках означает «дверь»: древне-кельтское *dorus*, латинское *forus*, греческое *thura* и немецкое *Tur* произошли от санскритского *dwar*, да и еврейская буква *Daleth* означает «дверь» (вместо *l* в этом слове когда-то стояла буква *r*).

Середина лета – время цветения дуба, дерева стойкости и победы, о котором, как и о ясене, говорят, что он «притягивает к себе молнию». Считается, что корни дуба уходят в землю на глубину, равную высоте его кроны (об этом пишет Вергилий), почему он и символизирует бога, законы которого правят и небесами, и преисподней. Некогда молниями были вооружены и бог ясеня Посейдон, и бог дуба Зевс, но после того, как ахейцы покорили эолийцев, молния Посейдона превратилась в трезубец, и право метать молнии осталось за Зевсом. Возможно, дубовые оракулы были введены в Греции ахейцами: сначала они, подобно франкам, обращались за советом к буку, но, поскольку буков в Греции нет, использовали его ближайшее подобие – дуб с его съедобными желудями, дав ему имя *phegos*, то есть *fagus* – «бук» по-латыни. Как бы то ни было, додонский дуб-оракул назывался *phegos*, а не *drus*; как утверждает Аполлоний Родосский, оракульный корабль «Арго» был в основном построен из этого дерева. Но более вероятно то, что оракул в Додоне существовал за много веков до появления ахейцев и что прав был Геродот, утверждавший вслед за египетскими жрецами, что культ черной голубки и дуба Зевса в Аммоне в ливийской пустыне и культ дуба-оракула Зевса в Додоне относятся к одному и тому же времени. Профессор Флиндерс Петри утверждает, что религиозный союз между Ливией и материковой Грецией имел место еще в третьем тысячелетии до Р. Х. Дуб в Аммоне принадлежал племени гарамантов, греки считали их прародителя Гараманта «первым из людей». Зевс из Аммона был чем-то вроде Геракла с головой барана и напоминал бараноголового Осириса и Аммона-Ра – бога Солнца с бараньей головой из египетских Фив, откуда, по Геродоту, черные голубки летали в Аммон и Додону.

Этот месяц, который ведет свое название от бога-дуба Юпитера, начинается 10 июня и заканчивается 7 июля. На его середину приходится Иванов день, 24 июня, когда царя-дуба приносили в жертву, сжигая его заживо. Кельтский год делился на две части; вторая половина начиналась в июле, по-видимому, после семидневного поминания или погребального пира в честь царя-дуба.

Подобно Гвиону, сэра Джеймс Фрэзер отмечает близость слова «дверь» в индоевропейских языках и указывает, что «дверей страж крепкий» – это Янус, два лица которого обращены в разные стороны. Как обычно, он не доводит свои рассуждения до конца. Лицо Дуира, бога месяца дуба, обращено в две стороны потому, что он находится на поворотном пункте года, а это уравнивает его с богом-дубом Гераклом, который после смерти стал привратником богов. Его, наверное, можно отождествить с британским богом Хлиром (Хлутом, Нутом), богом моря, то есть богом мореплавателей бронзового века, который был «отцом» Крайтилад (Корделии), одной из ипостасей Белой Богини; согласно Гальфриду Монмутскому, могила Хлира в Лейстере расположена в склепе, сооруженном в честь Януса. Гальфрид пишет:

«А Кордейла, Дочь Леира, взяв в Свои руки бразды правления, погребла отца в подземелье, которое приказала соорудить под рекой Сорой в городе Легецестрии. Это подземелье было посвящено двуликому Янусу. Все городские ремесленники приступили к работам над этим сооружением и завершили его лишь по прошествии года, накануне торжеств в честь упомянутого божества».

Хлир – бог доримского времени, и это позволяет нам утверждать, что он, подобно Янусу, был двуликим и покровительствовал Новому году, только год у кельтов начинался не зимой, а летом. Гальфрид не указывает дату поминального пира, скорее всего, его проводили в конце июля.

Старинные ярмарки батраков в английских деревнях проходили обычно между мартом и октябрём в день местного святого. («На престольный праздник Банбери поспевают рожь и клевер. На Рэнбери созревают ранние яблоки». См. «Словарь диалектов английского языка»). Однако, поначалу они, должно быть, приходились на праздник Урожая между сенокосом и уборкой хлеба. К тому, что эти праздники были поминками по мертвому царю, я еще вернусь. Англосаксонской разновидностью Лугомасса (пира в честь бога Луга или Хлеу) был «хлаф-масс» – «хлебная месса», связанная с уборкой хлеба и убийством царя-Зерна.

Упоминание о Хлире как о Янусе имеется, как я полагаю, в конце пророчества Мерлина королю-язычнику Вортигерну и его друидам, о котором пишет Гальфрид Монмутский:

«Не будет больше священнослужителей у Януса. Закроется его дверь и останется закрытой в Ариадниных щелях».

Иными словами, древняя религия друидов, основанная на культе дуба, будет сметена христианством, а дверь – бог Хлир – будет томиться в забвении в замке Арианрод, *Corona Borealis*.

Это позволяет лучше понять связь римского Януса и Белой Богини Кардеи как Богини Дверных Петель, пришедшей в Рим из Альба Лонга. Она была той самой петлей, на которой поворачивался год (римский, а не этрусский), и Ее особое значение запечатлено в латинском прилагательном *cardinalis* (как мы выражаемся, «кардинальное значение»), которое применялось, в частности, к четырем главным ветрам; вплоть до классических времен считалось, что ветры подчиняются только Великой Богине. В образе Кардеи Она повелевала Небесной петлей за спиной Северного ветра, вокруг которой, как объясняет Варрон в труде «О сельском хозяйстве», вращается мельничный жернов Вселенной. Нагляднее всего эта концепция высказана в скандинавской «Эдде», где две Великанши, Фенья и Менья, Которые холодной полярной ночью вращают гигантский жернов Гротти, воплощают Собой то созидающую, то разрушающую Белую Богиню. Еще в одном эпизоде из скандинавской мифологии Богиня представлена в девяти ипостасях: девять Великанш, Которые вместе являются Матерями героя Рига, то есть Хеймдалля, основателя общественного строя скандинавов, и точно так же вращают вселенскую мельницу. Возможно, когда-то Янус не был двуликим: эту особенность он мог заимствовать у Самой Богини, Которую в дни Карменталий (праздник в честь Карменты), отмечаемых в начале января, называют Постворта и Антеворта – «Та, что смотрит назад и вперед». Тем не менее, крылатый и длинноволосый Янус появляется на очень древнем статире Маллоса, критской колонии в Киликии. Он отождествлен с солярным героем Талусом, на той же монете присутствует голова быка. На похожих монетах конца V в. до Р. Х. в руке у него диск с восемью лучами, а из его двойной головы поднимается спираль бессмертия.

Теперь, наконец, я могу завершить свои рассуждения о замке Арианрод и «неподвижном обращении между тремя стихиями». Священного царя-дуба убивали в день летнего солнцеворота и отправляли в *Corona Borealis*, которой правила Белая Богиня и которая как раз в это время появлялась над горизонтом на севере. Однако из песни, приписываемой Аполлоном Родосским Орфею, известно, что Царица обращающейся Вселенной Евринома, или Кардея, – это Та же Рея с Крита; получается, что Рея обитает и у оси жернова, пребывая в неподвижном обращении, и на Млечном Пути. Можно предположить, что в более поздней мифологической традиции священный царь отправлялся служить Ей не в замок, а к жернову: так Самсон после того, как его ослепили и лишили силы, вращал жернов в темнице Далилы.

Еще одно имя Богини Жернова – Артемида Каллисто («Прекраснейшая»), Ее священным животным в Аркадии была медведица в Афинах

на празднике Артемиды Брауронии роль священных медведиц исполняли две Девочки десяти и пяти лет, одетые в честь Луны в шафранно-желтые одежды. Два созвездия, которые вращают жернов, по-прежнему называются Большой и Малой Медведицами. По-гречески Большую Медведицу Каллисто именуют также *Helice*, что значит и «Та, что вращает», и «ивовая ветка» – напоминание о том, что ива была священным деревом этой Богини.

Ранее, когда речь шла о Гвине, мы приводили свидетельство того, что культ дуба пришел в Британию с Балтики между 1600 и 1400 г. до Р. Х. Это позволяет считать, что алфавит Бет-Луис-Нион, в котором дуб – главное дерево, был составлен не ранее 1600 г. до Р. Х., хотя рябину, иву, бузину и ольху, вероятно, использовали в сакральных целях уже раньше. Гвин («Белый»), сын Хлира и Хлута, был похоронен в дубовом гробу-лодке в честь своего отца: он был подобием Осириса (а его соперник «Виктор, сын Иссушающего» – неким подобием Сета), впоследствии его отождествляли с королем Артуром. Префикс *Win* в названиях многих старинных городов Британии, происходит от его имени.

TINNE – T

Восьмое дерево – остролист (падуб), он цветет в июле. Остролист фигурирует в «Сказании о Гавейне и Зеленом Рыцаре», изначально ирландском. Зеленый Рыцарь – бессмертный великан, вместо дубинки у него куст остролиста. Он и сэр Гавейн (в ирландском варианте Кухулин), типичный Геракл, договариваются снести друг другу головы в противостоящие праздники Нового года (середина лета и середина зимы), но Рыцарь Остролист дарует Рыцарю Дубу жизнь. В балладе Робина Гуда «Женитьба сэра Гавейна» король Артур, обосновавшийся в Карлайле, говорит:

*«... пришел на пустошь, вижу,
Что Дама там сидит
Меж падубом и дубом,
Вся в пурпурном Она».*

Этой не названной по имени Дамой была, вероятно, Богиня Крайтилад, из-за Которой, в валлийском мифе, Рыцарь Дуб и Рыцарь Остролист будут сражаться в каждый первый день мая до Судного дня. В Средние века считалось, что св. Иоанн Креститель, лишившийся головы в Иванов день, унаследовал все титулы и особенности царя-дуба, поэтому естественно предположить, что Иисус Христос, как милосердный продолжатель его дела, наследовал царю-остролисту. По этой причине остролист прославлен больше, чем дуб. Например, слова из рождественской песенки «Остролист»:

«Из всех деревьев, что есть в лесу,
С венцом лишь Остролист» –

Восходят к «Песни лесных деревьев»: «Сомнения нет, что остролист всех лучше из деревьев». В этой рождественской песенке с подходящим припевом о «восходящем Солнце и бегущем олене» в каждой строфе то или иное свойство остролиста (белизна цветков, алый цвет ягод, острота шипов, горечь коры) соотносится с рождением или страстями Христа. *Holly* («остролист») значит *holy* («святой»). И все же коренной обитатель Британских островов, остролист, вряд ли изначально входил в число деревьев алфавита Бет-Луис-Нион: вероятно, он заменил вечнозеленый красный дуб, с которым у него много общего, включая ботаническое название *ilex*, и который появился на Британских островах лишь в XVI в. Красный (кермесоносный, каменный) дуб – вечнозеленый близнец обычного дуба; его древнегреческие названия (*prinos* и *hysge*) используются в новогреческом применительно к остролисту. Колючими листьями этого дуба питается кермесовый червец – насекомое алого цвета, напоминающее ягоды остролиста (одно время его и принимали за ягоды). В древности из кермесового червца делали царский пурпур и любовное снадобье. В английском переводе Библии слово «дуб» иногда переводится «терпентинное дерево», а иногда как «красный дуб»; эти два дерева образуют в религиозных верованиях Палестины священную пару. Как царь Иудейский, Христос был облачен в багряницу (Мф. 27: 28).

Буквы D и T можно считать близнецами: они «белоснежные, как лилии, мальчики, одетые в зеленое» из средневековой песенки «Зеленый тростник». D – это дуб, царствующий, когда год возрастает, священный дуб друидов, дуб из «Золотой ветви». T – вечнозеленый дуб, царствующий, когда год убывает, дуб кровавый: роща вечнозеленых дубов близ Асопа Коринфского была посвящена Фуриям. Словом *Dann*, или *Tann* (эквивалент *Tinne*), кельты обозначали любое священное дерево. В Галлии и Британии оно значило «дуб», в кельтской Германии – «ель»; в Корнуолле *glas-tann* («священное зеленое дерево») обозначало вечнозеленый каменный дуб, а английский глагол *to tan* («дубить») возник с началом использования его коры при дублении. Однако в древней Италии во время зимних сатурналий землепашцы использовали не вечнозеленый дуб, а остролист. Галльского бога грома звали Таннус, а бога грома, вооруженного молнией-тресубцем, – Тина; его культ этрусски заимствовали у галльских племен, среди которых поселились.

К сожалению, отождествление миролюбивого Христа с остролистом или каменным дубом – явный поэтический просчет, разве только иметь в виду его слова, что не мир он принес, но меч. Палачом своего брата-близнеца обычно был танист: на T-образном кресте распинали царя-дуба,

а не царя-остролиста. Лукиан в «Слушании гласных в суде» (ок. 160 г.) предельно ясен:

«Мужи возопили, оплакивая свою участь, и проклинают Кадма, который ввел тау в семейство букв; говорят, будто тело этой буквы взяли за образец тираны, ее облику они подражали, когда ставили столбы, чтобы распинать людей. *Stauros* зовется это мерзкое сооружение, и от буквы тау ведет оно мерзкое имя свое. И что же, после всех этих преступных деяний, разве не заслуживает тау смерти, нет, множества смертей? Лично я не знаю ничего хуже ее очертания – она передала его распятию, прозванному по ее имени *Stauros*».

В гностическом Евангелии от Фомы, сочиненном примерно в это же время, в споре Иисуса с его школьным учителем возникает тема буквы Т. Учитель, ударив Иисуса по голове, предрекает ему распятие. Во времена Иисуса еврейская буква тав, последняя буква алфавита, по виду напоминала греческую тау.

Остролист правит восьмым месяцем, а восемь, как число возрастания, прекрасно подходит месяцу жатвы ячменя, который продолжается с 8 июля по 4 августа.

COLL – С

Девятое дерево – орешник во время сбора орехов. В кельтских легендах орех символизирует средоточие мудрости: нечто вкусное, емкое, питательное, заключенное в твердую скорлупу, как мы говорим: *This is the matter in a nut-shell* – «Вот вкратце и все» (досл. «Вот суть дела в ореховой скорлупе»). В «*Dinnshenchas*» Реннеса, одном из самых важных и древних трудов по топографии Ирландии, описывается прекрасный источник Коннла близ Типперери. Над ним росли девять орешников поэзии, дающих одновременно цветы и плоды (то есть красоту и мудрость). Орехи падали в источник, и их поедали там лососи, причем, сколько орехов они проглатывали, столько ярких пятен появлялось у рыб на чешуе. Как уже говорилось, в «Сказании о Фионне», чье имя принял Гвион, всякое познание в науках и искусствах связано с поеданием этих орехов. В Англии вплоть до XVII в. с помощью вилкообразной ореховой ветки искали не только клады и труднодоступные источники, как сейчас, но и виновных в убийстве и воровстве. В «Книге св. Альбана» (издание 1496 г.) дается рецепт, как стать невидимым. Для этого вовсе не обязательно есть семена папоротника, достаточно взять в руки ореховую палку в полтора фасома¹ длиной с воткнутой в нее зеленой веточкой орешника.

Буква *Coll* обозначает у бардов цифру 9: это священное число Муз, к тому же орешник начинает плодоносить через девять лет. Орешник

¹ Фасом (*fathom*) – морская сажень, равная 6 футам = 1,83 м.

почитали как *Bile Ratha*, «досточтимое дерево крепости» – той самой крепости, в которой обитает *Aes Sidhe* поэзии. От него происходит и имя бога Маккола («сын орешника»), одного из трех древних царей Ирландии, о чем рассказывает «История Ирландии» Китинга. Его братьев звали Маккихт («сын плуга») и Макгрейн («сын Солнца»). Братья сыграли тройную свадьбу с Тройственной Богиней Ирландии – Эйре, Фодлой и Банбой. Поначалу кажется, что это предание о том, как патриархальные пришельцы сокрушили систему Матриархата. Но поскольку Грейне (Солнце) была не богом, а Богиней, а земледелием и мудростью ведала Тройственная Богиня, становится очевидным, что пришельцы поклонялись Тройственной Богине и перенесли свою сыновнюю привязанность к Ней на Тройственную Богиню новой земли.

Из легенды фениев о Старой истекающей лещине оказывается, что это дерево мудрости можно использовать для разрушения. Орешник сочился ядовитым молоком, на нем не было листвы, в его ветвях обитали грифы и вороны, птицы ворожбы. Он был расщеплен надвое после того, как в развилку дерева поместили голову мертвого бога Балора, а когда Фионн сделал из орешника щит, от его вредоносных испарений враги падали замертво тысячами. Ореховый щит Фионна – символ стихотворения, несущего проклятие. Выражение Гвиона из «*Cad Goddeu*» «... орешник судиею» связано с представлением о нем как о дереве герольдов-друидов: в древности ирландские герольды носили белый ореховый жезл. Орешник – дерево мудрости; его месяц продолжается с 5 августа по 1 сентября.

MUIN – M

Десятое дерево – виноградная лоза в пору сбора урожая. Лоза – не коренной обитатель Британии, но немаловажный *motif*¹ в ее искусстве бронзового века. Возможно, и сам виноград, и его символику принесли не север данаанцы. Кое-где на укрытых от ветра южных склонах виноград давал неплохой урожай. Но его нельзя было считать дикорастущим деревом, пришлось, видимо, для замены, обратиться к ежевике: она плодоносит в то же время, у нее такого же цвета ягоды и такой же формы листья, да и вино из нее получается крепкое. Во всех кельтских странах запрещалось есть ежевику. В Бретани говорят, что это *a cause des fues* («из-за Фей»). На Майорке другое объяснение: из ежевики был сплетен терновый венец, а ее ягоды – кровь Христа. В Северном Уэльсе мне в детстве говорили, что ягоды ежевики ядовитые. В Девоншире ежевику не едят после сентября, когда «в нее вселяется дьявол». Это подтверждает мою мысль о том, что замена винограда на ежевику была обычным для западной Британии явлением. Виноград посвящен фра-

¹ Элемент, мотив (франц.).

кийскому Дионису и Осирису, а золотая виноградная лоза – один из главных мотивов в орнаментах иерусалимского Храма. Это дерево радости, опьянения и ярости.

Месяц продолжается со 2 по 29 сентября и включает в себя день осеннего равноденствия.

GORT – G

Одиннадцатое дерево – плющ в пору цветения. Во Фракии и Фессалии октябрь – время Вакханалий, когда по горам носились опьяненные Бассариды: Они размахивали пихтовыми ветками Царицы Артемиды (или Ариадны), перевитыми плющом с ягодами желтого цвета – в честь Диониса (осеннего Диониса – не путать с Дионисом зимнего солнцезаворота, который есть не кто иной, как Геракл), и у Каждой на правом плече была вытатуирована косуля. В экстазе Они раздирали на части молодых оленей, козлят, детей и даже взрослых мужчин. Плющ – священное дерево Осириса и Диониса. Виноград и плющ следуют друг за другом в конце года и означают возрождение, вероятно, потому, что это единственные в алфавите Бет-Луис-Нион растения, растущие спиралью. Виноград – символ возрождения еще и потому, что его сила сохраняется в вине. В Англии заросли плюща служили знаком винной лавки, отсюда и поговорка: «Хорошему вину не нужны заросли». А в Тринити-колледже в Оксфорде до сих пор варят эль из плюща – крепкий средневековый напиток в память в память о студенте Тринити-колледжа, убитом студентами Балииол-колледжа. Возможно, Бассариды пили «пихтовый эль», сваренный из пихтовой живицы с добавлением плюща, или жевали листья плюща, также оказывающие опьяняющее воздействие. Однако главным наркотиком Менад был *amanita muscaria*, мухомор пятнистый (*spotted toadstool*): только он мог вызвать такой приток физической силы. Вспомним Фороней, весеннего Диониса, изобретателя огня. Он возвел город Аргос, символом которого, по Аполлодору, была жаба (*toad*); а Микены, главная цитадель Арголиса, были названы так, по словам Павсания, потому, что Персей, ставший поклонником Диониса, нашел на этом месте мухомор. Дионису были посвящены два праздника – весенний Антестерион, «появление цветов» и осенний Мистерион, который, вероятно, значил «появление мухоморов» (*mykosterion*) и был известен как амброзия («пища богов»). Не был ли Фороней (*Phoroneus*) также и тем, кто открыл в мухоморе божественный огонь, став поэтому Фринеем (*Phrineus* – «жабье существо») и Феарином (*Fearinus* – «весеннее существо»)? Мухомор *amanita muscaria* не дерево, но растет под деревьями. На севере (от Фракии и кельтских стран до Северного полярного круга) – под березами, а на юге (от Греции и Палестины до экватора) – под пихтами и соснами. На севере мухомор ярко-красного цвета, на юге

по-лиси рыжеватый. Не объясняет ли это первенство пихты (буква А) среди гласных и березы (буква В) среди согласных? Не добавляет ли что-то к пониманию выражения «Христос, сын Альфы»?

(Соперничество между остролистом и плющом, о котором упоминается в средневековых английских песенках, не является, как может показаться, соперничеством между деревом смерти и деревом возрождения, между Тифоном-Сетом и Дионисом-Осирисом, а отражает противостояние полов. Возможное объяснение таково. Кое-где в Англии последний сноп с поля обвязывали плющом Осириса и называли Урожайной Девой, Невестой урожая или Плющ-Девичей. Крестьянин, который запаздывал с уборкой урожая, получал Плющ-Девичу в знак наказания и должен был хранить ее до будущего года. В результате у плюща появилось значение «Карга», «сварливая Жена», что соответствует его способности обвивать и душить деревья. Однако и плющ, и остролист ассоциировались с сатурналиями. Остролист – это дубинка Сатурна, плющ – гнездо его птицы, королька с золотистым хохолком. В святочное утро, в последний день его веселого правления, первым порог должен был переступить представитель Сатурна, черноволосый молодой человек. Его называли Остролист-Молодец и предпринимали все меры предосторожности, чтобы ему на пути не попала Женица. Таким образом, Плющ-Девича и Остролист-Молодец оказались противопоставлены друг другу; позже возник святочный обычай, по которому «остролисты-молодцы» и «плющ-Девича» играли в фанты и пели друг другу зазорные песни.)

Месяц плюща продолжается с 30 сентября по 27 октября.

PEITH – P (ИЛИ NGETAL – NG)

Двенадцатое дерево в списке О'Флаерти – калина, или водяная бузина, как бы указание на бузину последнего месяца. Однако *Peith* не является изначальной буквой, ею бритты заменили букву Ng, которую ни они, ни гаэлы не использовали, но которая входила в исходный набор букв. Растение, соответствующее Ng – это *Ngetal*, камыш, или тростник, который срезают в ноябре. Камыш пушистый, словно дерево растет из толстого корня, в восточном Средиземноморье он был древним символом царского достоинства. Скипетрами из тростника пользовались фараоны (поэтому пророк Исаия язвительно предрекал Египту, что его тростник завянет); когда Христа облачили в багряницу, в правую руку ему вложили царственный тростник. Из тростника делали стрелы, и потому он принадлежал фараону как живому богу-Солнцу, в знак своей власти рассылавшему стрелы во все стороны света. Число 12 означает устойчивую власть, что подтверждается ирландским обычаем крыть крышу камышом: дом не дом, пока у него нет крыши.

Месяц продолжается с 28 октября по 24 ноября.

RUIS – R

Тринадцатое дерево – бузина, которая растет у воды и ассоциируется с Ведьмами. Ягоды на ней сохраняются в течение почти всего декабря. В Британии издавна считается, что, если ребенка положить в колыбель из бузины, то он или зачахнет, или его зашиплот Феи, поэтому колыбель делают из березы – дерева начала, отгоняющего злых духов. В Ирландии Колдуньи используют для помела палку из бузины, а не из ясеня. Несмотря на то, что цветки и кора бузины славятся лечебными свойствами, считается, что запах бузины вызывает болезни и смерть. Бузина приносит столько несчастий, что в «Петре Пахаре» Лэнгленда Иуда повесился именно на бузине. Спенсер соотносит бузину с траурным кипарисом, а Т. Скот пишет в «*Philomythie*» (1616):

*«Проклятая бузина и смертоносный тис
С колдуньей [рябиной] и пасленом росли в их сени».*

Короля Вильгельма Руфуса убил лучник, стоявший под бузиной. Из бузины якобы был сделан крест Распятая, а ритуальные кремневые ножи в форме листа бузины из мегалитических захоронений – свидетельство того, что бузину издавна связывали со смертью. По английскому поверью, жечь в очаге бузину значит «приводить в дом дьявола». Красивые белые цветки, распускающиеся в середине лета, превращают бузину в еще одну ипостась Белой Богини; это же относится к рябине. Бузина – дерево погибели; отсюда дошедшее до наших дней несчастливой число 13. Месяц продолжается с 25 ноября по 22 декабря, день зимнего солнцеворота.

Ну а что же дополнительный день? Он выпадает из года в тринадцать месяцев, и поэтому у него нет своего дерева. По-моему, естественнее всего поместить его между буквами-месяцами R и B (бузина и береза), сразу же за днем зимнего солнцеворота, когда день начинает прибавляться: то есть перед Сочельником, кануном Рождества божественного младенца. Инициалы R. B. вызывают в памяти латинское *robur* («дуб» и «сила») и кельтское *robin* («малиновка»). В британском фольклоре в это время года красногрудая малиновка как дух Нового года, вооружившись березовым прутиком, отправляется убивать своего предшественника золотоголового королька, духа Старого года, который прячется от нее в зарослях плюща. Сэр Джеймс Фрэнгер в «Золотой ветви» показал, что народный обычай гонять в Сочельник корольков березовыми ветками, до сих пор сохранившийся в Ирландии и на острове Мэн, одно время был известен в Риме и Древней Греции, где золотоголовый корольек известен как «маленький царь». То, что корольек часто встречается на Рождество в зарослях плюща, – известный орнитологический факт. Про малиновку, объясняя цвет ее красной грудки, говорят, что она «убила отца». Явная отсылка к этой истории имеется в «*Angar Svyndawd*» Гвиона: «Я скрывался

в зарослях плюща, но меня отыскиали». В Ирландии мальчики-корольки прячутся иногда не в плюще, а в зарослях остролиста; остролист – это дерево таниста, убившего в Иванов день царя-дуба. В остальное время года малиновке зла не причиняют, разорять ее гнезда – плохая примета. В Девоншире малиновку называют «воробьем Брана», в Ирландии связывают с вороной или вороном Брана как с вещей птицей. Р. А. Бест собрал целую коллекцию примет, связанных с малиновкой и вороном. Бран, как было показано раньше, – это Сатурн.

Наверное, самую древнюю традицию, связанную с малиновкой, приводит в «Описании Эллады» Павсаний. Он утверждает, что Триптолем (двойник египетского Осириса в Элевсине) был аргивским мистагогом по имени Троил и бежал из Аргоса, захваченного Агенором, в Аттику. Имя Троил значит «малиновка», а также «относящийся к колесу», вероятно, потому, что за малиновкой охотятся, когда колесо года совершает полный оборот. До недавних пор в Сомерсетшире малиновку соотносили с колесом. Свейнсон в книге «Птицы» (1885) пишет: «На Крещение по всей округе в ящике со стеклянными окошками носят малиновку, которую называют Королем, а над ящиком – колесо с разноцветными лентами». По более поздней версии, Триптолем является сыном Пикуса (дятла, еще одной вещей птицы), что отождествляет его с Паном или Фавном. По-видимому, история Павсания относится к изгнанию из Аргоса сирийскими завоевателями жрецов Кроноса (Брана), у которых малиновка была священной птицей.

Как только начинаешь разбираться в грамматике и морфологии мифа, составишь небольшой словарь и научишься отличать мифы, связанные с временами года, от исторических и иконотропных, поражаешься, насколько близко к поверхности лежат забытые с догомеровских времен объяснения легенд, которые мы до сих пор со священным трепетом храним как часть европейского культурного наследия. Например, многочисленные предания о зимородке, который, как и малиновка, соотносится в греческом мифе с зимним солнцеворотом. В каждом году имелось четырнадцать дней зимородка, семь дней до зимнего солнцеворота и семь после: это были погожие дни, когда море становилось гладким, словно пруд, и самка зимородка строила плавучее гнездо и высидивала в нем птенцов. Согласно Плутарху и Элиану, своего мертвого супруга она несла на спине по морю и оплакивала неподражаемо жалобным криком.

Число 14 – лунное число, дни удачной первой половины месяца; поэтому не подтверждаемая зоологией легенда (зимородки гнезд не строят, а откладывают яйца в ямки на побережье) явно рассказывает о рождении во время зимнего солнцеворота нового священного царя, после того как его Мать, Лунная Богиня, перенесет мертвое тело старого царя на остров блаженных для погребения. День зимнего солнцеворота, естественно, не всегда приходится на одну и ту же фазу Луны, так

что «каждый год» следует понимать как «каждый Великий год», в конце которого солнечный и лунный календари примерно совпадают и срок правления священного царя заканчивается.

Гомер связывает зимородка (*halcyon*) с Алкионой (*Alcyone*), прозвище Жены Мелеагра Клеопатры («Илиада», IX, 562), и с более древней Алкионой, Дочерью Эгиалы («Та, что отводит бурю») и Эола, эпонимического предка эолийских греков. Слово *halcyon* значит не *hal-cyon* – «налим» (*seahound*), как обычно считают, а *alcy-one* – «Принцесса, Которая предотвращает зло». Это толкование подтверждается излагаемой Аполлодором и Гигином и бегло упомянутой Гомером легендой о более древней Алкионе. Алкиона и Ее супруг Кеик («чайка») посмели называть себя Герой и Зевсом и были наказаны настоящим Зевсом, который утопил Кеика, после чего Алкиона утопилась Сама. Потом Кеик был превращен в чайку или, как у Алкмана, – в гагару, а Алкиона – в зимородка. Та часть легенды, где говорится о чайке, нам мало интересна, хотя эта птица, издающая жалобные крики, посвящена Богине моря Афродите. Историческая основа легенды заключается, по-видимому, в том, что в конце второго тысячелетия до Р.Х. эолийцы, поклонявшиеся доэллинской Лунной Богине как своему Божественному предку и Покровительнице, попали в зависимость от ахейцев и были вынуждены принять олимпийскую религию.

Плиний подробно описывает гнездо зимородка, которое тот якобы строит (по всей вероятности, он имел в виду зоофит, названный Линнеем *halcyoneum*), и сообщает, что увидеть зимородка можно очень редко и лишь во время зимнего и летнего солнцеворота, после захода Плеяд. Это доказывает, что сначала эта птица была проявлением Лунной Богини, Которой поклонялись во время обоих солнцеворотов как Богине Жизни-в-смерти и Смерти-в-жизни и Которая в начале ноября, когда заходят Плеяды, объявляет священному царю о приходе смерти.

Еще одна Алкиона, Дочь Плейоны, «Царицы мореплавания», и героя-дуба Атласа, была мистической Предводительницей семи Плеяд. Восход Плеяд в мае был знаком начала мореплавания, а заход означал его конец, поскольку, как указывает Плиний в разделе о зимородке) в это время начинал дуть очень холодный северный ветер. Судя по обстоятельствам гибели Кеика, искусные моряки эолийцы дали Богине имя Алкиона потому, что, как морская Богиня, Она защищала от столкновения с подводными скалами и непогоды: несмотря на могущество Алкионы, Зевс метнул в корабль Кеика молнию и потопил его.

На протяжении многих веков зимородка наделяли магической способностью умирять бури, а его высушенное тельце использовали как талисман, оберегающий от молний Зевса: скорее всего, на том основании, что молния дважды в одно и то же место не ударяет. Два раза (с перерывом в несколько лет) я видел зимородка, скользившего по поверхности одной

и той же средиземноморской бухты; в обоих случаях лето приближалось к солнцевороту, и море было гладким, как зеркало. На удивление яркое голубое с белым оперение птицы оставило незабываемое впечатление символа Богини спокойных морей.

Гомер объясняет связь между зимородком и Супругой Мелеагра Алкионой следующим образом: когда Аполлон похитил Мать Алкионы Марпессу у аргонавта Идаса, Та так же горько оплакивала потерю Своего любимого супруга, как когда-то другая Алкиона убивалась по Кеику, из-за чего и прозвала Свою новорожденную Дочь Клеопатру Алкионой. Это чепуха. Жрица по имени Клеопатра, Которую взял в жены Мелеагр, вполне могла носить божественный титул Алкиона, но скорее всего Алкиону называли Дочерью Марпессы («Похитительницы») потому, что Марпесса – это Белая Богиня в образе Старой Свины, повелевавшей днем зимнего солнцеворота, и потому, что как раз на это время приходится дни зимородка. Это, кстати, объясняет, почему Плиний рекомендовал высушенные и растертые в порошок гнезда зимородка как «замечательное средство» от проказы: считалось, что проказу вызывает молоко свины (подробнее о связи Белой Богини с проказой см. ниже), а кроткой Дочери Марпессы Алкионе эта опасность заразиться не грозила. Похищение Аполлоном Марпессы в Мессене и Дафны («Кровавая») в Дельфах суть события древней истории греческих племен – захват святилищ-оракулов ахейцами, которые поклонялись Аполлону.

III. ДРЕВЕСНЫЙ АЛФАВИТ (ЧАСТЬ 2)

Гласные буквы алфавита Бет-Луис-Нион образуют дополнительную сезонную последовательность и, подобно гласным алфавита Бойбел-Лот, означают кардинальные дни года. Я считаю эти деревья особо священными деревьями Белой Богини, Которая управляла всем годом и священным числом Которой было 5. Гвион в поэме «*Kadeir Taliesin*» («Кресло Талиезина») – то есть кресло, на которое он, посрамив Хейнина и других бардов, претендовал как первый поэт Уэльса, – следующим образом описывает котел вдохновения, Котел Керриден:

«Котел желанный от Пяти Дерев»¹.

На Крите, в Греции и во всем восточном Средиземноморье священные деревья нередко изображаются как столпы; возможно, эти пять деревьев – то же самое, что и пять столпов с вертикальными и спиралевидными каннелюрами, перед которыми благоговейно склонился человек на микенской цилиндрической печати². Пять райских деревьев

¹ Вполне возможно, что Гвиону было известно, какое значение придавали числу 5 пифагорейцы и их последователи. Пифагорейцы давали клятвы на «священном тетрактисе», фигуре из десяти точек, расположенных в виде пирамиды. Верхняя точка означает место, следующие две – протяженность, три точки ниже – поверхность, четыре точки в основании – трехмерное пространство. Пирамида, древнейший символ Тройственной Богини, философски истолковывалась как начало, расцвет и конец, а центральная точка фигуры с любой из четырех точек по сторонам дает число 5. Это число олицетворяет цвет и многообразие, которыми Природа наделяет трехмерное пространство и которые воспринимаются пятью чувствами, обозначаемыми «лесом» – пятью деревьями, расположенными в шахматном порядке. Считалось, что многоцветный и разнообразный мир образуют пять стихий – земля, воздух, огонь, вода и квинтэссенция, или душа; эти стихии, в свою очередь, соответствуют временам года. Символическое значение придавалось и числительным от 6 до 10, числам совершенства. Тетрактис можно толковать по-разному, например, три вершины треугольника заключают в себе шестиугольник из точек (6 – число жизни), а центральная точка дополняет это число до семи, известного как «Афина», числа ума, здоровья и света.

² Судя по рисунку на стеклянном блюде эпохи Селевкидов с изображением фасада Храма Соломона, каким его перестроил Зоровавель по оригинальной финикийской модели, столпы со спиралевидными каннелюрами соответствуют Боазу, правой колонне Храма, посвященной росту и прибывающему Солнцу, а те, что с вертикальными каннелюрами – Яхину, левой колонне Храма, посвященной угасанию и убывающему Солнцу. В эту символику закралась путаница, когда новый год у евреев стал соответствовать осеннему

упоминаются в недавно найденном гностическом Евангелии от Фомы, однако они – символы пяти Безсмертных, а именно Авраама, Исаака, Иакова, Еноха и Илии.

АИМ – А

Первое дерево – пихта, женское растение, листья которого напоминают листья тиса. В Греции пихта считалась священным деревом Лунной Богини Артемиды, Покровительницы Рожениц, в Северной Европе она была первым деревом новорожденных, что хорошо известно в связи с Рождеством. На Оркнейских островах, как пишет Роджер в книге «Общественная жизнь в Шотландии», вскоре после родов Мать и дитя «благословляли» горящей пихтовой веткой, трижды обнося ее вокруг кровати. Примечательно, что староирландское слово *ailm* означает также пальму, которая не является коренным обитателем Ирландии (впрочем, одна пальма росла в поместье моего деда в графстве Керри). Пальма – дерево рождения в Египте, Вавилоне, Аравии и Финикии – дает свое имя *phoenix* («кровавая») Финикии, когда-то занимавшей все восточное Средиземноморье, и Фениксу, рождающемуся и возрождающемуся на пальме. Поэтической связью с рождением она обязана тому, что море – это Всеобщая Мать, а пальма предпочитает расти поближе к морю на песчаных соляных почвах: без соли молодая пальма чахнет. Пальма – древо Жизни в вавилонском сказании об Эдемском саде. По-еврейски она называется «Фамарь», Фамарь – еврейский эквивалент Великой Богини Иштар или Аштарот; арабы почитали пальму Неджран как Богиню и каждый год наряжали ее в Женские одежды и украшения. Под пальмой родились дельфийский Аполлон и набатейский Дузарес.

В современном ирландском языке слово *ailm* под влиянием латинской классики стало означать «вяз» (*elm*), хотя вяз не является коренным обитателем Британских островов. В Италии вяз, *ulmus*, использовали для подпорок молодой виноградной лозы, благодаря чему он стал *alma*

празднику урожая, так как об этих колоннах стали упоминать не как о Боазе и Яхине, а как о Яхине и Боазе, но традиционно осталось «Боаз для Яхина то же, что Гаризим для Гевала – благословение и проклятие». Гаризим и Гевал – две одинаковые вершины, вздымающиеся над Шехемом, святилищем ефремитов. Гаризим был по правую руку, если встать лицом к востоку от Шехема, Гевал – по левую, а сам Шехем был центром культа терпентина. Во «Второзаконии» есть пророчество, приписываемое Моисею: «произнеси благословение на горе Гаризим, а проклятие на горе Гевал... у входа в Шехем, где живут хананеи в доме с башнями близ дубравы Море» (в русском переводе Второзак. 11:29–30 – «... по дороге к захождению солнца, в земле Хананеев, живущих на равнине, против Галгала, близ дубравы Море». – Примеч. перев.). Так и должно быть. Естественно, что терпентин с его твердой древесиной, хананский эквивалент *Duir'a*, дуба, поместили между Гевалом на несчастливой стороне и Гаризимом на счастливой правой.

mater бога вина. Взаимосвязь винограда и вяза подкреплена упоминанием о них в раннехристианской книге откровений «Пастырь Ерма».

Пихта (которая также предпочитает песчаную почву и морской ветер) является таким же древним деревом рождения, как и пальма, ибо под ней родился бог Библа – прототип Осириса в додинастическом Египте. По-гречески «пихта» – «*elate*», и в этой связи интересен рассказ Павсания об Элате из Аркадии. Он был «отцом Исхия, возлюбленного Матери Асклепия» и Киллена, именем которого была названа гора Киллен, «до того безымянная», ставшая местом рождения Гермеса. У других мифологов Киллен превращается в Нимфу Киллену, Супругу Пеласга, родоначальника пеласгов. Похоже, что первоначально Элат назывался «Элате», «величественный», это имя Артемиды досталось Ее священному дереву (веткой которого с шишками, перевитой плющом, размахивали в Ее честь на Дионисийских праздниках), и что имя Киллена (*Cylle Ana*, «Изогнутая Царица») было одним из Ее титулов. Пихта Богини Рождения перешла к Ее сыну в мифе об Аттисе, сыне Наны, фригийском Адонисе. По преданию, Аттиса превратила в пихту любившая его Богиня Кибела, когда он умирал от раны, нанесенной ему вепрем, которого послал Зевс, или, вернее, нанесенной ему неким фригийским царем, которого он оскотил и который в ответ оскотил его.

Троянский конь, мирное подношение Богине Афине, изначально Той же Белой Богине, был сделан их пихты; конь – священное животное Луны.

В музее Ньюкасла-на-Тайне есть римско-бриттский алтарь, посвященный «Матерям»¹ неким Юлием Виктором. На нем изображен треуголь-

¹ В Арле, провинция Прованс, культ Богини в виде Триады или Пентады Матерей сохранился в христианском облике до наших дней. Ее праздник справляют с 24 по 28 мая, в середине месяца боярышника, или благочестия, однако теперь большинство Ее поклонников – цыгане. В качестве Триады Она известна как «Три Девы Марии из Прованса» или «Три Девы Марии Морских». Для полной Пентады добавлена Марфа и апокрифическая Служанка по имени Сара. Похоже, все это – христианизация дохристианских рисунков на надгробных камнях на кладбище Аликам (*Alyscamps*) в Арле, где на одной из плит изображена Триада или Пентада, а ниже, на другой – возрождающаяся душа. Эта сцена истолкована как воскрешение Лазаря. Вплоть до времен Данте кладбищем пользовались, как и в древности. Тело полагали в лодку, которая называлась «*drue de mourtilage*», туда же клали деньги и направляли ее вниз по течению Роны в сторону Аликам. Название Аликам толковали как *Campi Elysiani*, «Елисейские Поля», но вероятнее всего, *Alys* – древнее имя Богини; по-видимому, от Ее имени произошло встречающееся у Гомера прилагательное *Elysian*. В форме *alise* или *alis* имя *Alys* встречается в названиях многих населенных пунктов Франции. В *Dictionnaire Etymologique* Доза для *alise* и *alis* дается значение «укромный ручей» и прослеживается их происхождение от галльского, а возможно, и докельтского слова *alisia*, которое представлено в многочисленных местных названиях и от которого, должно быть, пошло испанское название ольхи – *aliso*. В плане мифологии это вполне осмысленно, так как зарослями ольхи был укрыт погребальный остров Калипсо – Огигия. *Alys* (*Alis*, *Halyis*) – название самой крупной реки в Малой Азии, и то, что это название доэллиническое, ясно из названия города *Aliassus* (окончание – *assus* – критское),

ник, внутри которого находится сосновая или пихтовая шишка. В имени Друантии, галльской Богини Пихты, нет ничего, что говорило бы о Ее собственном дереве. Благодаря Своему имени Она оказывается «Царицей друидов» и, следовательно, Матерью всего древесного календаря.

Кардинальный день пихты – первый день года, день рождения божественного младенца, дополнительный день зимнего солнцеворота. Кардинальные дни отделены друг от друга тринадцатью неделями; последняя из них была неделей смерти и требовала кровавых жертвоприношений.

ONN – O

Второе дерево – дрок, золотистые цветы и колючки которого символизируют молодое Солнце в день весеннего равноденствия. В это время на холмах разводят костры из дрока. Это делают для того, чтобы на месте старых колючек появилась нежная молодая поросль; ее любят овцы, да и трава после этого растет лучше: «Дрок выказал свой нор, но укрощен и он». В валлийском фольклоре дрок считается «отменным средством от Колдуний». Особое религиозное значение он приобрел потому, что на его цветы прилетают первые в году пчелы (на цветы плюща – последние). Имя Оннионы, Богини, Которой поклонялись галлы в ясеневых рощах, составлено из *Onn* и *Nion*, что позволяет определить Ее праздник – день весеннего равноденствия в конце месяца ясеня.

URA – U

Третье дерево – вереск, священное дерево римской и сицилийской Богини любви Венеры Эрискины, а в Египте и Финикии – Исиды, Чей брат Осирис был заключен в вересковое дерево в Библие, куда Она отправилась его искать. Легенда об Исиде, которую приводит Плутарх, относится к более позднему периоду и далека от оригинала, зато содержит намеки на приношение в жертву Осирису детей.

В XVIII в. собиратель древностей Уинслоу и настоятель Свифт отправились в Лох-Крю записывать местные легенды об ирландской Тройственной Богине. Среди них была и легенда о смерти Гарб Ог, нестареющей Великанши, Которая ездила в повозке, запряженной лосями, питалась

возведенного на ее берегах как раз в том месте, где она поворачивает на север и впадает в Черное море. Существуют две реки Халес – одна в Ионии, другая в Лукании: возможно, они названы по имени все Той же Богини. Одно из названий ольхи в немецком языке – *else*, оно соответствует скандинавскому *elle*. По-датски *Ellerkonge* означает царя-ольху, Брана, который переправляет детей в мир иной; однако *elle* значит также «эльф», которого следует рассматривать как «дух ольхи». Так, в известной балладе Гете, основанной на «*Stimmen der Völker*» его предшественника Гердера, слово *Ellerkonge* правильно передается как *Erlkonig*, так как распространенным немецким названием ольхи является *erle*.

оленьим молоком и грудками орлов и охотилась на горных оленей со своей из семидесяти гончих с птичьими именами. Она собрала камни, чтобы соорудить Себе трехгранную пирамиду и «водрузить престол Свой во чреве холмов в пору цветения вереска», а затем исчезла.

О гальской Богине вереска Уроике свидетельствуют надписи в романской Швейцарии. Ее имя – нечто среднее между *Ura* и *ereice* – греческим названием вереска.

Вереск – растение середины лета; красное и страстное, оно ассоциируется с холмами и пчелами. Да и сама Богиня – пчелиная матка, вокруг которой в середине лета роятся трутни. В таком виде нередко изображали Кибелу: экстатическое самооскопление Ее жрецов – разновидность оскопления трутней пчелиной маткой во время брачного обряда. Для Анхиса печально закончились любовные игры с Афродитой на холме под жужжанье пчел. А вот белый вереск приносит удачу, ибо оберегает от проявлений страсти. Гора Эрикс в Сицилии известна тем, что там побывал повелитель пчел Бут, сын Северного Ветра. Там ему устроили святилище Нимфы Богини Эрикины. Когда Гвион говорит в «*Cad Goddeu*» о том, что вереск дал утешение поверженным тополям, он имеет в виду «вересковый эль», любимый валлийский напиток, восстанавливающий силы.

Давняя популярность лип у лириков Германии и Франции, писавших о любви, позволяет предположить, что липы заменили в равнинных районах горный вереск. Липы цветут с середины мая до середины августа. В Британии, где липа представлена мелколистными разновидностями, священной она не почитается. Однако в Фессалии Мать кентавра Хирона, Богиню, Которой посвящена эротическая вертишейка, звали Филира («липа»).

ЕАДНА – Е

Четвертое дерево, дерево дня осеннего равноденствия и старости – трепетнолистный белый тополь, или осина, дерево тех, кто делает щиты. Согласно Павсанию, тополь занес из Эпира в Грецию Геракл, а по римской легенде, герой украсил голову ветками тополя после того, как убил великана Кака («плохой») в его логове на Авентинском холме в Риме. От лба Геракла исходил такой жар, что изнанка листьев побелела. Возможно, в этом мифе объясняется разница между листьями и ритуальным применением осины и осокоря, траурного дерева, посвященного в доэллинистической Греции Матери-Земле. В Казине Плавта упоминается, как использовать осокорь и пихту при ворожбе: пихта означает надежду, а осокорь – ее утрату¹, подобно тому как в Пемброук-

¹ *Sed manendum, tum ista aut populina fors aut abiegina est tua* (Act II).

шире Девушка вручает Своему ухажеру веточку березы в знак одобрения: «Ну же, начинай» или орешника (*collen*): «Одумайся и воздержись». Геракл одолел смерть, а в древней Ирландии fe – мерная палочка гробовщиков – была осиновой, вероятно, чтобы напомнить душам мертвых, что это еще не конец. Золотые головные уборы из осиновых листьев найдены в захоронениях в Месопотамии, датируемых 3000 г. до Р. Х.

IDHO – I

Пятое дерево – тис, дерево смерти во всех европейских странах, в Греции и Италии посвященное Гекате: венки из тиса надевали на черных быков в Риме, когда их приносили Гекате в жертву, чтобы призраки напились свежей крови. Тис упоминается у Павсания как дерево на горе Итоме, возле которого Эпаминонд нашел бронзовую урну с оловянной скрижалю, на которой были начертаны сокровенные тайны Великой Богини. По другую сторону урны рос мирт, который (как станет ясно ниже) был у греков эквивалентом бузины, согласной буквы смерти – R. Интересно, что скрижаль была оловянной, поскольку в древности греки ввозили олово из Испании и Британии. В Ирландии тис называли «гробом для вина»: из него делали винные бочки. В ирландском сказании о Найосе и Дейдрде в тела умерших влюбленных, чтобы разлучить их, вбивают тисовые колья; однако, колья прорастают, и из них вырастают деревья, которые сплетаются кронами над Армагским собором. В Британии говорят, что корни тисов на погосте проникают в рот каждого покойника. Из тиса получают лучшие луки (римляне узнали об этом у греков) – еще одно подтверждение его смертоносности; вполне возможно, что латинское *taxus* – «тис» связано с греческим *toxon* – «лук» и *toxicon* – «яд», которым смазывали стрелы. Древние ирландцы пользовались для этого ядовитой смесью ягод тиса, чемерицы и сивца. Джон Ивлин в книге «Леса» («*Silva*», 1662 г.) указывает на то, что тис не заслуживает репутации ядовитого растения, «что бы Плиний ни говорил о его тени, о воздухе в Фасии, о судьбе Кативулка, описанной Цезарем, и несмотря на дурные отзывы о его ягодах, распространившиеся во Франции, Испании и Аркадии». Он сообщает, что коровы и лошади жуют листья тиса без малейшего вреда для себя, но все же допускает, что «настоящий *taxus*» действительно смертелен. О его применении английскими Колдуньями упоминается в «Макбете», где в котел Гекаты брошены

*«... побегу тиса,
Что срезаны в затмение Луны».*

В другом месте Шекспир называет его «вдвойне смертельным тисом» и заставляет дядю Гамлета отравить короля, влив ему в ухо сок тиса. Тис, как и дуб, очень долго достигает зрелости, но живет дольше дуба.

Выдержанная и отполированная древесина тиса совершенно не поддается гниению.

Тис был одним из «пяти магических деревьев Ирландии». Это было дерево Росс, «крепкое стройное божество» (у ирландского тиса, в отличие от британского, крона имеет форму конуса, и ветви растут вверх, а не горизонтально), «слава Банбы» (Банба – смертельная ипостась ирландской Тройственной Богини), «Чары познания и Царское колесо», то есть буква смерти, которая заставляет колесо бытия совершить полный оборот. Чтобы помнить о своей неизбежной судьбе, ирландские короли носили брошь в виде колеса, которую передавали по наследству. Кардинальным днем тиса я считаю последний день года, канун зимнего солнцеворота. *Ailm*, пихта Рождения, и *Idho*, тис Смерти, – Сёстры: в годовом круге они стоят рядом и хвоя у них почти одинаковая. Пихта относится к тису, как серебро у свинцу. Следуя древней традиции, средневековые алхимики соотносили серебро с Луной, как управляющей рождением, а свинец – с Сатурном, как ведающим смертью, и оба металла извлекали из одной руды.

*Пихта, серебряной боли чрево,
Тис, могила свинцового горя,
Воительницы одного рода,
Похожие даже листвою – Горе' вознеся свои длани,
Речь одну насмешиливо молвят:
«Здесь качался Юпитера гроб-колыбель».*

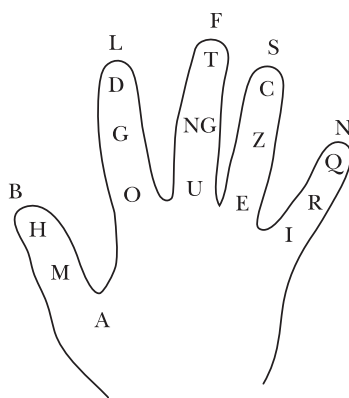
На ассирийской скульптуре, воспроизведенной Феликсом Лажаром в книге «*Sur la Culte de Mithra*»¹ (1847), год изображен в виде дерева с тринадцатью ветвями. Ствол обвит пятью лентами, а напоминающие скипетры ветви расположены по шесть с каждой стороны и одна наверху. Здесь сельскохозяйственный год восточного Средиземноморья, начинавшийся осенью, явно соотнесен с солнечным годом, начинавшимся с зимнего солнцеворота. Над последними тремя ветвями висит небольшой шарик, символ нового солнечного года; поддерживают дерево вставшие на задние ноги козел и коза: справа – козел, голова которого повернута так, что его единственный рог образует серп молодой Луны, а передняя нога касается верхней из последних трех ветвей; слева – коза, голова которой повернута в другую сторону так, что ее рог напоминает месяц на ущербе, она тянется к первым трем ветвям. У козы полное вымя, как и должно быть в это время года: первые козлята появляются на зимний солнцеворот. Молодая Луна плывет над деревом, словно лодка; возле козы расположена группа из семи звезд, из которых седьмая самая яркая: подтверждение того, что это Амалфея, Мать рогатого Диониса.

¹ «О культе Митры» (франц.).

Козел – ассирийский эквивалент Азазеля, козла отпущения, которого евреи приносили в жертву в начале сельскохозяйственного года. Пять лент на дереве (одна в основании ствола, другая у вершины) – суть пять кардинальных дней года: на вавилонском дереве года, изображенном в этой же книге, их символизируют пять пальмовых ветвей.

В свете приведенных сведений рассмотрим схему руки, применявшуюся друидами для передачи сообщений, и попробуем разобраться с загадочными названиями четырех пальцев – указательного (*fore-finger*, букв. «передний»), среднего (*fool's finger*, букв. «шутовской»), безымянного (*leech, or physic finger*, букв. «пиявочный, или знахарский») и мизинца (*auricular, or ear-finger*, букв. «слуховой, или ушной палец») – с точки зрения мифологического смысла расположенных на них букв.

Небольшое расхождение в порядке букв в алфавите Бет-Луис-Нион и алфавите Бой-бел-Лот ничего не меняет; уверен, впрочем, что эта система основана на алфавите Бет-Луис-Нион: в одном из древних сказаний поэт говорит о такой темной ночи, когда «не только не отличишь дубового листа от орехового, но и не разглядишь пять пальцев на собственной руке». На указательном (переднем) пальце стоит буква *Duir*, бог-дуб, первый среди деревьев, над ним буква *Luis*, рябина, талисман от молний; на среднем (шутовском) пальце – буква *Tinne*, царь-остролист или Зеленый Рыцарь, который в старинной английской «Рождественской пьесе», отголоске сатурналий, появляется как Шут (*the Fool*), которому отрубают голову, однако он цел и невредим; на безымянном (знахарском) пальце – буква *Coll*, мудрый орешник, искусный врачеватель; в основании мизинца (ушного пальца, *doigt auriculaire* по-французски) – две буквы смерти, *Ruis* и *Idho*, следовательно, он наделен силой пророчества; во Франции о том, кто получает информацию из таинственных источников, до сих пор говорят: «*Son petit doigt le lui dit*»¹. Название «слуховой палец» (*auricular finger*) обычно объясняют тем, что «этот палец легче всего засунуть в ухо», хотя более древнее значение слова *auricular*: «то, что шепнули мне на ухо по секрету». Вероятно, галльские и британские друиды, чтобы обрести вдохновение, затыкали себе уши мизинцами. Способность этого пальца предсказывать была известна в Западной Европе издавна, что подтверждают сказки, в которых Дочка людоеда теряет мизинец или маленький палец ноги; герой сказки находит его, благодаря чему получает от людоеда разрешение жениться на Дочке.

¹ «Об этом рассказал ему его мизинец» (франц.).

Такие сказки встречаются в Бретани, Лотарингии, западной Шотландии, в области Бискайя в Испании и в Дании. В «Сказании о Талиезине» о мизинце Жены Эльфина говорится, что он отсечен по волшебству.

«Палец кольца» (*ring-finger*) – еще одно название безымянного пальца. На посвященном Венере большом пальце римляне и греки носили печатки, обычно железные: это были амулеты для поддержания потенции, поскольку большой палец символизировал фаллос, а железо – дань мужу Венеры, богу-кузнецу Вулкану. Обручальные же кольца носили на безымянном пальце левой руки. Макробий, писатель V в., объясняет этот обычай двумя причинами: во-первых, безымянный палец меньше других используют в работе, и потому носить на нем кольцо безопаснее; во-вторых (здесь он ссылается на автора I в. Аппиана), из этого пальца выходит артерия, ведущая прямо к сердцу. Соображение об артерии, ведущей к сердцу, – скорее астрологическое, чем анатомическое, хотя в основании пальца действительно есть небольшая вена, которую в древности могли не отличить от артерии. По бытовавшему в поздний классический период представлению о соответствии частей человеческого тела и планет, Аполлон, бог Солнца и врачеватель, управляет сердцем, Венера – почками, Меркурий – легкими, Диана (Луна) – головой, и так далее. На безымянном пальце носили золотое обручальное кольцо еще и потому, что оно управляло сердцем, вместилищем непреходящей любви, а золото было посвящено Аполлону. Легенда об артерии упоминается с медицинской точки зрения немецким гуманистом XVI в. Левином Лемнием, который пишет, что «древние знахари (*physicians*), от которых этот палец и ведет название «знахарского» (*physic-finger*), имели обыкновение помешивать им свои составы и отвары на том основании, что любой яд, соприкоснувшись даже с кончиком этого пальца, немедленно сообщит о своем присутствии прямо в сердце».

Такая же система сохранилась и в популярной хиромантии, возникшей в основном в позднеклассическую эпоху. У хиромантов указательный палец принадлежит богу-дубу Юпитеру; средний – рождественскому шуту Сатурну; безымянный (по-немецки он называется «золотым пальцем») – Солнцу (бог Солнца Аполлон впоследствии станет покровителем врачевателей и богом мудрости); мизинец – Меркурию в его ипостаси проводника душ мертвых. Луне принадлежит основание ладони, она – Богиня подземного мира, у нее Меркурий черпает вдохновение; Венере – большой палец (как фаллический символ); Марсу – центральная часть ладони, сжимающая оружие, главные линии ладони образуют начальную букву его имени – М.

Бронзовая рука для принесения обетов из Фригии, посвященная Зевсу Сабазию (Юпитеру земледельцев), держит небольшую фигурку во фригийской шапочке и фригийских штанах. Фигурка стоит на голове барана, из которой в так называемом латинском благословении поднимаются

вверх три пальца – большой, указательный и средний (большой палец Венеры означает приумножение, указательный палец Юпитера – благодатное покровительство, средний палец Сатурна – ниспослание дождя). Фигурка вторит расположению пальцев руки, которая ее держит и на указательном пальце которой восседает орел Юпитера. Это не столько благословение, сколько привлекающий внимание жест перед началом речи или декламации: он был в ходу у греческих и римских ораторов. При дьявольском благословении, которое до сих пор известно на Фризских островах, указательный палец и мизинец правой руки выпрямлены, остальные (в том числе и большой) прижаты к ладони. Так Колдуньи призывают Рогатого бога, счастливый правый и несчастливый левый рог которого символизируют его способность творить добро и зло.

Палец Аполлона связан с тополем в рассказе о солнечном боге Фаэтоне и оплакивавших его Сестрах: Они превратились в тополя, а Их слезы – в посвященный Аполлону янтарь.

Палец Сатурна связан с вереском в истории об Осирисе, египетском Сатурне. Осирис был заключен в вереск, а тростник, самая нижняя согласная буква на мизинце, посвящен Осирису как царю Египта. Согласно хорошо осведомленному антиквару XIV в. Ричарду из Сиренчестера, в III в. богатые жители юга Бретани носили золотые кольца на среднем пальце. В алфавите V. L. F.¹ этот палец принадлежит Брану, которого они, вторя римлянам, могли отождествлять с Осирисом. Ношение кольца на среднем («шутовском») пальце выражало надежду на воскрешение из мертвых.

Большой палец Венеры связан с пальмой, священным деревом оргиастической Богини Исиды (Латоны, Лат). Лат – Мать набатейского Дузареса, бога винограда, которому поклонялись в Египте, а самая нижняя согласная буква на большом пальце – виноград.

Палец Юпитера связан с дроком, потому что весной в его честь, как бога пастухов, жгли костры из дрока.

Связь пальца Меркурия с тисом в том, что Меркурий – проводник душ в царство Богини смерти Гекаты, то есть своей Матери, священное дерево Которой – тис.

Естественно, что самая чувствительная часть руки – кончик указательного пальца принадлежит прорицателю *Luis*. Впрочем, в предсказании использовали все деревья, указанные на кончиках пальцев: *Luis* – рябина, *Nion* – ясень, *Fearn* – ольха, *Saille* – ива. Это проливает определенный свет на ритуал ирландских поэтов под названием «*Dichetal do Chennaib*» («декламация кончиками пальцев»), которым олав должен был владеть в совершенстве и который доктор Джойс описывает как «произнесение

¹ Алфавит V.L.F. и алфавит V.L.N. являются версиями огама, гэльского алфавита, который использовался в Британии и Ирландии за несколько веков до введения латинского алфавита (примеч. перев.).

экспромтом пророчества или стихотворения, по-видимому, сочиненного с помощью мнемонического приема, главную роль в котором играли пальцы». Св. Патрик, запретивший два других ритуала прорицаний (в том числе *Inbas Forasnai*, «познание по ладони»), поскольку им предшествовало жертвоприношение демонам, разрешил «декламацию кончиками пальцев», с которой ничего подобного не было связано. В «Словаре» Кормака дается следующее объяснение «*Dichetal do Chennaib*»:

«В мое время поэт выполнял ритуал предсказания кончиками пальцев следующим образом. Увидев перед собой человека или предмет, он, не задумываясь, тут же сочинял стихотворение, используя для этого кончики пальцев или просто в уме, и одновременно произносил его».

Не очень-то верится в некий мнемонический трюк с использованием пальцевого алфавита; скорее всего, поэты впадали в состояние поэтического транса, а кончики пальцев играли роль орудия предсказания. «*Dichetal do Chennaib*» всегда упоминается вместе с другими ритуалами предсказания, в общем, одинаковой с ним природы.

[В этот самый момент у меня зачесались кончики пальцев, и когда я вооружил их пером, они восстановили заклинание в первоначальном виде. Вот что получилось:

*Силы деревьев, кончики пальцев,
Первая пятерка из четырех,
Откройте все, что спросит поэт,
Постукивая по челу.
Березовый сук, большой палец в дрожь,
Силою ворожбы,
Береза, пошли ему весть о любви:
Как громко сердце стучит.
Рябины прут, указательный палец,
Силою ворожбы
Загадку ему разгадай,
Ключ к которой давно забыт.
Ясень, палец средний,
Силою ворожбы
Погоды знаток, в остальном – глупец,
Спасенье от всех ветров.
Ольха, палец знахарей,
Силою ворожбы
Узнай все недуги
Колеблющегося ума.
Прутик ивы, палец ушной,
Силою ворожбы
Вырви признания изо рта*

*Истлевающего мертвеца.
Кончики пальцев, пятерка ветвей,
Деревья, что поистине ворожат,
Откройте все, что спросит поэт,
Постукивая по челу.]*

Если судить по меткам дьявола, вытатуированным на ладонях Колдуний средневековой Британии, они, безусловно, применяли пальцевый алфавит. Джозеф Глэнвил, в «*Sadducismus Triumphatus*»¹ (1681) дает подробное описание двух сомерсетширских шабашей – в Брюэме, где собралось тринадцать Колдуний, и в Уинкентоне, причем оба места расположены милях в четырнадцать от Гластонбери. В Сомерсетшире дух бриттов преобладал над саксонским, и вплоть до XVII в. народ почитал Гластонбери главным оплотом Древней Религии. Из показаний Участниц шабашей на суде в 1664 г. следует, что предводитель, или бог Колдуний по имени Робин скреплял посвящение новообращенных уколом иглы между верхним и средним суставами безымянного пальца. Самое подходящее место для укола, поскольку на шабашах занимались и черной, и белой магией: верхний сустав означает букву *Coll*, орешник, дерево белой магии и знахарства, нижний – букву *Straif*, терновник, который, как будет рассказано ниже, считался деревом черной магии и порчи. Шипами терновника Колдунии под руководством Робина протыкали восковые фигурки своих врагов.

В Шотландии метку дьявола ставили на среднем пальце, и хотя сведений о точном расположении метки нет, она, судя по всему, находилась у самого основания пальца: Маргарет Маклевин из Бута жаловалась, что дьявол едва не оставил Ее без пальца. Нижний сустав среднего пальца – *Ura*, вереск, дерево, вполне подходящее для инициации шотландских Колдуний, Которые, согласно Шекспиру, собирались на открытых всем ветрам вересковых пустошах. У двух нортгемптонских Колдуний – Элинор Шоу и Мэри Филлипс, приговоренных к смертной казни в 1705 г., были проколоты кончики пальцев; к сожалению, нам неизвестно, каких именно. Скорее всего, палец с буквой *Saille*, ивой, посвященной Матери Колдуний Гекате² на кончике.

Доктор Макалистер не придает особого значения ни ирландскому огаму Деревьев, ни иным упомянутым в «Книге Баллимота» системам шифров: огаму Свиной, огаму Замков и огаму Плодов. Однако то, что название алфавита V. L. N., предположительно, более древнее по срав-

¹ «Торжество саддукейства» (лат.).

² Британские моряки имели обыкновение татуировать звезду на ладони между большим и указательным пальцами. В некоторых портах обычай сохранился и до сих пор. Изначально это была мольба к Венере как Богине морей и к Юпитеру как богу воздуха о возвращении на берег целым и невредимым; звезда в данном случае символизирует надежду и путеводительство.

нению с алфавитом V. L. F., начинается с трех деревьев, подтверждает, что изначально этот огам был огамом Деревьев. К тому же мифологические ассоциации деревьев в списке О'Флаерти настолько древние, разнообразные и согласованные, что просто невозможно видеть в них «формальное и искусственное» изобретение позднего Средневековья. Скорее всего – это исходный алфавит, составленный Огмой Солнцеликим. Доктор Макалистер отзывается об изобретении огама как о детской забаве, которой богу заниматься не пристало. Но все это лишь потому, что единственный подлинный огамический алфавит для него – Бойбел-Лот, а Бет-Луис-Нион – одна из попыток его построения, причем оба алфавита скопированы с греческого. Его невозможно убедить в том, что обе системы могут иметь какую-либо ценность и помимо того, что они – алфавиты.

Бет-Луис-Нион отказываются рассматривать как полный алфавит потому, что в нем всего лишь тринадцать согласных, из которых одна (Ng) не употребляется, тогда как две древние буквы (Q и Z, входящие в алфавит Бойбел-Лот и известные в огаме как *Quert* и *Straiſ*) опущены. *Straiſ* – это терновник, *Quert* – дикая яблоня; оба дерева очень важны с мифологической точки зрения. Если Огма Солнцеликий воздвиг четыре одинаковых столпа, значит, исходная система должна насчитывать пять гласных и три раза по пять согласных. Подробно это возражение будет рассмотрено ниже, пока же достаточно отметить, что не только у О'Флаерти в алфавите V. L. N. всего тринадцать согласных. Столько же в огаме О'Салливэна, упомянутом в книге «Древности Ирландии» Ледвича, в нем также отсутствуют Q и Z, только вместо P взято Ng. О'Салливэн добавил несколько дифтонгов и такие таинственные символы, как *eg*, *feo* и *oai*, но в принципе это тот самый алфавит, который мы разбираем.

Эдвард Дэйвис считает, что алфавит Бет-Луис-Нион назван так потому, что V. L. N. суть согласные имени Белина, кельтского бога солнечного года. Это утверждение не лишено смысла, поскольку позволяет отождествить тринадцать согласных и тринадцать месяцев года с различными мифологическими группами из тринадцати человек (Артур и двенадцать рыцарей Круглого Стола; Бальдр и двенадцать судей; Одиссей и двенадцать спутников; Ромул и двенадцать пастухов; Роланд и двенадцать пэров Франции; Иаков и двенадцать сыновей; датский Хрольф и двенадцать берсерков). Сюда же можно добавить голову и двенадцать частей тела растерзанного Осириса, которые Исида в Своей лодке выловила в Ниле – изначально Осирис был богом-деревом. Можно также соотнести пять гласных, означающих времена года, с таинственными пятерками британских Богинь, *Deae Matronae*¹ (у *Mamau*), Которые встречаются в надписях времен римского завоевания; с пятиконечными листьями, посвящен-

¹ Богинь-Повелительниц (лат.).

ными Белой Богине (плющ, виноград, смородина, фиговое дерево, платан¹); и с посвященными Ей цветами с пятью лепестками – эротический шиповник, первоцвет, зловещий синий *vincapervinca*, или барвинок (итальянцы называют его «цветком смерти», а в средневековой Англии в венке из этих цветов осужденные шли на виселицу).

Но где же появился алфавит Бет-Луис-Нион? Все деревья в нем – уроженцы лесов Британских островов, кроме винограда. Отсутствие в алфавите садовых деревьев наводит на мысль о том, что его изобрели в очень давние времена на севере, где в чаще лесов рос дикий виноград. Единственная область, отвечающая этим условиям, насколько мне известно, это участок от Пафлагонии до Понта на южном берегу Черного моря. О критском происхождении не может быть и речи: деревья, которые фигурируют на многочисленных священных образах и высеченных на камне изображениях, недавно обнаруженных на Крите, это фига, олива, платан, кипарис, виноград, сосна и пальма.

Доктора Макалистера нельзя винить в том, что он сомневается в древности алфавита Бет-Луис-Нион О’Флаерти, поскольку в средневековой Ирландии существовало несколько систем классификации деревьев. Так, согласно «Брехонским установлениям» (IV, 147), имелось четыре категории деревьев, и штрафы за их незаконную порубку убывали в зависимости от категории:

1. Семь деревьев-вождей:

Дуб	<i>dair</i>
Орешник	<i>coll</i>
Остролист	<i>cuileann</i>
Тис	<i>ibur</i>

¹ Еще один священный пятиконечный лист был у лапчатки (*cinquefoil*), главного компонента мази для полетов средневековых французских Колдуний. В другом рецепте ее заменяет лист тополя, наверняка пятиконечный. Подобно ирису, который входил в состав этого зелья (очевидно, из-за цветка с тремя лепестками и треугольной семенной коробочки с красными семенами), лист тополя не был токсичным, однако его добавляли в честь Богини в густое варево из сажи и растительного масла или жира младенца, чтобы усилить действие остальных компонентов, а именно: петрушки, вызывающей выкидыш, крови летучей мыши, помогающей лететь ночью, ядовитых аконита, белладонны, болиголова и цикуты. Эти рецепты приведены в книге Мисс М. Мюррей «Культ Колдуний в Западной Европе». Еще с двумя рецептами, на этот раз английского происхождения, познакомил меня Тревор Фэрз: 1. Жир новорожденного младенца; *eleoselinum* (валлиснерия, которую называют также *smallage* или *water parsley*, средневековое средство от судорог); *skiwet* (дикорастущий пастернак, листья которого считались ядовитыми, хотя их применяли для припарок); сажа. 2. Кровь летучей мыши, взятая в новолуние; *pentaphyllon* (лапчатка); листья тополя; сажа. Возможно, во французском рецепте петрушка – это на самом деле сельдерей, который добавляли для того, чтобы у Колдуний в полете не случилось судорог.

Ясень	<i>iundius</i>
Сосна	<i>ochtach</i>
Яблоня	<i>aball</i>

2. Семь крестьянских деревьев:

Ольха	<i>fern</i>
Ива	<i>sail</i>
Боярышник	<i>sceith</i>
Рябина	<i>caerthann</i>
Береза	<i>beithe</i>
Вяз	<i>leam</i>
?	<i>idha</i>

3. Семь кустарников:

Терн	<i>draidean</i>
Бузина	<i>trom</i>
Калина	<i>fincoll</i>
Тополь	<i>crithach</i>
Земляничное дерево	<i>caithne</i>
?	<i>feorus</i>
?	<i>crann-fir</i>

4. Восемь колючих кустарников:

Папоротник	<i>raith</i>
Болотный мирт	<i>rait</i>
Дрок	<i>aiteand</i>
Шиповник	<i>dris</i>
Вереск	<i>fraech</i>
Плющ	<i>eideand</i>
Ракитник	<i>gilcoch</i>
Крыжовник	<i>spin</i>

Эти «Установления» – гораздо более поздние по сравнению с указанными в «Триадах Ирландии», согласно которым за незаконную порубку двух деревьев-вождей (орешника и яблони) полагалась смертная казнь:

Лишь теми, кто дышит, заплатишь за трех бездыханных:

За яблоню, орешник и священную рощу¹.

Возможное объяснение содержит стихотворение VII в., помещенное в конце «*Crib Gablach*»: в нем перечислены семь деревьев-вождей, однако вместо ясеня, тиса и сосны указаны ольха, ива и береза, за незаконную порубку которых назначался штраф в одну корову за дерево или в три коровы за рощу. Вероятно, это стихотворение было написано позже «Триад», хотя и раньше «Брехонских установлений», и прежний смертный приговор за порубку орешника и яблони, как и других деревьев, смягчен до штрафа в одну корову. Согласно средневековым комментаторам, слово *Neimhead*, означающее «благородное сословие», относилось к царям, вождям, поэтам и рощам; второе значение этого слова – «достоинство» – к музыкантам, кузнецам, плотникам, коровам и служителям церкви.

Комментатор «Брехонских установлений» следующим образом объясняет «благородное происхождение» семи деревьев-вождей:

Дуб	размер, красота и желуди (корм для свиней).
Орешник	орехи и сережки.
Яблоня	плоды и кора, используемая при дублении.
Тис	древесина для изготовления домашней утвари, нагрудных пластин и т.д.
Остролист	древесина для изготовления осей повозок.
Ясень	древесина для поддержания королевской ляжки (то есть для изготовления царских тронов) и рукоятей оружия.
Сосна	древесина для изготовления бочек.

Здесь, кстати, косвенным образом подтверждается победа ясеня Гвидиона над ольхой Брана в «*Cad Goddeu*»: ясень, который сначала не входил в рощу священных деревьев, – теперь единственное дерево, упомянутое в связи с царским достоинством, а ольха низведена до уровня крестьянина. За тем, как утилитарно подходит комментатор к оценке «благородства», стоят глубокие религиозные перемены: когда сравнительную ценность деревьев можно выразить величиной штрафа за их незаконную порубку, святость рощи сводится к нулю, и поэзия приходит в упадок. Тем не менее, пока «Установления» имели силу, тому, кто изучал поэзию для получения звания олава, приходилось зубрить наизусть следующий старинный катехизис, упомянутый в «Слушаниях ученых мужей» Кальдера и содержащий еще одну классификацию деревьев:

¹ Во II веке до Р.Х. порубка священной рощи в Риме обходилась дешевле: достаточно было принести в жертву одну свинью. Катон в работе «О деревенской жизни» приводит испупительную молитву, с которой должен обратиться к соответствующему божееству нуждающийся в дровах крестьянин.

«Сколько групп Огама? Ответ – три, а именно: 8 деревьев-вождей и 8 крестьянских и 8 кустарников. 8 деревьев-вождей: ольха, дуб, орешник, виноград, плющ, терн, дрок, вереск. 8 крестьянских, а именно: береза, рябина, ива, ясень, бузина, дрок¹, яблоня. Что до других букв, то все прочие кусты суть кусты-деревья».

Деревья здесь те же, что в алфавите Бет-Луис-Нион О'Флаерти, без земляничного дерева, вяза, бузины и прочих. Среди неназванных «кустов-деревьев» – несомненно, бузина, камыш, калина, раkitник и жимолость. Расположение по степени благородства вызывает удивление: из числа деревьев-вождей исключены яблоня и остролист. Этот алфавит связан скорее с греческим алфавитом из 24 букв, чем с огамом из 20 букв или с его расширенным вариантом из 25 букв.

Предмет очень непрост, но ирландские олавы и не были заинтересованы в его доступности для непосвященных.

¹ Явная ошибка: должен быть остролист.

IV. ЧИСЛО ЗВЕРЯ

Малыш Гвион навязался ко мне сам: так, бывает, пристают дети – очень мило, но в самый неподходящий момент, когда я был занят другой книгой и не мог о нем думать. Я пытался отогнать его, уверяя, что не имею ни малейшего желания вторгаться в область бардического мифа, ни научной подготовки для этого, но не тут-то было. Сейчас, возможно, создается впечатление, что я прилично разбираюсь в кельтской литературе, но тогда я не ответил бы ни на один вопрос из «Ханес Талиезин» (на первый взгляд напоминавший премилую загадку – «всю в стихах и всю о рыбах», которую Белая Королева задала Алисе на последнем пире в Зазеркалье), если бы большую часть ответов не подсказала мне поэтическая интуиция. Оставалось только подтвердить их текстуально. И хотя в моей скромной библиотеке нашлась всего пара необходимых для работы книг, остальные вскоре прислали друзья-поэты, хотя я и не просил их об этом, или же они свалились мне в руки с полок букинистического магазина на взморье. За полтора месяца я набросал первый вариант книги (примерно половину ее нынешнего объема), после чего вернулся к прежней работе. Отделка первого варианта заняла шесть лет.

Цепочка совпадений, облегчивших мне работу над книгой, поэтам прекрасно знакома. Но что вообще значит «совпадение»? Что он значило для Евклида? Допустим, что если при определенных обстоятельствах наложить треугольник ABC на треугольник DEF, то C и F будут более или менее совпадать. Ответы на загадки Гвиона были известны мне ранее, следовательно, необходимые книжные знания существовали и были доступны, и потому нужные книги стали появляться одна за другой. F и C нежно соединились, и у меня появилась возможность придать рассудочную форму тем соображениям, к которым я пришел безрассудно.

Уильям Гамильтон, чей портрет запечатлен на ирландских марках, выпущенных к его столетию в 1943 г., шел однажды через Феникс-Парк в Дублине, как вдруг ему в голову пришла мысль о так называемых «квантернионах». Она настолько опережала развитие математической науки того времени, что этот разрыв был ликвидирован усилиями целой плеяды ученых лишь совсем недавно. Все выдающиеся математики отличались способностью совершать в уме пророческий скачок в неизвестность

и твердо приземлиться на обе ноги. Более всех в этом смысле известен Джеймс Максвелл, который выдал секрет своих ненаучных методов мышления. Он совершенно не умел делать расчеты и, придя к верной формуле, вынужден был опираться на расчеты коллег.

Точно так же диагностируют заболевание выдающиеся врачи, хотя и могут потом подтвердить свой диагноз, логически сопоставляя симптомы болезни. Вряд ли будет преувеличением сказать, что все оригинальные изобретения и открытия, музыкальные и поэтические произведения возникли как результат предвосхищающего, или пролептического, мышления (когда, словно приостановив время, исследователь находит решение, которое невозможно найти методом индукции) или как результат аналептического мышления, когда такого же рода остановка восстанавливает утраченные события.

А это значит, что хотя время и является удобным изобретением разума, его действительная ценность не превосходит, скажем, ценности денег. Размышлять в категориях времени очень непросто и неестественно; многие дети овладевают иностранными языками и арифметикой задолго до того, как у них возникает чувство времени и они принимают легко опровержимый тезис, согласно которому причина предшествует следствию.

Несколько лет тому назад я написал в одном из стихотворений о Музе:

*Коль рядом с Нею странное творится,
Коль скажут, что отверзлись все могилы
И мертвые встанут, иль век грядущий
Стал лоном и являет не рожденных, –
Тем чудесам дивиться не пристало:
То вихри, что во Времени рождает
Чрез противленья вечное стихии
Клинок Ее могучей мысли острой.*

Поэты могут подтвердить сказанное собственным опытом. Уже после того, как это стихотворение было написано, Дж. У. Данн в книге «Эксперимент со временем» высказал мысль о том, что время – это не равномерно движущийся эскалатор, каким его на протяжении веков изображают прозаики, а нечто непредсказуемое и колеблющееся, так что теперь и прозаики поймут, о чем я веду речь. В искусстве поэзии время останавливается, в стихи попадают фрагменты того, что произойдет в будущем, как бывает во сне. Это объясняет, почему первую Музу греческой Триады зовут Мнемозина – «Память»: о будущем, как и о прошлом, можно помнить. У животных память о будущем называют инстинктом, у людей – интуицией.

Очевидное различие между стихами и снами заключается в том, что в стихах человек контролирует (или должен контролировать) си-

туацию, а в снах ему отводится роль параноика, пассивного свидетеля мифологического события. Однако в стихах, как и во снах, время останавливается, и когда ирландские поэты писали об Островах блаженных, где три сотни лет пролетают как один день, и отдавали эти острова во власть Музы, они имели в виду именно эту остановку. Потрясение от возвращения к обычному образу мышления, неотделимому от времени, воплощает в мифе подруга, лопнувшая в тот момент, когда юный герой возвращается после посещения Острова домой. Он касается ногой земли, и чарам приходит конец: «... и тут невзгоды старости и тяготы недугов навалились вдруг на него».

Поэты чувствуют двусмысленность времени и потому не позволяют себе уповать на будущее или тревожиться о нем: их интерес сосредоточен исключительно на настоящем. Об этом я с пролептическими подробностями писал в стихотворении «Рухнувшая башня Силоама» (1934), которое начинается так:

*«Коль зашатается строение, спеши под арку!
Мы были там уже...»*

Интересно, что при пролептическом и аналептическом подходе представление о реальности и сама реальность несколько расходятся: точка С совпадает с точкой F, но не настолько, чтобы каждая из них утратила присущие ей особенности. Можно сказать, что они совпадают так же, как совпадают ноты си и до-бемоль, которым на фортепиано ради экономии соответствует одна струна. По частоте колебаний они различаются, но это различие способен уловить разве что абсолютный слух. Или как совпадают число $22/7$ и число «пи»: если вам нужно, допустим, узнать, сколько обвязки требуется для нижней части шатровой палатки диаметром в три ярда, то в формулу можно подставить число $22/7$.

В сентябре 1943 г., когда я денно и ночью гнался в своем сознании за Косулей, причем настолько стремительно, что буквально не успевал записывать мысли, я старался сохранить некую отрешенность. Я сказал себе: «Что-то мне не нравится эта увеселительная прогулка. Какое мне дело до этой незнакомой страны, над которой, словно Ведьму помело, меня несет мой дух и о которой я совсем не уверен, что ее следует наносить на карту». Потом, как шизофреник, обратился к самому себе: «Вот что, Роберт. Я задам тебе простую и хорошо известную, но до сих пор не решенную загадку, и если ты справишься с ней, что ж, в таком случае займись и другими своими открытиями».

Загадкой был последний стих из тринадцатой главы «Откровения»:

«Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

Еще со школьной скамьи я смутно помнил два традиционных решения криптограммы св. Иоанна. Оба они исходят от того, что в греческом и в еврейском языке числа обозначались буквами: 666 – сумма от сложения букв, входящих в имя Зверя. Самое древнее решение принадлежит епископу Иринею (II в.): *Lateinos* – «латинский», указывает на народ, к которому принадлежит Зверь. Самое популярное современное решение (не помню, кому оно принадлежит): *Neron Kesar* – император Нерон, которого считали Антихристом¹. Ни одно из этих решений нельзя признать удовлетворительным. «Латинский» – слишком расплывчатая характеристика Зверя, а «император» пишется по-гречески не *Kesar*, а *Kaisar*. Кроме того, число комбинаций букв, дающих в сумме 666, и всевозможных перестановок этой комбинации настолько велико, что практически может считаться бесконечным.

«Откровение» написано по-гречески, однако при обращении к этому языку мое аналептическое «я» упорно настаивало на латыни. И вот мне явилось некое видение: на стене комнаты, в которой я находился, мелькнули вдруг римские цифры:

D. C. L. X.
V. I.

Когда цифры замерли, я взглянул на них боковым зрением. Поэты поймут, что я имею в виду: так вглядываешься в трудное слово или фразу, чтобы выявить скрытый за буквами смысл. Я понял, что передо мной *titulus* – надпись, которую в Риме прибавляли над головой преступника на месте казни, разъясняющая, в чем его преступление. Я прочитал вслух:

DOMITIANUS CAESAR LEGATOS XTI
VILITER INTERFECIT

«Домициан, Цезарь, подло убил посланников Христа». I.N.R.I. – *titulus* Христа; D. C. L X. V. I. – *titulus* Антихриста.

Единственное слово, на котором я споткнулся, было *viliter*: оно читалось как-то неотчетливо.

Меня никогда особо не интересовало преследование церкви при Нероне и Домициане, и проверка, которую я решил провести, была самой обычной – с таким же успехом я мог бы проверить себя стандартной фразой «Полиция Лейта отпускает нас»², если бы заподозрил себя в том,

¹ Это решение основано на еврейском языке: *Nun* = 50, *Resh* = 200, *Vav* = 6, *Nun* = 50 (*Neron*). *Koph* = 100, *Samech* = 60, *Resh* = 200 (*Kesar*). Однако Нерон и на еврейском языке, и на латыни пишется *Nero*, а в слове *Kaisar* (что значит «шапка волос» по-латыни и «корона» – на еврейском, оба слова, вероятно, заимствовано из общего эгейского источника) должна стоять буква *Kaph* (=20), а не *Koph*, то есть в сумме получается всего лишь 636.

² По тому, как человеку удается совладать с труднопроизносимыми сочетаниями согласных в английской фразе «*The Leith police dismisseth us*», можно судить о степени его опьянения (примеч. перев.).

что пьян. Никаких исторических предубеждений у меня не было, так что я вполне мог себе доверять.

Во-первых, я знал, что большинство исследователей Библии относит «Откровение» к правлению Нерона (54–67), а не Домициана (81–96), и потому видит в нем антинероновскую направленность. Тем не менее, я прочитал «*Domitianus*». Во-вторых, я знал, что *viliter* в Серебряный век латыни значило «дешево» и что производные от него слова предполагают ничтожность, а не злонамеренность. И тем не менее я прочитал *viliter*.

Прошло несколько недель, прежде чем я разобрался с этим парадоксом. Мне казалось, что мое аналептическое «я» отлично поработало: текст D. C. L. X. V. I. был верным, правильным было и решение. Однако, оказавшись, по-видимому, во власти рассудка, глаза прочитали не совсем то, как это бывает со мной по утрам, когда, не совсем еще проснувшись, я неверно читаю буквы и заголовки в газетах. На самом деле, текст был следующий:

DOMITIUS CAESAR LEGATOS XTI
VIOLENTER INTERFECIT

Но сочетание *Domitius Caesar* для моего разума не имело смысла (человека с таким именем не существовало), и потому он услужливо исправил ошибку, прочитав *Domitianus*. И вдруг я вспомнил, что *Domitius* – Домиций – это имя Нерона до того, как император Клавдий принял его в императорскую семью и назвал Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик, и что Нерон страшно это имя не любил, поскольку оно напоминало о его плебейском происхождении. (Об этой слабости Нерона упоминает, кажется, Светоний.) Преступный отец Нерона, Гней Домиций Агенобарб, когда его поздравили с рождением ребенка, холодно заметил, что любой отпрыск его и его Жены Агриппины принесет государству разве что погибель. Язвительное «*Domitius Caesar*» вполне годилось для этой криптограммы: так противники Гитлера зарабатывали в 1933 г. политический капитал на словосочетании «канцлер Шикльгрубер». Естественно, что св. Иоанн Богослов, составляя криптограмму, был далек от того, чтобы щадить чувства Нерона, а буквы D. C., использованные вместо N. C., помогли ему сохранить тайну. Слово *violenter* значит нечто большее, чем «жестоко» или «гневно»: оно подразумевает святотатственную ярость и произвол. По-видимому, мое корректирующее зрение перенесло буквы «*en*» из «*violenter*» в слово, написанное над ним: получилось *Domitienus*, почти *Domitianus*; оставшееся слово «*violter*» было бессмысленным, и я, споткнувшись на нем, прочитал *viliter*, придав ему смысл осуждения.

(Надеюсь, это мое прочтение исторически оправдано. Кто знает, то ли смысл, вложенный св. Иоанном, оказался в мою пользу, то ли мое собственное толкование оказалось в пользу св. Иоанна? Могу лишь сказать, что я прочитал эти слова бегло и не задумываясь, как, скажем, военный

цензор без труда прочитывает криптограмму в конце солдатского письма к Жене: «Ц. Ц. Ц. – В. Б. Т. Н. С. Д. Д.!» – «Целую-целую-целую – вот бы так на самом деле, дорогая!»)

Но это еще не все. Внимательно вчитываясь в данный фрагмент «Откровения», я обнаружил на полях книги отсылку к Откр. 15: 2 – «И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии».

«Образ» упомянут выше. Смысл фразы, по-видимому, в том, что некие христиане приняли мученическую смерть, отказавшись поклониться статуе Нерона. Таким образом, «победившие зверя и образ его» суть посланники Христовы, которых не удалось запугать и заставить поклониться императору и которые, после того, как их святотатственно убили, попали прямо в рай.

Возникает вопрос: почему мои глаза прочитали *Domitianus*, когда в тексте было *Domitius*? Скорее всего, потому, что я был убежден, что имеется в виду Домициан, а не Нерон, и в доказательство своей правоты немедленно исправил текст. Возможно, мое зрение было в услужении у моего безумного аналептического «я». Или имелись в виду сразу ОБА – и Домиций, и Домициан? Вполне вероятно, что текст «Откровения», написанный во времена преследований Нероном христиан, был расширен и приведен в соответствие с событиями своего времени в правление Домициана, который возобновил преследования и имя которого значило «подобный Домицию». А что вы скажете о следующих стихах:

«И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем...

И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?

И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца...

И дано было ему вести войну со святыми и победить их...»¹

Очевидно, речь идет о распространенной среди современников вере в то, что Нерон после нанесенной ему смертельной раны выжил и придет вновь, и о естественном для христиан предположении, что он воплотился в Домициане.

(Замечательно: только что выяснилось, что точно к такому же выводу в своей работе об «Откровении» пришел доктор Т. У. Крейфер.)

42 – число лет (54–96) между приходом к власти седьмого цезаря Нерона и смертью от меча двенадцатого, и последнего, цезаря Домициана. В такого рода пророчествах годы обычно называют месяцами, а месяцы – днями. Фраза «и дана ему власть действовать сорок два месяца», похоже,

¹ Откр. 13:3–5,7 (примеч. перев.)

связана с другим пророчеством о том, что Домициан, святотатственно называвший себя «Господом» и «Богом», кончит насильственной смертью. При преемнике Домициана Нерве для церкви настали мирные времена.

То, что в некоторых рукописях указано не 666, а 616, моим доводам не противоречит: достаточно лишь отбросить букву L (*legatos*). DCXVI означает, говоря словами св. Павла, что «зверь снова распял Сына Божьего».

Результат этой проверки меня удовлетворил: надеюсь, он и других убедит в том, что мне еще рано ставить диагноз «паранойя».

Добавлю, однако, что поскольку в 11-й главе «Откровения» предвещается сохранение Храма, то первоначальный вариант этой книги был, скорее всего, написан после смерти Нерона, но до разрушения Храма, когда повсюду ходили слухи о новом воплощении императора. Еврейские буквы TRJVN, дающие в сумме 666 (*Tav* = 400, *Resh* = 200, *Yod* = 10, *Vav* = 6, *Nun* = 50), в талмудической литературе образуют обычную цифровую кодировку для Нерона (*trijon* означает «маленький зверь»), а авторов Талмуда трудно заподозрить в заимствованиях у христиан. Можно предположить, что первый вариант «Откровения» был еврейским националистическим трактатом, написанным на арамейском языке до 70 г., и в нем 666 означало «маленький зверь» и указывало на Нерона; трактат был переведен на греческий и распространен среди христиан в конце I в., когда обращенные Павлом язычники, не знавшие еврейского языка, пытались доказать, что Иисус отверг закон Моисеев и перенес благословения Яхве с евреев на христиан. В этом втором варианте, где немало вставок и некритически сохраняется устаревший материал, числу 666 дается новая разгадка, которую мог понять любой разумный человек, не обращаясь к еврейскому языку, а именно: DCLXVI. Если все именно так, значит, никакой надписи *Domitius Caesar* и т. д. не было, и, тем не менее, мое аналептическое зрение не ошиблось, поскольку в еврейском языке этому числу соответствовал TRIJON; звериный дух Домиция скрывался в Домициане.

Пролетический или аналептический метод мышления, хотя он и необходим поэтам, врачам, историкам и многим другим, легко спутать с обычной догадкой или дедукцией при недостающих данных, и потому мало кто его использует. Какими бы цитатами, ссылками или сносками я ни подтверждал свои доводы, только что сделанное мною признание об обстоятельствах первого использования этого метода наверняка отпугнет ортодоксальных ученых: не имея возможности отвергнуть, они не осмелятся и принять его.

V. ТРОИСТВЕННАЯ МУЗА

Зачем поэты призывают Музу? В первых строках «Потерянного Рая» Мильтон подводит краткий итог классической традиции и заявляет, что, как христианин, собирается ее превзойти:

*«Пой, Муза горняя! Сойди с вершины
Таинственных Синая иль Хорива,
Где был Тобою пастырь вдохновен,
Начально поучавший свой народ
Возникновенью Неба и Земли
Из Хаоса; когда тебе милей
Сионский холм и Силоамский ключ,
Глаголов Божьих область, – я зову
Тебя оттуда в помощь; песнь моя
Отважилась взлететь над Геликоном,
К возвышенным предметам устремясь,
Не тронутым ни в прозе, ни в стихах»¹.*

Аонийская гора² – это гора Геликон в Беотии, в нескольких милях к востоку от Парнаса, в классические времена известная как «Обитель Муз». Прилагательное «аонийская» – реминисценция известной строки из «Георгик» Вергилия:

Aonio rediens deducam vertice Musas, –

Которую произносит бог поэзии Аполлон, во времена Вергилия почитавшийся также и богом Солнца. Эта строка значит: «Милых мне Муз приведу, возвратясь с Аонийской вершины». Аполлон имеет в виду перенос места поклонения Музам из Аскры, города на склоне Геликона, в Дельфы на гору Парнас, место, ставшее святилищем самого Аполлона. На Геликоне бил родник Иппокрена, «Конский источник», который имел форму лошадиного копыта. По преданию, он появился от удара копыта коня Пегаса, чье имя означает «родниковый». Поэты пили из Иппокре-

¹ Перевод А. Штейнберга.

² В оригинале – *above th'Aonian mount* (примеч. перев.).

ны, чтобы исполниться вдохновения. Отсюда строки Джона Скелтона («Против Гарнеша»):

*«Я дал ему испытать сладчайших вод
Кристалльной Геликоновой струи».*

Можно, однако, предположить, что источники Иппокрена и Аганиппа появились от удара луноподобного копыта Левкиппы («Белой Лошади»), то есть Тройственной Богини с головой лошади, и что история о том, как сын Посейдона Беллерофонт объездил Пегаса, а затем убил трехликую Химеру, на самом деле сообщает о захвате ахейцами святилища Богини. Пегаса звали сначала Аганиппой. *Aganos* – прилагательное, которым Гомер описывает стрелы Артемиды и Аполлона и которое значит «убивающий из сострадания», следовательно, имя Аганиппа – кобыла, «уничтожающая из сострадания». Это предположение подкрепляется греческой легендой о преследовании Деметры, Матери ячменя, ахейским богом Посейдоном. Чтобы скрыться от него, Деметра превратилась в лошадь и спряталась в табуне аркадийца Онкия, однако Посейдон превратился в жеребца и покрыл Ее. Гнев, обуявший Деметру при этом насилии, объясняет, возможно, название Ее статуи в Онкее: Деметра Эриния – Фурия.

Почитание Деметры как Богини-лошади под именами Эпона или Три Эпоны было широко распространено у галльских кельтов, а Гиральд Камбрейский в «Топографии Ирландии» приводит странную историю, свидетельствующую о том, что этот культ существовал в Ирландии до XII в. Речь идет о коронации ирландского короля в Тирконнелле, которой предшествовал обряд его символического рождения от Белой Лошади. Он подполз к кобылице голый, на четвереньках, словно был ее жеребенком, после чего лошадь убили, разрезали на куски и сварили в котле. Король залез в котел и принялся хлебать варево и есть мясо. После чего он поднялся на коронационный камень, получил белый жезл и трижды повернулся слева направо, а потом трижды справа налево – «в честь Троицы». Изначально, конечно, в честь Тройственной Белой Богини.

Лошадь или пони в Британии была священным животным с доисторических времен, а не только с Бронзового века, когда здесь появились выносливые азиатские породы. От британского искусства Каменного века сохранилось единственное изображение человека – костяная фигурка мужчины в маске лошади (найдена в дербиширской пещере Пинхоул), далекий предок лицедеев в лошадиных масках из английского «Рождественского представления». Саксонцы и датчане почитали лошадь точно так же, как и их кельтские предшественники, а запрет на употребление конины в пищу сохранился в Британии до сих пор в виде сильнейшего к ней отвращения. Преодолеть его не помогли и попытки популяризовать конину во время Второй мировой войны. У британцев эпохи Бронзы,

равно как и у латинян, этот запрет отменялся на ежегодном лошадином пиру в октябре. В средневековой Дании это буйное пиршество, длившееся три дня, было запрещено церковью, но сохранилось среди язычников-сервов. Его подробно описывает Йоханнес Йенсен в романе «Падение короля» и упоминает, что сначала жрец кропил конской кровью на юг и восток – свидетельство того, что коня воспринимали как воплощение Духа Солнечного Года, сына Богини-лошади.

В «Сказании о Пуихле, короле Даведа» Богиня является в облике Хрианнон, Матери Прадери. Хрианнон – искаженное «Ригантона» («Великая Царица»); а в Давед входит большая часть Кармартена и весь Пемброкшир, включая Сент-Дэвид. Его центральная точка называлась «Темные Врата», здесь находился вход в Преисподнюю. Встретившись с Хрианнон, Пуихл («Осторожность») влюбляется в Нее и бросается за Ней в погоню на самом быстром коне, но никак не может догнать. Очевидно, в начальном варианте сказания Царица превращалась в белую лошадь. Наконец, Она позволяет ему Себя догнать, через год выходит за него замуж и впоследствии рождает сына, получившего имя Прадери («Тревога»), который сразу же после рождения исчезает. Служанки оговорили Хрианнон, вымазав Ей лицо кровью щенков и заявив, что это Она съела младенца. В наказание Хрианнон поставили возле дворца Пуихла у коновязи, словно лошадь, и велели возить на спине гостей¹. Жизнь Ее сына Прадери тесно связана с волшебным жеребенком, спасенным от Гарпии: до него все жеребята от той же кобылы в канун Майского дня бесследно исчезали. Прадери, Божественный младенец из числа тех, кого уносят от Матери (подобно Хлеу Хлау, Зевсу и Ромулу), впоследствии получает от Нее имя и оружие, объезжает волшебного коня и наконец становится повелителем мертвых. Таким образом, Хрианнон является Богиней-лошадью, и Она же выступает Богиней-Музой, ибо Сирен, Которые появляются в «Триадах» и «Сказании о Бранвен» и поражают Своим сладкоголосым пением, называют «птицами Хрианнон». История со щенками приводит на ум римский обычай приносить весной в жертву рыжих щенков, чтобы избавить хлеба от пагубного воздействия Собачьей звезды. На самом деле жертвоприношение совершали Матери ячменя, у Которой Собачья звезда была в услужении. Хрианнон, собственно, и есть лошадь-Деметра, Наследница свиньи-Деметры Керриден. Лошадь-Деметра, подобно свинье-Деметре, пожирала детей. Это подтверждается мифом о Левкиппе («Белая Лошадь») из Орхомена, Которая вместе с двумя Сестрами лишилась рассудка и сожрала Своего сына Гиппаса («жеребенок»), а также записанным Павсанием мифом

¹ Этот магический обычай сохранился на севере Англии в культе Колдуний. В 1673 г. нортумбрийская Колдунья Анна Армстронг призналась на суде, что Ее Повелительница Энн Форстер из Стокфилда превращала Ее в лошадь, набрасывая на голову уздечку, и скакала на Ней верхом на колдовской шабаш в Райдинг-Милл-Бридж-Энд.

о том, как Рея, родив Посейдона, дала Своему возлюбленному Кроносу съесть жеребенка, а младенца тайно передала на попечение пастухам аркадийской Арны.

Как видно из прозвища Богинь-Муз Пиериды, гора Геликон не была Их первой обителью. Теперь слово «Муза» принято считать производным от *mont* – «гора». Поклоняться Им стали в героическую эпоху, после переселения сюда беотийцев с горы Пиерия в северной Фессалии. Чтобы переселившиеся Музы чувствовали Себя на Геликоне как дома и не забыли древнюю магию, беотийцы дали ключам, вершинам и гротам Геликона те же названия, что были на Пиерии. Муз было тогда три, неделимая Троица, что признали и католики, построив в Средние века на месте заброшенного святилища геликонских Муз церковь Святой Троицы. Подобающими именами трех Лиц этой Троицы были Размышление, Память и Песня. Поклонение Музам на Геликоне (и, вероятно, на Пиерии) было связано с колдовским проклятием и колдовским благословением. Геликон славился лечебными травами, которые дополняли колдовство, особенно девятилистой черной чемерицей, которой Меламп в Лусе лечил Дочерей Прета. Эта трава могла вызвать безумие и вылечить от него; подобно дигиталису (наперстянка), она стимулирует работу сердца. Геликон был известен также эротическими танцами плодородия вокруг каменной гермы в Феспиях, городке у подножия горы. В этих танцах принимали участие Женщины, давшие обет служения Музам. Спенсер обращается к Музам как к «Девам Геликона». С таким же успехом он мог назвать Их «Колдуньями», ибо в его время Колдуньи поклонялись Белой Богине, названной в «Макбете» Гекатой, точно так же исполняли на Своих шабашах пляски плодородия, умели колдовать и знали лечебные травы.

Чтобы привести Себя в состояние экстаза, Жрицы Муз на Геликоне, видимо, использовали два средства: слизистые выделения кобылы во время течки и черную перепонку (*hippomanes*) со лба новорожденного жеребенка, которую (согласно Аристотелю) кобыла поедает, чтобы усилить свою Материнскую привязанность. Дидона в «Энеиде»¹ использовала *hippomanes* в Своем любовном зелье.

Скелтон в «Лавровом венке» так говорит о Тройственной Богине в трех Ее проявлениях как Богини Неба, Земли и Преисподней:

«Диана в зелени листовы,
Луна, что светит ярко,
И Персефона Ада».

¹ «Также нарост [берет], что со лба жеребенка тотчас по рожденье Сорван, чтоб Мать упредить» (IV, 515–516). (Перевод С. Ошерова.)

Как Богиня Преисподней Она была Богиней Рождения, Продолжения Рода и Смерти. Как Богиня Земли Она была Богиней трех времен года – весны, лета и зимы, дарила жизнь деревьям и растениям и властвовала над всем живым. Как Богиня Неба Она была Луной в трех фазах – молодой Луны, Полнолуния и Луны на ущербе. Это позволяет ответить на вопрос, почему Триаду нередко расширяли до Эннеады, «девятки». Не следует забывать, что Тройственная Богиня, Которой поклонялись, например, в Стимфале, была воплощением первобытной Женщины – Созидательницы и Разрушительницы. Как молодая Луна или Весна Она – Девушка; как Полнолуние или Лето – Женщина; как Ущербная Луна или Зима – Старуха.

В галльско-римском захоронении *allee couverte*¹ в Трессе близ Сен-Мало в Бретани на одной мегалитической колонне высечены две пары Девичьих грудей, на другой – две пары грудей Материнских. Верхняя часть третьей колонны не сохранилась, однако проводивший раскопки В. Коллэм полагает, что на ней должны быть отвисшие груди Старухи. Очень интересная находка в этом захоронении (судя по бронзовой монете Домициана, оно относится к I в.) – кремневый наконечник стрелы, имеющий форму ивового листа с декоративной насечкой в виде двух полумесяцев. Ива, как мы убедились, была священным деревом Луны, в алфавите Бет-Луис-Нион – это *Saille*, буква S. Самое древнее начертание буквы S в греческом алфавите – C, заимствованное из критского линейного письма. Сэр Артур Эванс приводит в книге Дворец Миноса таблицу эволюции критского алфавита из идеограмм и толкует знак C как Луну на ущербе – Лунная Богиня как Старуха. Наконечник был, вероятно, подношением третьему Лицу Женской Троицы²: для римской Бретани это совершенный архаизм, пригодный разве что для ритуальных целей, как ныне меч Королевы или посох архиепископа. В. Коллэм сделал анализ древесного угля, найденного под этими колоннами, скорее всего, остатков погребального костра, на котором сжигали умершего.

¹ Укромный проход (франц.).

² До сих пор недостаточно внимания уделялось тому, что форма кремневых наконечников стрел свидетельствует скорее об их магическом, чем утилитарном назначении. Например, наконечник в виде ветки пихты. Сделать его, не отколов ту или иную зазубрину, было не так-то просто, а никакого преимущества на охоте по сравнению с простыми наконечниками в виде листа ивы или бузины он не дает. Даже узкий бронзовый наконечник с четырьмя зазубринами трудно вытащить из раны, а широкий кремневый с двумя зазубринами держится в ней ничуть не лучше наконечника в виде листа бузины или ивы. Наверняка в форму «елочки» вкладывался особый смысл: это было обращение к Артемиде Элате – Диане-Охотнице, Богине Пихты – направить выстрел. Вероятно, острие смазывали парализующим ядом - стрела становилась «железом сострадания», вроде того, что был у Богини. У меня есть ирландский наконечник в виде «елочки» из захоронения железного века, явно не предназначенный для стрельбы из лука. Осколок белого кремня, из которого он вытесан, невероятно изогнут, он такой широкий и короткий, что наверняка использовался только для захоронений.

Это был уголь ивы, дуба и орешника, символизирующих колдовство, царское достоинство и мудрость.

Поначалу в Европе не было богов-мужчин, которые могли бы опаривать авторитет и власть Богини, зато у Нее был возлюбленный, им поочередно становились то милосердный Змей мудрости, то благотворная Звезда жизни, Ее сын. Сын воплощался в демонах разных тотемных общин, которыми Она повелевала, – все они участвовали в посвященных Ей эротических плясках. Змей воплощался в священных змеях («духах мертвых») и насылал ветры. Сына звали также Люцифер, или Фосфор («носитель света»), потому что как Вечерняя звезда он предшествовал свету Луны, ежегодно возрождался, рос на протяжении года, уничтожал Змея и завоевывал любовь Богини. Любовь Богини убивала его, но из его праха восставал другой Змей, который на Пасху приносил «глайн», или красное яйцо, Она его съедала и снова рождала сына как младенца. Сыном-Звездой был Осирис, и хотя после его смерти он змеем обернулся вокруг мира, его фаллос в пятьдесят ярдов длиной, который несла процессия, был украшен золотой звездой. Это символ обновления Осириса в образе младенца Гора, сына Исиды, Которая была одновременно его Невестой и Губительницей, а теперь вновь становилась его Матерью. Абсолютную власть Богини подтверждало ежегодно проводимое в Ее честь как «Повелительницы всего неистового» жертвоприношение, в ходе которого заживо сжигали птиц и зверей – тотемы всех общин.

Итак, самый известный образ эгейской религии – Женщина-Луна, сын-Звезда и мудрый пятнистый Змей, расположившиеся под плодовым деревом: Артемида, Геракл и Эреxfей. Сын-Звезда и Змей враждуют друг с другом: они поочередно добиваются милости у Женщины-Луны подобно тому, как за зимой наступает лето, за летом – зима, за рождением – смерть, а за смертью – рождение. Солнце светит то слабее, то ярче в зависимости от времени года, ветви деревьев то гибнут под тяжестью плодов, то оголены, и только свет Луны неизменен. Луна безпристрастна: она с одинаковой легкостью и губит, и созидает. Конфликт между близнецами получает гениальное выражение в «Сказании о Килхухе и Олвен». Гвин («Белый») и его соперник Гвитуp ап Грайдаул («Победитель, сын Жаркого дня») ведут постоянную войну за Крайтилад (Корделию), Дочь Хлута (Хлира, Лира, Нута, Нуады, Ноденса), попеременно похищая Ее друг у друга, пока дело не передается на суд короля Артура. Тот принимает ироническое решение вернуть Крайтилад отцу, а близнецам «биться за Нее до Страшного суда каждый первый день мая»: кто станет победителем, тот Ее и возьмет.

Отцов пока нет, ибо Змей не в большей степени отец сына-Звезды, чем сын-Звезда – отец Змея. Они близнецы, и здесь мы вновь возвращаемся к единственной поэтической Теме. Поэт отождествляет себя

с сыном-Звездой, Змей – его ненавистный соперник; лишь выступая в роли сатирика, поэт играет роль Змея. Тройственная Муза – Женщина в Своем божественном облике: Она Волшебница поэта, единственная тема его поэзии. Не следует забывать, что когда-то Аполлона ежегодно приносили в жертву Змею: на его надгробии в Дельфах Пифагор сделал надпись, в которой говорится, что Аполлон погиб в схватке с местным Пифоном, которого, как считалось, он убил. Сын-Звезда и Змей – обычные демоны; на Крите Богиню еще не изображают с божественным младенцем на руках. Она – Мать всего сущего; Ее сыновья и возлюбленные приобщаются к этой священной сути лишь по Ее милости.

Вместе с революционным институтом отцовства, проникшим в Европу с Востока, появился и институт обособленных браков. До сих пор существовали лишь групповые браки всех Женщин одной тотемной общины со всеми мужчинами другой тотемной общины; Кто является Матерью каждого ребенка, вопросов не вызывало, отцовство же было спорным, и ему не придавали никакого значения. После того, как совершилась патриархальная революция, изменился и социальный статус Женщины. Мужчина стал совершать священнодействия, к которым прежде его не допускала половая принадлежность, и в конце концов провозгласил себя главой дома, хотя большая часть собственности по-прежнему переходила от Матери к Дочери. Эта вторая, олимпийская стадия потребовала изменений в мифологии. Недостаточно было ввести в уже существующий миф понятие отцовства, как в орфической формуле, упоминаемой Климентом Александрийским: «Бык, который отец Змея, Змей, который отец Быка». Нужен был новый Младенец, который вытеснил бы и сына-Звезду, и Змея. Он воспет поэтами как младенец-Гром, младенец-Топор, младенец-Молот. Есть самые разные легенды о том, как он расправлялся с врагами. Он или брал золотой серп у Богини-Луны, своей Матери, и оскоплял им сына-Звезду, или сбрасывал его с горной вершины, или оглушал топором так, что тот погружался в безпробудный сон. Змея он обычно убивал на месте, после чего становился богом-отцом или богом Грома, брал в Жены свою Мать и зачинал с Ней божественных сыновей и Дочерей. В сущности, Дочери оказывались несовершенными копиями Матери в обликах молодой и полной Луны. В облике ущербной Луны Они превращались в собственную Мать (Бабушку, Сестру), а сыновья в какой-то мере становились сыном-Звездой и Змеем. Среди них был бог поэзии, музыки, искусств и наук, который со временем стал богом Солнца; во многих странах он превратился в регента своего дряхлеющего отца, бога Грома, а кое-где даже вытеснил его. Этой стадии развития религии греки и римляне достигли ко времени появления христианства.

Третья стадия культурного развития – чисто патриархальная, в ней Богинь вообще нет. Это поздний иудаизм, иудео-христианство, ислам и протестантство. Англия достигла этой стадии ко времени образова-

ния Содружества наций, ибо в средневековом католицизме Дева и Сын (перенявшие ритуалы и почести Женщины-Луны и Ее сына-Звезды) имели большее религиозное значение, чем бог-отец. (Змей превратился в дьявола, что и понятно, поскольку Христос змею противопоставил рыбу (Мф. 7: 10), и христиане сделали рыбу его символом.) Валлийцы поклонялись Деве и Сыну на полвека дольше, чем англичане, а ирландцы делают это и сейчас. Для поэзии эта стадия неблагоприятна. Гимны богу Грома, как бы щедро ни украшали его под бога Солнца (даже великолепный «Гимн богу-отцу» Скелтона), – слабые поэтические произведения, поскольку признание за Отцом неограниченной власти противоречит присущей поэту верности Музе. И хотя бог Грома преуспел в законничестве, логике, декламации и прозе, он никогда не был поэтом и не имел ни малейшего представления о подлинной поэзии, ибо перестал учиться у своей Матери.

В Греции, после того как Богиня-Луна стала Женой бога Грома и подчинилась ему, Она передала покровительство над поэзией Своей так называемой Дочери – когда-то Самой Себе в облике Тройственной Музы. Считалось, что ни одно стихотворение не подпадет под Ее покровительство, если оно не начнется с обращения к Музе с мольбой о вдохновении. Так, древняя баллада «Гнев Ахилла», которая стала зачином к «Илиаде» Гомера, начинается следующими словами: «Гнев, о Богиня, воспой, Ахиллеса, Пелеева сына». Ахилл назван «сыном Пелея», а не «сыном Фетиды», и это свидетельствует об укреплении патриархальной системы, хотя тотемные общины сохранялись для удобства организации общественной жизни. Ахилл был царем-жрецом мирмидонян Фессалии – очевидно, клана Муравья, подвластного Богине как Вертишейке. Понятно, однако, что Богиня – это Тройственная Муза, а не просто одна из девяти Муз, о Которых упоминается в менее древней части «Илиады», и Которых впоследствии Аполлон увел с Геликона на Парнас, сменив, как указано в «Гимне Аполлону Пифийскому», местную Богиню Земли в центральном святилище в Дельфах. В те времена Аполлон («Разрушитель» и «Избавитель») считался братом-близнецом Богини Артемиды; они были детьми бога-Грома, родившимися на острове Ортигия у побережья Делоса у Богини Латоны Гиперборейской, Дочери Фебы и Койя («Лунный свет» и «Посвящение»).

Здесь мифы несколько неясны, потому что прибывшую на Делос Латону поначалу не хотела признать местная Тройственная Богиня и потому что Артемиды – имя Сестры Аполлона некогда было греческим прозвищем Тройственной Богини. Слово *Artemis*, вероятно, значит «Повелительница Вод» от «*ard*» и «*themis*». Аполлон, так сказать, закрепил свое положение, заставив Сестру принять знаки и титулы Ее Предшественницы. Себе он взял знаки и титулы пеласгийского «Избавителя» и «Разрушителя» и в одном из своих проявлений (об этом свидетельствует его прозвище

«Сминфей») был критским демоном-Мышью. Позже Аполлон и Артемида взяли в свои руки надзор за поэзией вместо Триадиной Музы (в данном случае своей Матери Латоны). Вскоре Артемида уступила первенство Аполлону, хотя оставалась Богиней магических заговоров; постепенно на Ее счет стали относить лишь заговоры во вред. Так, Татиан в «Послании к грекам» пишет: «Артемида – Отравительница, Аполлон – врачеватель». Сходным образом, в Ирландии бог Огма потеснил Богиню Бригитту. В «Словаре» Кормак вынужден был давать объяснение: «Бригитта, Дочь Дагды, Поэтесса, то есть Богиня, Которой поклоняются поэты за Ее великое и славное покровительство». Именно в Ее честь олав, отправляясь в чужие края, брал с собой золотую ветвь с колокольчиками.

Примерно в VIII в. до Р. Х. Триада Муз расширилась под фракийско-македонским влиянием до трех Тriad или Эннеады. Приходят на ум девять оргиастических Жриц с острова Сейн на западе Бретани и девять Дев в «Прайтеу Аннум», Которые согревали Своим дыханием котел Керриден. Муза в девяти ипостасях более полно, чем Тройственная, отражала вселенский характер владычества Богини. Но заправлявшие в греческой классической литературе служители Аполлона вскоре воспользовались этим изменением, чтобы посредством разграничения ослабить власть Богини. Гесиод пишет о девяти Дочерях Зевса, Которым под покровительством Аполлона были присвоены следующие функции и имена:

Эпическая поэзия	Каллиопа
История	Клио
Лирическая поэзия	Евтерпа
Трагедия	Мельпомена
Танцы	Терпсихора
Эротическая поэзия	Эрато
Священная поэзия	Полигимния
Астрономия	Уrania
Комедия	Талия

Каллиопа – («Прекрасноликая») – имя изначальной Музы в Ее полнолунном аспекте; таковы же имена Эрато – «Возлюбленная», и Уrania – «Небесная». В греческом мифе Эрато впервые упоминается как Царица Дуба. На Ней был женат Аркад, в честь которого названа Аркадия; он был сыном Медведицы-Каллисто и отцом Афенеатиса. Остальные имена указывают на те или иные функции Музы. Музы Геликона по-прежнему были склонны к эротике, но главная Их функция (целительство и проклятие колдовством) была отобрана у Них олимпийцами и перешла к Аполлону и его сыну-врачевателю Асклепию.

Бог поэзии и предводитель Муз, Аполлон не претендовал, тем не менее, на то, что *Вдохновляет* на написание стихов: вдохновение по-прежнему

нисходит на поэта от Музы или Муз. Изначально Аполлон был обыкновенным демоном¹, которого его Муза-Мать наделяла поэтической одержимостью; теперь же он требовал, чтобы Она, как Муза в девяти обликах, вдохновляла в его честь поэтов, не доводя их, однако, до экзотического состояния. Этих поэтов, если они проявляли себя преданными и деятельными, он награждал лавровым венком (по-гречески *daphne*). Связь поэзии и лавра не только в том, что лавр – вечнозеленое растение и символизирует бессмертие: он является наркотическим веществом. Участницы обрядов в честь Тройственной Богини в Темпе, чтобы достичь поэтической и эротической одержимости, жевали лавровые листья подобно тому, как Вакханки жевали плющ. Возможно, *daphne* – краткая форма *daphnoine* – «кровавая», одного из прозвищ Богини. Когда Аполлон захватил дельфийское святилище, оставшаяся там пифийская Жрица научилась жевать листья лавра для пророческого вдохновения. Лавр стал священным деревом Аполлона: легендарное преследование им нимфы Дафны означает захват святилища Богини в Темпе близ горы Олимп. Теперь Аполлон превратился в бога разума с девизом «Все в меру», и его почитатели-мужчины носили лавровые венки, но листья уже не жевали. Эмпедокл, как полубожественный преемник Пифагора, считал, что жевать листья так же ужасно, как употреблять в пищу бобы. Познания как магическая практика клонилась к упадку.

Завоевав Грецию, римляне привезли Аполлона в Италию. Они были народом воинов и стыдились своего незамысловатого поэтического предания. Некоторые римляне отнеслись к греческой поэзии очень серьезно, как к составной части обучения политической риторике, которую они считали полезной для закрепления своих военных завоеваний. Ее изучали под руководством греческих софистов, усвоив от них, что поэзия больших форм – разновидность риторики, гораздо более музыкальная и философская, чем проза, а поэзия малых форм – самое утонченное общественное достижение. Подлинные поэты согласятся с тем, что поэзия – это духовное откровение, которое поэт сообщает равным, а не искусное умение поразить слушателей-простолюдинов или оживить подвыпивших гостей на званом ужине, и вспомнят Катулла, одного из немногих поэтов, сумевших преодолеть греко-римскую поэтическую традицию. Возможно, все объясняется его кельтским происхождением; во всяком случае, он обладал безстрашием, оригинальностью и эмоциональной чувственностью, что в римской поэзии в целом отсутствует. Он один демонстрировал искреннюю любовь к Женщине; остальные довольствовались тем,

¹ Древние прекрасно знали о частых изменениях божественных функций Аполлона. Цицерон в сочинении «О природе богов» различает четырех Аполлонов в порядке убывания их древности: сын Гефеста; сын критских корибантов; аркадийский Аполлон, который дал Аркадии законы; сын Латоны и Зевса. Этот список можно расширять до двадцати-тридцати Аполлонов.

что воспевали дружескую верность или кокетливую гомосексуальность. Его современника Вергилия почитают вовсе не за те качества, которые являются поэтическими, то есть свидетельствуют о присутствии Музы. Музыкальное и риторическое мастерство, звучные перефразы и плавно текущие периоды вызывают восторг любителей античной литературы, однако «Энеида» написана, чтобы поражать и подавлять, и потому подлинные поэты, отличающиеся цельностью натуры, не желают следовать примеру Вергилия. Они больше почитают Катуллу, которого никак невозможно заподозрить в том, что он призывает потомков рукоплескать творениям своего бессмертного гения. Скорее, он обращается к ним, как к современникам: «Разве не так?» Они могут любить Горация как автора изящных стихов, и восхищаться его стремлением избегать эмоциональных крайностей и естественной для римлян склонности все упрощать. Но, несмотря на весь его ум, воспитанность и мастерство менестреля, Горация вряд ли сочтут подлинным поэтом, как, скажем, не сочтут таковым Кэлверли или Остина Добсона.

Подведем итоги в истории греческих Муз.

Тройственная Муза, или три Музы, или Муза в девяти лицах, или Керридвен, или как бы Ее еще ни называли, – это Великая Богиня в Своем поэтическом, или колодовском, проявлении. У Нее есть сын, он же Ее возлюбленный и жертва – сын-Звезда, или дух Прибывающего года. Свою любовь Она поочередно обращает то к нему, то к его танисту Пифону, Змею мудрости, демону Убывающего года, темному «я» сына.

Далее, за Ней ухаживает бог Грома (взбунтовавшийся сын-Звезда, разившийся восточной патриархальностью), у Нее рождаются от него близнецы, мальчик и Девочка (в валлийской поэзии Мертин и Олвен). Она остается Богиней колдовства, но часть Своих владений, в том числе законотворчество и свидетельствование клятв, передает богу Грома.

Затем Она разделяет силу поэтического колдовства между близнецами, которых символизируют Утренняя и Вечерняя звезда; Девочка – это Ее собственное умаляющееся «Я», а мальчик – возродившийся сын-Звезда.

Далее число Ее ипостасей возрастает, а власть уменьшается: теперь это группа из девяти Богинь, Каждая из Которых ведает небольшой областью вдохновения под предводительством бывшего брата-близнеца.

В конце концов Аполлон провозглашает себя Вечным Солнцем, а девять Муз становятся его свитой. Их функции он передает богам-мужчинам, то есть самому себе во множественном числе.

(Легенда о происхождении японской поэзии гласит, что она родилась при встрече Богини Луны и бога Солнца, когда те прогуливались вокруг столпа Вселенной навстречу друг другу. Первой заговорила Богиня Луны и сказала стихами:

*Что за радость несравненна
Мужа зреть столь совершенна!*

Бог Солнца рассердился: Ей не пристало первой заводить разговор, да еще таким неподобающим образом. Он велел Ей вернуться и снова выйти ему навстречу. На этот раз первым заговорил он:

Деву зрю: столь совершенна, – Что за радость несравненна!

Так возникли первые стихи. Иными словами, бог Солнца перехватил у Музы власть над поэзией и сделал вид, что сам создал ее, – ложь, которая не принесла японским поэтам ничего хорошего.)

Поэзия становится академической и переживает упадок до тех пор, пока Муза не проявляет порой Свою силу во времена так называемых романтических возрождений.

В средневековой поэзии Деву Марию напрямую приравнивали к Музе, передавая в Ее ведение котел Керридвен. В своем издании стихов Таллиезина Д. У. Нэш пишет:

«Христианские барды XIII–XIV вв. неоднократно обращаются к Самой Деве Марии как к котлу или источнику поэтического вдохновения. К этому их, видимо, отчасти подтолкнули перекликающиеся слова *pair* – «котел» и производное от него – *mair*, что также значит «Мария». Мария была *Mair*, Мать Христа, сокровенное вместилище Святого Духа, а *Pair* – это котел (вместилище, источник) христианского вдохновения. Так мы встречаем в стихотворении Давита Бенфраса (XIII в.):

Crist mab Mair am Pair pur vonhedd.

Христос, Марии сын, котел пречистый мой».

В средневековой ирландской поэзии Марию точно так же отождествляли с Богиней поэзии Бригиттой, ибо св. Бригитта, Дева в облике Музы, была известна в народе как Мария Гэльская. Богиня Бригитта – это Триада: Бригитта поэзии, Бригитта целительства и Бригитта кузнечного дела. В гэльской Шотландии Ее символом был белый лебедь, и Ее знали как Невесту-Златовласку, Невесту с Белых Холмов, Мать Короля Славы. На Гебридах Она покровительствовала родам. Ее эгейским прототипом была, по-видимому, Бризо Делосская, Лунная Богиня, в жертву Которой приносили корабли, а Ее имя, как считали греки, произошло от слова *brizein* – «колдовать». Поклонение Бригитте было очень распространено в Галлии и Британии во времена римлян, о чем свидетельствуют многочисленные Ей посвящения. Кое-где в Британии св. Бригитта сохранила ипостась Музы до пуританской революции, и к Ее целительской силе обращались у священных источников посредством стихотворных заговоров. Женское исправительное заведение Брайдуэлл в Лондоне некогда было Женским монастырем св. Бригитты¹.

¹ Святая Бригид или Биргит, жившая в XIV веке в Швеции и основавшая Орден святой Бригид, – это, конечно, другая святая, хотя некоторые части этого Ордена вернулись в язычество.

А вот как призывали местную Триаду Бригитты в Корнуолле:

«Три Дамы к нам пришли с востока,
С одной – огонь, с двумя – мороз.
Уйди, огонь, приди, мороз».

Это заговор от ожога. При этом девять листков ежевики опускали в воду источника, а затем прикладывали к обожженному месту. Чтобы заговор возымел силу, нужно произнести его трижды над каждым листком. Ежевика – священное растение Пентады и Триады Богинь Времен года, число листьев на одном стебле у нее разнится от трех до пяти, и поэтому в Бретани и кое-где в Уэльсе есть ежевику запрещено. В этом заговоре Богини явно различаются по временам года: Богиня лета приносит огонь, Ее Сестры – мороз. Обычно как подачку духовенству добавляют четвертую рифмующуюся строку: «Во имя отца, сына и святого духа».

Кроме Бригитты в Средние века почитали как Музу еще одну Марию – Марию-Цыганку (*Mary Gypsy*), или св. Марию Египетскую, Чьим именем (*Marry* или *Marry Gyp*) клялись. Этой очаровательной Девой в голубой одежде с жемчужным ожерельем была древняя языческая Богиня Мариан, скрывавшаяся под легко распознаваемыми именами: Мариан¹, Мириам, Мариамна («Морской Агнец»), Миррина, Миртея, Мирра², Мария, Марина – Покровительница поэтов и влюбленных и гордая Мать Лучника любви. Ее именем клянется в балладах Робин Гуд. Она была смугла лицом и, как свидетельствует средневековая «Книга Святых», отправившись в Святую Землю (где Ей предстояло долгие годы провести Отшельницей в пустыне) на единственном ходившем туда корабле, вынуждена была в виде платы за проезд предлагать Себя, как Проститутка, всей команде. Оказавшись на небесах, Она выказывала особую терпимость к плотским грехам.

Обычное воплощение Мариан – Русалка, *Mermaid*, или, как когда-то писали это слово, *Merry-Maid*. Общепринятое изображение Русалки в виде прекрасной Женщины с круглым зеркалом, золотистым гребнем и рыбьим хвостом олицетворяет выражение «Богиня Любви восстает из моря». Каждый посвящаемый в элевсинские таинства, имевшие пеласгическое происхождение, выполнял любовный ритуал с Представительницей Богини после купания в котле наподобие Хлеу Хлау. Возможно, круглое зеркало (в пару к гребню) появилось в результате ошибки древнего художника, изобразившего его вместо плода айвы, который Мариан держит в руке как дар любви. Впрочем, зеркало тоже входило в число священных атрибутов таинств и, вероятно, имело значение «познай себя». Гребень

¹ Древнее произношение имени Девы по-английски – Мариан, а не Мариам (греческая форма, использованная в Евангелии).

² Она была Матерью Адониса; поэтому александрийский грамматик Ликофрон называет Библию «городом Мирры».

изначально был плектром для игры на лире. Греки называли Мариан Афродитой («Восставшей из морской пены») и использовали посвященных Ей тунца, осетра, устрицу и барвинок как афродизиаки. Самые знаменитые Ее храмы были построены у моря, что помогает символику Ее рыбьего хвоста. В Мариан можно узнать Лунную Богиню Эвриному, статуя Которой в аркадийской Фигалии представляла собой вырезанную из дерева Русалку. Священные деревья Мариан – мирт, мулекс и мирр; Ей посвящены пальма (которая растет на соленой почве), преданная голубка, а также белый, зеленый, голубой и алый цвета. Почитали Ее именно такой, какой Она изображена на картине «Рождение Венеры» Боттичелли. Высокая, золотоволосая, голубоглазая, бледнолицая Богиня приплывает в устричной раковине к роще миртовых деревьев, а Земля в цветочном одеянии спешит укутать Ее в алый, с золотом по краям, плащ. В английских балладах Русалка символизирует горькую сладость любви и опасность, которой подвергаются в чужих портах нестойкие моряки – *mariners* (когда-то это слово писали *merriners*); Ее зеркало и гробень символизируют тщеславие и безсердечность.

Первый христианский император Константин официально отменил поклонение Марии, однако большая часть древнего ритуала сохранилась в церкви, в том числе у коллиридиан, арабских сектантов, жертвовавших Марии точно такую же лепешку и вино, какие они некогда жертвовали Аштарот. Приносили и мирр, что более допустимо, поскольку св. Иероним славил Деву как *Stilla Maris*, «Мирр моря». Св. Иероним играл с именем Мария, которое он соотносил с еврейскими словами *marah* («соленые волны») и *mor* («мирр»), вспоминая при этом дары волхвов.

Когда в Святую Землю вторглись крестоносцы, они, понастроив замки и обосновавшись, обнаружили там несколько существовавших под покровительством мусульман еретических христианских сект, которые быстро отвратили их от ортодоксального вероучения. В результате культ Марии-Цыганки попал в Англию – через Компостеллу в Испании его принесли бедные пилигримы с пальмовыми ветвями в руках, апокрифическим Евангелием в дорожных сумках и устричными раковинами Афродиты, пришитыми к шапочкам. Эти паломники прославлены в песне Офелии в «Гамлете». Трубадуры в красных чулках, с лирами в руках, из которых в Британии лучше других помнят короля Ричарда Львиное Сердце, с восторгом приняли культ Мариан. Из их французских песен возникла лирика анонимных авторов – важнейшее достижение ранней английской поэзии; прелестные рождественские песенки берут свое начало, благодаря паломникам, в апокрифических Евангелиях. Самый впечатляющий итог крестовых походов – распространение в Западной Европе идеи романтической любви. Переданная словами древневаллийских сказаний, она в конце концов превратила неотесанных разбойников-феодалов и их неопрятных Жен в блестящее общество изысканных

лордов и Леди. Из замков и усадеб изящные манеры и куртуазное обращение постепенно распространились и на сельских жителей: теперь понятно, почему в *Merry England*¹ так почитают Марию – *Mary*.

В английской деревне Марию-Цыганку вскоре отождествили с Богиней любви, известной саксонцам как Майская Невеста из-за Ее древней связи с культом Майского дерева, принесенным в Британию атребатами в I в. до или по Р. Х. Упоминали Ее наряду с Мертином, которого к тому времени уже окрестили Робинот Гудом: по всей видимости, по саксонскому имени Мертина – *Rof Breoht Woden*, «Блеск силы Уодена». Он был известен и под эвфемизмом *Robin Good-fellow*, Славный малый Робин. По-французски слово *Robin* (его считают уменьшительным от *Robert*, хотя оно имеет дотевтонское происхождение) означает «баран», а также «дьявол». *Robinet* («водопроводный кран») называют так потому, что на сельских водопоях его делали в виде бараньей головы. Оба значения («баран» и «дьявол») объединились в иллюстрации к брошюре, изданной в 1639 г. в Лондоне под названием «Славный малый Робин, его сумасбродные выходки и веселые проделки». Робин изображен непристойным богом Колдуний с небольшими бараньими рожками на лбу, с бараньими ногами, колдовской метлой через левое плечо и зажженной свечой в правой руке. За ним идет в хороводе целый шабаш колдунов и Колдуний в пуританских одеждах, на него преданно взирает черный пес, музыкант играет на трубе, над его головой летит сова. Напомним, что Робинот называли Своего бога сомерсетширские Колдуньи, а Алиса Кайтлер, знаменитая Колдунья XIV в. из Килкенни, называла «Робинот, сыном искусства» Своего дьявола. Иногда он принимал облик черного пса. Классический пример дьявола в образе барана – тот, которому в 1303 г. епископ Ковентри служил черную мессу и которого почтил поцелуем в зад. На корнуолльском наречии *Robin* значит «фаллос». *Robin Hood* – крестьянское название красного лихниса (*red campion*, то есть *red champion*), возможно, потому, что его раздвоенные лепестки напоминают копыто барана и потому, что *Red Champion* («Красный победитель») – прозвище бога Колдуний. Вероятно, не простое совпадение и то, что «баран» на санскрите – *huda*. Слово *Robin* со значением «баран» в мифологическом смысле уравнилось с *Robin* (*rubens* по-латыни) со значением «малиновка».

Здесь история совсем запутывается. Тесно связаны с оргиями Майского дня веселые похождения знаменитого разбойника из Шервудского леса Робина Гуда, который, как доказал Дж. У. Уокер², был реальной личностью. Он родился в Уэйкфилде, графство Йоркшир, между 1285 и 1295 г. и в 1323-1324 г. пребывал на службе у короля Эдуарда II. Возможно, эта связь возникла потому, что его отец, лесничий Адам Гуд, окрестил его

¹ *Merry England* – «веселая Англия» (англ.).

² *Yorkshire Arhaeological Journal*, № 141, 1944.

Робертом, и потому, что пробыв двадцать два года в лесу, он отождествил себя с Робинем, а Жену из Матильды переименовал в «Девицу Мариан». Судя по одной из ранних баллад «Изгнанник», Матильда, чтобы принадлежать к братству лесных разбойников, обрезала Себе волосы и стала носить мужское платье. В Албании и по сей день молодые Женщины ходят с мужчинами на охоту, одеваются как они и ведут Себя как мужчины – наподобие Аталанты из Калидона, Участницы охоты на калидонского вепря. Разбойники составили шабаш из тринадцати человек, а Мариан была *Puselle*, Девницей шабаша. Во время оргий в Майский день Она, как Невеста Робина, наверняка надевала Женскую одежду. Успешно сопротивляясь церковникам, Робин снискал себе славу народного героя, а впоследствии его называли основателем религии Робина Гуда, первоначальную форму которой восстановить очень непросто. Во всяком случае, *Hood* (*Hod*, *Hud*) означает «чурбан» – тот самый чурбан, который клали позади костра, и который был взят от священного дуба, росшего в том месте, где некогда обитал Робин Гуд. Отсюда «конь Робина Гуда» – мокрица, убегающая из сжигаемого на святки полена. По народному поверью, Робин спасался, превратившись в малиновку, через дымовую трубу, а с окончанием святок выходил в облике Белина против своего соперника Брана, или Сатурна, который во время святочных увеселений был «царем дураков». Бран в облике королька прятался в плюще, но Робин непременно ловил его и вешал. Об этом поется в песенке:

«Кто поймает королька?» – крикнул Робин Боббин.

Девушка Мариан (*Maid Marian*) выступала «Царицей дураков» святочных веселий. Поскольку Она бросала Робина ради его соперника, нетрудно понять, откуда у Нее дурная репутация. Вместо *Maid Marian* нередко писали *Maud Marian*: *Maud* – это кающаяся Мария Магдалина. В «Песне Тома из Бедлама» Она – Муза Тома, «Веселая Сумасбродка Магдалина».

Весело было в Средние века на Рождество, а на Майский день – еще веселее. Это время майских шестов с лентами, коллиридийских «пирогов и пива», венков и букетов, подарков возлюбленным, состязаний лучников, *merritotters* (качелей) и *merribowks* (огромных кадок с молочным пуншем). Но в первую очередь – время сумасбродных свадеб «под деревом зеленым», когда танцоры, взявшись за руки, уходили в чащу, строили себе там шалаши любви и с надеждой прислушивались, не запоет ли соловей. *Mad Merry*, «Сумасбродная» – еще один вариант написания *Maid Marian*, который в виде определения перешел к волшебнику Мерлину (в народных календарях его сначала называли «Старым Мавром»), чьи предсказания продавались на ярмарках и гуляньях с лотков. Как поясняет Спенсер в «Королеве Фей», в действительности Мерлин – это Мертин, но Робин Гуд занял его место возлюбленного Майской Невесты, и Мер-

лин превратился в старого бородатого пророка. *Merrittotters*, возможно, назвали так в честь весов (символизирующих осеннее равноденствие) в руках Девы – одной из фигур Зодиака в календаре Сумасбродного Мерлина. Верующие читатели наверняка отождествляли зодиакальную Деву со св. Марией Египетской, ибо судьбы влюбленных колебались на Ее весах, раскачиваясь, словно на качелях, вверх и вниз.

Многие из «лесных» браков, которые благословлял расстрига-монах по прозвищу Брат Тук, впоследствии были закреплены в церкви, но нередко отцы отказывались от своих «детей веселья». По старинной традиции каждый год в деревне выбирали самого рослого и крепкого парня на роль Крошки Джона (или Дженкина), представителя Робина на карнавале Весельчаков; возможно, поэтому самые распространенные в Англии фамилии – Джонсон, Джексон¹ и Дженкинсон – «дети веселья» Крошки Джона. У Робина тоже неплохо получилось с Робсоном, Хобсоном, Добсоном (уменьшительные от Робина), Робинсоном, Ходсоном, Хадсоном и Гудом. Кто был отцом Гринвуда и Мерримэна², с точностью сказать трудно. Святочные гуляния, как отмечает сэр Джеймс Фрэзер в «Золотой ветви», тоже приносили свой урожай детей. Кто знает, сколько Моррисов и Моррисонов получили свои имена от любвеобильных *morris men*³ («весельчаков») Мариан, а Принсов, Лордов и Кингов – от святочного короля и «царя дураков»?

Немаловажная часть святочного праздника в Англии – представление в Рождественскую ночь: сохранилось семь-восемь вариантов пьесы. Главные события в ней – обезглавливание и возвращение к жизни Рождественского Короля или Рождественского Дурака. Это один из несомненных отголосков дохристианской религии, берущей свое начало на древнем Крите. Фирмик Матерн в сочинении «О заблуждениях языческих верований» рассказывает, как критский Дионис (Загрей) был убит по приказу Зевса, сварен в котле и съеден титанами. По его словам, критяне ежегодно устраивали поминальный пир, на котором разыгрывали драму страданий этого мальчика (и то, как он менял свой облик) и съедали вместо него быка. И все же Дионис не умер; согласно Эпимениду, которого цитирует св. Павел, Минос сочинил ему следующий панегирик:

«Не умираешь ты, но предстаешь для жизни вечной».

¹ Джек – уменьшительная форма от имени Джон (примеч. перев.).

² Гринвуд – «зеленый лес»; Мерримэн – «весельчак» (примеч. перев.).

³ *Morris*, которое вместе с *pike*, «мавританское копьё», поначалу писалось *maris*. Похоже, что *morris-men*, «весельчаки», были *Mary's men*, «парни Марии», а не *moriscoes*, «мавры», как обычно думают. Невинное слово *men* ввело в заблуждение составителей «Оксфордского словаря английского языка». Они возводят его к индогерманскому корню *murgio*, «короткий», аргументируя это тем, что, когда человек весел, время пролетает быстро. Очень сомнительный аргумент, поскольку во всех других языках *murgio* ведет себя совершенно по-другому.

Св. Павел приводит похожий отрывок из поэта Арата:

«Мы им живем, и движемся, и существуем».

В Афинах такие праздники назывались ленеями («Праздник неистовых Женщин»), они приходились на день зимнего солнцестояния, на них сходным образом разыгрывали смерть и рождение младенца урожая Диониса. В изначальном мифе не титаны, а неистовые Женщины, Представительницы Богини Луны Геры, разрывали младенца на части и поедали его. На ленеях съедали не быка, а годовалого козленка; когда Аполлодор сообщает, что Диониса превратили в козленка Эриффа, чтобы спасти его от гнева Геры, это значит, что когда-то Гера съела его в виде младенца, но к тому времени, когда на пиршество были допущены мужчины (титаны или наставники), младенца стал заменять козленок.

Самое древнее свидетельство о европейском религиозном обряде – ленеях Палеолита – ориньякский пещерный рисунок в Когуле на северо-востоке Испании. Юный Дионис с огромным фаллосом, одинокий, безоружный, измученный, стоит среди расположившихся полумесяцем лицом к нему девяти танцующих Женщин. Он обнажен, если не считать плотно облегающих ногу сапожек, зашнурованных у колена; Женщины одеты, на головах у Них небольшие конусовидные шапочки. Возраст этих неистовых Женщин, отличающихся друг от друга фигурой и деталями одежды, возрастает вдоль полумесяца по часовой стрелке. В начале ряда справа – три юные Девушки, первые две длинных юбках, в конце слева – две тощие смуглые пожилые Женщины и высохшая Старуха. Лицо у Старухи, как у ущербной Луны, и движется Она против часовой стрелки. В середине – три полные сил златовласые Женщины, одна из которых – в коротком нарядном платье. Они, несомненно, представляют Собой триады молодой, ущербной и полной Луны, а Старуха – Антропос, Самая старшая из триады ущербной Луны.

Перед старшей Девушкой из триады молодой Луны стоит животное, частично скрытое Ее юбкой: по-видимому, черная свинья. На переднем плане, за спинами триады полной Луны, отскакивает в сторону то самое существо, которое явилось Ойсину в видении, когда Ниама Златовласка переносила его в Страну молодости, – безрогий фавн. На шее фавна, обернувшись назад, балансирует похожий на мальчишку чертенок или эльф – очевидно, это отлетающая душа обреченного Диониса. Подступающие к нему неистовые Женщины вот-вот разорвут его на куски. На рисунке ничто не указывает на время года, но наверняка это зимний солнцеворот.

Мы вновь возвращаемся к драматическому сказанию о Гвионе, мальчике, которого проглотила злая Колдунья Керридвен и который родился вновь как чудесное дитя Талиезин, и к спору между Филипом Бридитом и «неотесанными рифмоплетами» за право первым исполнить своему

королю песню на Рождество. «Сказание о Талиезине» – нечто вроде рождественской пьесы, в которой страдания меняющего свой облик ребенка представлены в виде загадки. Это более старый вариант, отражающий религиозные представления древнего европейского общества, в котором судьбу мужчины решала Женщина: преследующая, но не преследуемая, насилующая, но не насилуемая, как можно понять из поблекших легенд о Дриопе и Гиласе, Афродите и Адонисе, Артемиде и Эндимионе, Кирке и Улиссе. Острова Женщин были опасны тем, что оказавшийся там мужчина мог подвергнуться сексуальному насилию, грозившему смертью, подобно тому как, согласно «Сексуальной жизни дикарей» Б. Малиновского, в северо-западной Меланезии расправляются с мужчинами, если они нарушат привилегии Женщин. В южном Уэльсе во времена раннего Средневековья существовало по меньшей мере одно сообщество из девяти неистовых Женщин. Св. Самсон из Дола, который на склоне лет путешествовал с юным спутником, к несчастью, попал в Их владения. Внезапно раздался дикий вопль, и из чащи леса выбежала седая Старуха в красной одежде с окровавленным трезубцем в руке. Св. Самсон замер на месте, а его спутник бросился бежать, но Старуха догнала его и убила. Старуха оставила без внимания упреки св. Самсона и сообщила ему, что Она – одна из девяти Сестер и что Они живут здесь с Матерью (вероятно, с Богиней Гекатой). Успей к месту происшествия Сестры помоложе, молодой человек наверняка стал бы жертвой группового изнасилования. Девять несущих гибель Женщин в черном фигурируют в исландской «Саге о Тидранди». Однажды вечером Тидранди открыл дверь на стук, хотя его предупреждали о возможных последствиях, и увидел, что девять Женщин бегут к нему с северной стороны. Какое-то время Тидранди отбивался мечом, но вскоре пал от смертельной раны.

Превращения Гвиона следуют одно за другим в строгом соответствии с временами года: заяц в сезон осенних гонов, рыба в период зимних дождей, птица, когда весной возвращаются перелетные стаи, пшеничный колос во время летней жатвы. Фурия преследует его в виде борзой, выдры, сокола и наконец настигает его в облике черной курицы: красный гребень и черные перья свидетельствуют о том, что это – Богиня Смерти. Солнечный год в этом рассказе заканчивается в пору веяния хлебов ранней осенью – свидетельство его восточно-средиземноморского происхождения. В классические времена год на Крите, Кипре, в Дельфах, а также в Малой Азии и Палестине заканчивается в сентябре.

Когда победа патриархальных индоевропейцев вызвала революционные изменения в общественной системе восточного Средиземноморья, в мифе о сексуальном преследовании произошла перестановка. В греческой и римской мифологии есть немало историй о том, как боги (особенно двое старших, Зевс и Посейдон) в образе животных преследуют и насилуют убегающих от них Богинь и Нимф. Точно так же в ев-

ропейском фольклоре имеются десятки вариантов сюжета о колдуне, который после ожесточенной погони одолевает Колдунью и похищает Ее Девственность. Пример такой перевернутой погони – английская баллада «Чумазый кузнец», где естественный порядок времен года нарушен, поскольку забыт первоначальный контекст. Колдунья превращается в рыбу, колдун – в выдру; Она становится зайцем, он – гончей; Она – мухой, он – пауком и затаскивает Ее в паутину. Наконец, Она превращается в одеяло на его кровати, он – в покрывало, и игра выиграна. В еще более испорченном французском варианте Колдунья заболевает, колдун оказывается врачом; Она превращается в Монахиню, он – в священника и исповедует Ее день и ночь; Она становится звездой, он – тучей, и закрывает Ее.

Колдун главенствовал и в британском культе Ведьм, хотя кое-где в Шотландии до сих пор правит Геката, или Королева Фей; вполне возможно, что балладу «Чумазый кузнец» исполняли на театрализованном представлении охоты на шабаше Колдуний. Связь кузнецов и рогатых богов так же стара, как Тубал Каин, бог-козел кенитов. Рогатый дьявол вступал в половую связь со всеми присутствовавшими на шабаше Колдуньями, хотя при этом использовался, по-видимому, огромный искусственный фаллос. Анна Армстронг, уже упоминавшаяся нами нортумбрийская Ведьма, в 1673 г. в Своих показаниях на суде призналась, что на многолюдном шабаше в Аллансфорде одна из Ее Спутниц, Энн Бейтс из Морпета, поочередно превращалась в кошку, зайца, борзую и пчелу, чтобы дьявол – «высокий темнолицый человек, Их покровитель, которого Они называли богом», – мог оценить Ее способности к превращению. Поначалу я думал, что он гнался за Энн Бейтс (Которая была Девицей шабаша), огибая стоявших кругом Колдуний, и что Она по очереди изображала бег и крик разных зверей, а он сообразно Ее превращениям менялся сам. Формулы из «Чумазого кузнеца»: «он превратился в гончую» или «он превратился в бурю выдру», «он привел Ее снова домой». «Снова домой» в данном случае означает «к Ее собственному облику». На суде в 1662 г. Изабель Гауди из Олдерна привела следующее заклинание для превращения в зайца:

*«Как Я зайчихой оборочусь,
Печалюсь, вздыхаю, немало пекусь,
Во имя дьявола оборочусь,
Пока снова домой не вернусь».*

Из последующего рассказа ясно, что менялся не Ее внешний облик, а только поведение, по стихам можно предположить, что это был театрализованный танец. Насколько я теперь понимаю, Энн Бейтс представляла все одна, попеременно изображая то преследуемого, то преследователя, а дьявол довольствовался тем, что аплодировал Ей. Кажется, порядок

преследований соответствовал временам года: зайчиха и борзая, форель и выдра, пчела и ласточка, мышь и кошка – и был унаследован от более ранней формы, когда преследователем была кошка-Деметра, Которая в конце концов убивала мышь Сминфея на току в пору просеивания зерна. Песню нетрудно восстановить в ее первоначальном виде.

*«Хитер и искусен – всем одарен,
Но свистнет Она – и вернется он.
О, как я зайцем оборочусь,
Печалюсь, вздыхаю, немало пекусь,
Во имя дьявола оборочусь,
Не зовут домой, так домой не вернусь.
– Заяц, смотри, по всем лескам
Сука погонит тебя тут и там.
Богоматери ради я здесь с тобой,
Чтоб вернуть лишь тебя домой.
Хитер и искусен – всем одарен,
Но свистнет Она – и вернется он.
А еще форелью оборотьясь,
Печалюсь, вздыхаю, немало сумнясь,
Не с одной познакомлю игрою лихой,
Пока меня не вернут домой.
– Выдра, форель, из твоих врагов,
Гнать тебя будет вдоль берегов.
Богоматери ради я здесь с тобой,
Чтоб вернуть лишь тебя домой.
Хитер и искусен – всем одарен,
Но свистнет Она – и вернется он.
А еще пчелою оборочусь,
Страхом великим Тебя страшусь,
Во имя дьявола в улей впорхну,
Пока меня домой не вернут.
– Пчела, берегись, нрав ласточки крут,
Гонять тебя станет и там и тут,
Богоматери ради я здесь с тобой,
Чтоб вернуть лишь тебя домой.
Хитер и искусен – всем одарен,
Но свистнет Она – и вернется он.
А еще я мышью оборочусь
И к мельнику в дом скорее помчусь
В зерне там потешиться игрой,
Пока меня позовут домой.
– О кошке белой помни, мышь.*

*Та своего не упустит, шалишь.
Богоматери ради твои кости хрустят.
Так тебя и вернут назад.
Хитер и искусен – всем одарен,
Но свистнет Она – и вернется он».*

Промежуточную рифму мифа о колдуне приводят Диодор Сицилийский, Каллимах в «Гимне Артемиде» и Антонин Либерал, мифограф II в., в «Преображениях», причем все трое относят его к разным странам. Речь идет о том, что преследование Богини Артемиды (Афеи, Диктинны, Бритомартиды, Атергатис) заканчивается неудачей и Она ускользает от преследователя в облике рыбы. Каллимах изображает сладострастным преследователем критского Миноса, а Бритомартиду – невинной Преследуемой, в его изложении погоня продолжается девять месяцев с начала паводков до веяния хлебов. Миф должен был объяснить рыбий хвост у статуй Богини в Аскалоне, Фигалии, Крабосе, Эгине, Сефалении, на горе Диктиннеум на Крите и в некоторых других местах, и вождать Ее местным поклонникам должно за их верность доэллиническим брачным обычаям. Заметные фигуры в этом повествовании – рыбаки (Диктинна значит «сеть»), а рыбаки известны постоянством своих верований. В филистимлянском варианте из Аскалона, который приводит Атений, Богиня звалась Деркетой, а преследовал Ее Мокс, или Мопс. Возможно, это Мосх, предок племени царя Мидаса, который нанес поражение хеттам. Похожий миф – неудавшееся покушение Аполлона на девственность Нимфы Дафны.

Как ни странно, любовное преследование лежит в основе ковентрийской легенды о Леди Годиве. Ключ к ее пониманию – откидное сиденье в соборе Ковентри, один из образцов причудливой староанглийской деревянной резьбы. На нем изображено то, что в путеводителях названо «фигурой, символизирующей распутство»: закутанная в сеть длиннорослая Женщина едет, усевшись боком, на козле, перед Ней бежит заяц. В историях из еврейского «Таргума», собранных по всей Европе, Гастер рассказывает об одной Женщине, Которой Ее царственный возлюбленный велел, испытывая Ее любовь, прибыть к нему «не одетой и не голой, не пешком и не верхом, не по воде и не посуху, не с подарком и не с пустыми руками». Женщина приехала, завернувшись в сеть, верхом на козле, одну ногу опустив в канаву, с зайцем, которого тут же отпустила. Эту историю с небольшими изменениями Сакс Грамматик приводит в «Истории Дании» (конец XII в.). Аслог, последняя из Вольсунгов, Дочь Бринхильды и Сигурда, жила на хуторе Спангерейд в Норвегии под видом чумазой Кухарки, Которую звали Краке («ворона»). Тем не менее, Ее красота настолько поразила свиту героя Рагнара Лодброка, что он решил взять Ее в Жены, а чтобы испытать сообразительность, велел явиться к нему не пешком и не верхом, не одетой и не голой, не постясь и не пируя, без свиты и не одной. Краке приехала не козле, волоча одну

ногу по земле, завернувшись в Свои волосы и рыболовную сеть, к губам Она прижимала луковицу, а рядом бежала гончая.

Если эти две истории сложить в одну картину, то у «фигуры, символизирующей распутство» черное лицо, длинные волосы, над Ее головой летит ворон, впереди бежит заяц, у Ее ног – гончая, к губам Она прижимает плод, на Ней сеть, сидит Она на козле. Нетрудно распознать Богиню любви-и-смерти Фрейю (Фригг, Хольда, Хельд, Хильда, Года, Остара) накануне Майского дня. В эпоху Неолита или в начале Бронзового века Она отправилась на север из района Средиземноморья, где была известна как Диктинна (из-за сети), Эгея (из-за козла), Коронида (из-за ворона), а также как Рея, Бритомартида, Артемида и так далее, и принесла с Собой танец Лабиринта.

Плод у Ее губ – вероятно, яблоко бессмертия, ворон символизирует смерть и пророчество (пророческого ворона Один позаимствовал у Фрейи точно так же, как Бран – у Дану, а Аполлон – у Афины). Богиня обосновалась в Британии как Хрианнон, Арианрод, Керридвен, Блодайвет, Дану и Анна задолго до того, как очень похожих Богинь принесли с собой саксы, англы и датчане. Хильда была тесно связана с Млечным Путем, подобно Рее на Крите и Блодайвет (Олвен) в Британии, причем и Той и Другой соответствовали козлы, а на Брокене в канун Майского дня козла приносили в жертву в Ее честь. Как и Хольда, Богиня восседала на козле в сопровождении двадцати четырех гончих, Своих Дочерей (24 часа кануна Майского дня). Иногда Ее изображали пестрой, чтобы отразить Ее двойственный характер, в котором сочетается черный цвет Матери-Земли и трупный цвет Смерти – Хольда и Хель. Как саксонская Богиня Остара, в честь Которой называли Пасху (*Easter*), Она присутствовала на шабаше в канун Майского дня, где Ей приносили в жертву козла. Ее ритуальное животное – заяц: он до сих пор «откладывает» пасхальные яйца. Козел символизирует плодовитость скота, заяц – хорошую охоту, сеть – удачную рыбалку, длинные волосы – высокие хлеба.

Как видно из обрядов английских Колдуний и шведского майского представления «Бюккервизе», козел в канун Майского дня становился мужем Богини, затем его приносили в жертву, и он возрождался: то есть Жрица Богини прилюдно совокуплялась с Царем года, одетым в шкуру козла, после чего его то ли убивали, а потом возрождали в облике наследника, то ли приносили вместо него в жертву козла, а он продолжал царствовать. Этот обряд плодовитости лежал в основе высокоумных «малых элевсинских таинств», которые проводились в феврале и представляли собой бракосочетание козла-Диониса и Богини Фионы, «неистойой Царицы», смерть и возрождение Диониса¹. В Ковентри Богиня, судя

¹ В соответствующих мистериях древних британцев Богиня, словно дразня того, кто вступал с Ней в священный брак, что он не умрет «ни пешком, ни верхом на коне; ни в воде, ни на суше; ни на земле, ни в воздухе; ни в доме, ни вне дома; ни в башмаках,

по всему, исполняла этот обряд, восседая на козле, дабы подчеркнуть Свою власть над Дионисом, – так Европа восседала на быке Миноса, а Гера – на льве.

Как уже говорилось, заяц был священным животным в пеласгической Греции и в Британии: он быстр, плодовит и спаривается на виду у всех. В этом контексте следует упомянуть, что в древней Британии существовал запрет охотиться на зайцев (нарушивший его мог стать трусом), который изначально отменяли лишь раз в году, в канун Майского дня, подобно тому как охотиться на королька разрешалось лишь в день св. Стефана. (Боадикея в сражении с римлянами выпустила на поле брани зайца в надежде, что противники набросятся на него с мечами и утратят свою храбрость.)

В канун Майского дня устраивали ритуальную охоту на зайцев, и «фигура распутства» на откидном сиденье (в данном случае очень точное изображение Богини) выпускает зайца, чтобы его гнали Ее Дочери. Наверняка с этими развлечениями Колдуний в канун Майского дня связана народная песня «Кабы молодцы...»:

*«Кабы молодцы в горах зайцами скакали,
Все Девуцы пригожие давно бы ружья взяли».*

«Ружья взяли» (*get guns*) – это уже XVIII в.; правильнее читать: «обернулись гончими» (*turn hounds*). Есть и другие строки:

*«Кабы молодцы в воде рыбой обернулись,
Быстры красны Девуцы за ними бы нырнули».*

С сетями? Как известно из рассказа об Элфине и Малыше Гвионе, канун Майского дня – подходящее время, чтобы забрасывать сети, да и Богиня не стала бы брать на шабаш сеть просто так.

*«Кабы добры молодцы камышами стали,
Мигом красны Девуцы бы с косами сбежались».*

Опять любовное преследование: душа священного царя, окруженного оргиастическими Женщинами, пытается спастись в облике зайца, рыбы и пчелы, однако Женщины неумолимо преследуют его и в конце концов ловят, разрывают на части и поедают. В одном из вариантов этой песни мужчина оказывается не преследуемым, а преследователем:

ни босым; ни одетым, ни голым», а затем, демонстрируя Свое могущество, ставила его в такое положение, при котором Ее обещание не имело силы, как в легенде о Хлеу Хлау и Блодаивет, где в сцене убийства появляется козел. Часть этой формулы сохранилась в масонском ритуале. Новообращаемого «не голого и не одетого; не босиком и не обутого; не имеющего при себе ничего металлического, с опущенным на глаза капюшоном, с веревкой вокруг шеи, тащат к двери таким образом, что он то и дело останавливается».

*«Скачут зайцем по холмам Молодухи тут и там.
Будь я парень юных лет – побежал бы Им вослед».*

В истории о Леди Годиве, записанной Роджером Уэндоверским, летописцем из Сент-Олбана (XIII в.), говорится, что незадолго до нормандского завоевания саксонская Леди Годива (Годгифу) попросила Своего мужа Леофрика, графа Мерсийского, освободить жителей Ковентри от невыносимых поборов. Он согласился, но при условии, что Она проедет обнаженной по людному рынку в ярмарочный день, что Она и сделала. Годиву сопровождали два рыцаря. Она сохранила приличие, прикрывшись волосами так, что видны были лишь «очень белые ноги». Эта история (ее рассказывают также о Графине Хэрфордской и «короле Джоне» в связи с раздачей хлеба и сыра на празднике св. Бриавеля в Глостершире) не может быть исторически достоверной, поскольку во времена Леди Годивы Ковентри был всего-навсего деревушкой и не знал ни поборов, ни ярмарок. Несомненно, однако, что в 1040 г. Годива уговорила Леофрика построить в Ковентри монастырь бенедиктинцев и жертвовать на него средства. По-видимому, произошло следующее. После нормандского завоевания монахи, чтобы замаскировать проводившуюся в тех местах в канун Майского дня процессию в честь Богини Годы (во время которой благочестивые христиане не должны были выходить из дома), сочинили историю о своей Благодетельнице Леди Годиве по образцу истории Сакса Грамматика. Этот обман разоблачает процессия «Леди Годивы» в Саутеме (он располагался в двенадцати милях от Ковентри и входил во владения Леофрика), во время которой проносили две фигуры – в белом и черном: Богиню в обликах Хольды и Хель, Любви и Смерти. Историю о любопытном Томе-портном Роджер Уэндоверский не упоминает, возможно, она представляет собой более древний вариант. Церемония в честь св. Бриавеля, подобно процессиям в Саутеме и Ковентри, проводилась на праздник Тела Христова (в Йорке и Ковентри в этот день исполняли пьесу-мистерию) и якобы отмечала освобождение народа от налога на сбор валежника в соседних лесах. Праздник Тела Христова всегда приходится на пятницу, день Богини, и примерно соответствует кануну Майского дня. Возможно, пьеса-мистерия берет начало в праздновании кануна Майского дня, «Бюккервице», в честь Годы, Доброй Богини, *Bona Dea*. Скорее всего, мужчинам запрещалось участвовать в процессии, подобно тому как в Риме им не разрешалось присутствовать на церемониях Доброй Богини, а в кельтской Германии, согласно Тациту («Германия», 40), не позволялось видеть, как Герта совершает ежегодное омовение, возвращаясь в Свою священную рощу, как это было в Греции в дни Актеона, когда Артемида принимала омовение в лесу, и любопытный Том, видимо, не забыл об этом.

Англичане – нация неоднородная, но среди них преобладает нетевтонское поклонение Богине, чем и объясняется языческий дух английской поэзии. Британскому складу ума чуждо библейское представление о безусловном превосходстве мужчины над Женщиной: в общественной жизни сентиментальные британцы подчиняются правилу «сначала Дамы». Дворянин охотнее умрет за Королеву, чем за короля; самоубийство считается доказательством великой любви:

*«А за милую Энн Лорн
Брошусь наземь и умру».*

В Британии живет подсознательная тяга к Богине – если не к столь всевластной, как исконная Тройственная Богиня, то хотя бы к способной смягчить всеобъемлющее мужское начало христианской Троицы. Мужская Троица все в меньшей степени соответствует системе британского общества, в котором Женщина, получив право на собственность и голосование, заняла почти такое же положение, какое занимала до пуританской революции. Конечно, мужская Троица появилась гораздо раньше, чем совершилась пуританская революция, но это понятие из богословия, а не из области эмоций. В период между крестовыми походами и гражданской войной Царица Небесная со свитой Женщин-святых гораздо сильнее занимала воображение народа, чем Отец и Сын. Одним из последствий разрыва Генриха VIII с Римом стало то, что когда его Дочь, Королева Елизавета, стала главой англиканской церкви, в народе Ее восприняли как божество: поэты не только видели в Ней свою Музу, но и присваивали имена (Феба, Виргиния, Глориана), отождествлявшие Ее с Богиней Луны. Она с невероятной силой овладела чувствами Своих подданных, чему в немалой степени способствовал этот культ.

Самое примечательное событие в современной английской истории – временное восстановление бога Грома в его религиозном всемогуществе в период существования Содружества наций. Причиной тому стало брожение умов, которое вызвала Библия короля Иакова среди торгового люда больших городов и тех районов Шотландии и Англии, где в жилах у людей кельтской крови было поменьше. Первая гражданская война шла в основном между благородной знатью и с ее вассалами и настроенными против них торговцами при поддержке ремесленников. Англо-саксонско-датский юго-восток единым фронтом выступил за парламент, а кельтский северо-запад был единодушно роялистским. Неудивительно, что в битве при Несби, решившей исход войны, сторонники парламентаризма кричали: «Господь – наша сила!», а роялисты: «За Королеву Марию!» Королева Мария была Католичкой, Ее имя напоминало о Царице Небесной и о Царице Любви. Победа досталась богу Грома, и он выместил злобу не только на Деве Марии и сопровождавших Ее святых, но и на Деве

Мариан с майской свитой и на еще одном культе Тройственной Богини, тайно существовавшем во многих уголках Британских островов, – культе Колдуний. Впрочем, триумф бога Грома длился недолго: добившись победы, он погубил своего главного представителя – короля¹. Во времена Реставрации бог Грома был отстранен от власти, а когда в 1688 г. вернулся вместе с протестантским королем, его ярость заметно поутихла. Бог Грома обрел второе дыхание во времена религиозного возрождения, которое с энтузиазмом проводило купечество в эпоху промышленной революции, но в начале XX в. вновь утратил свои позиции.

Елизавета была последней Королевой, игравшей роль Музы. Королева Виктория, как и Королева Анна, предпочла роль Богини войны: Она вдохновляла войска и стала достойной заменой бога Грома. На троне уже восседал Ее внук, а солдаты 88-го полка индийской армии по-прежнему распевали:

*«Кух парвани,
Ждет нас славный век!
Королева Виктория – Добрый человек!
Поднимайся утром
Рано, как звезда.
Нет, не быть британцам
В рабстве никогда...»*

Однако Королева Виктория ожидала, что английские Женщины будут относиться к мужьям с тем же уважением, с каким Она относится к Своему, и совершенно не проявляла ни сексуального кокетства, ни интереса к любовной лирике и наукам, без которых Королеве не стать Музой поэтов. Королева Анна и Королева Виктория дали Свои имена значительным эпохам английской поэзии, но с именем Анны связывают безстрастную благопристойность стиха, а с именем Виктории – назидательность и украшательство в стиле рококо.

Создается впечатление, что любовь британцев к Королеве зиждется не только на общеизвестной истине: «Британия процветает, когда на троне Королева». Скорее, она отражает их упрямое убеждение в том, что Британия – Родина-Мать, а не отчизна (греческие классики то же самое говорят о Крите), и что главная задача короля сводится к тому, чтобы быть супругом Королевы. Такого рода национальное убеждение, или навязчивая мысль, является источником всякой религии, мифа и поэзии, и его невозможно истребить ни завоеванием, ни просвещением.

¹ Как ни парадоксально, Милтон, который первым выступил в парламенте за казнь Карла I, а также стал лауреатом бога Грома, впоследствии поддался чарам «Северной Музы», Кристины Шведской. Во «Втором выступлении в защиту английского народа» он не только превозносит Ее в той же экстравагантной манере, в какой писали о Елизавете Ее сторонники, но и, похоже, делает это совершенно искренне.

VI. БАСНОСЛОВНЫЕ ЗВЕРИ

Как считают индийские мистики, для достижения абсолютной ясности религиозного сознания необходимо преодолеть все телесные желания, включая желание жить. К поэтическому мышлению это никоим образом не относится, поскольку поэзия зиждется на любви, любовь – на желании, а желание произрастает из надежды на продолжение жизни. А вот чтобы с абсолютной ясностью мыслить о том, что касается поэзии, необходимо избавиться от умственного балласта, в том числе от догматических предубеждений и теорий. Членство в политической партии и религиозной секте, принадлежность к литературной школе деформируют поэтическое чувство и приносят нечто чужеродное и разрушительное в тот магический круг, очерченный веткой рябины, орешника или ивы, в котором поэт уединяется ради поэтического действия. Поэт должен любой ценой добиться социальной и духовной независимости, научиться и мифологическому, и рациональному мышлению и не удивляться даже самым фантастическим созданиям, что появляются в его магическом круге: они приходят для того, чтобы им задавали вопросы, а не для того, чтобы вызывать страх.

Если, например, поэта посетит Химера («Коза»), то по голове льва, туловищу козы и хвосту змеи он распознает в Ней зверя из карийского календаря Зверей, разновидность крылатой козы, на которой, как утверждает Климент Александрийский, Зевс улетел на небо. Химера была Дочерью Тифона, бога разрушительных бурь, и Ехидны, зимней Богини-змеи. Позаимствовав Ее у карийцев, хетты поместили Ее изображение на храме Кархемиш на берегу Евфрата. В магическом круге может появиться и Цербер (сука, которую по ошибке называли псом); это родственник Химере зверь с тремя головами – львицы, рыси и свиньи. Рысь – осенний зверь; скорее всего, о ней упоминает Гвион в «*Can y Meirh*», хотя, возможно, он имел в виду кошку Палуг, кошку-Деметру из Англси: «Я был пятнистой кошкой на ветвистом дереве».

Недоумение поэта может вызвать единорог. Но единорог в описании Плиния (геральдический единорог британского королевского герба, только рог белый и витой) прекрасно подходит для календаря: он символизирует солнечный год в пять сезонов в алфавите Бойбел-Лот. Его рог

указывает на дни Пса и является знаком власти: «Я возвышу рог твой». Рог символизирует начинающийся в это время сезон буквы Е; голова оленя – сезон I, когда охотились на оленей; тело лошади – сезон А, в начале которого в Риме приносили в жертву Октябрьскую лошадь; ноги слона – сезон О, когда земля являет всю свою силу; хвост льва – сезон U. Похоже, что изначально зверь с рогом – это носорог, самый грозный в мире зверь: «Перейдешь дорогу носорогу, ты смелее самой пантеры». Добыть рог носорога было непросто, во времена Плиния мошенники-торговцы выдавали за «рог единорога» черные, длинные и изогнутые рога сернобыка. Как и все римляне, Плиний не жаловал мифических зверей и не верил в них; если он упоминает о единороге как о подлинном животном, то, наверное, видел его рог. Тем не менее, в Британии был в ходу рог нарвала, потому что он белый, очень твердый и изогнутый в спираль бессмертия, а также потому, что по-разному именуемый бог Года явился из моря; как говорит Гвион в «*Angar Cyvndawd*»: «Из глубины во плоти он явился». По этой причине нарвала называют «морским единорогом». Тем не менее, некоторые британские мифологи (например, живший в начале XVII в. Томас Бормен) приняли точку зрения Плиния. Бормен писал: «Его рог тверд, как железо, и груб, как напильник, закручен, словно пламенеющий меч, он очень прямой, острый и всюду, кроме самого кончика, черный». Интересная разновидность единорога – дикий осел-единорог, которого Геродот считал реальным животным. Дикий осел – животное Сета, пятая часть года которого имеет центром день летнего солнцеворота, почему его рог и воздет вверх. Но не стоит забывать о том, что историк V в. до Р.Х. Ктезий, первый грек, упомянувший о единороге, в сочинении «*Indica*» пишет, что его рог окрашен в белый, красный и черный цвета. Это цвета Тройственной Лунной Богини, а бог Года – Ее подданный.

Единорог, вероятно, символизировал не только время, но и пространство, хотя пространство чаще всего делили на четыре части, а не на пять. Квадратный крест (обычный, свастика или с крестами на концах) с на-запамятных времен символизировал полноту власти. Этот крест (сам по себе или заключенный в круг) был главным символом на минойском Крите и предназначался для Богини и Ее сына-Царя. Определенный пространственный смысл число 5 имеет в тех районах Индии, где поклоняются Кали (местные ритуалы напоминают ритуалы поклонения критской и пеласгической Великой Богине) как самой могущественной из пятерки божеств (Шива, Кали, Вишну, Сурья, бог-слон Ганеша), отчасти соответствующей египетской пятерке (Осирис, Гор, Исида, Сет, Нефтида). На коронации индийского царя жрец в знак возрождения облачает царя в священную мантию, называемую «Утроба», вручает ему пять игральных костей и говорит: «Ты – повелитель, пусть эти пять

пределов станут твоей судьбой». Пять пределов – четыре стороны света и зенит.

Итак, устремленный вверх рог единорога являет собой «верхнее небо», простирающееся от царя прямо в зенит, туда, солнце самое жаркое. В египетской архитектуре рог единорога – это обелиск: в его основании – квадрат, грани, как у пирамиды, сходятся к вершине. Это символ могущества над четырьмя сторонами света и зенитом. В менее вытянутой форме – это пирамида; изначально так выражалось владычество не бога Солнца (оно никогда не светит с севера), а Тройственной Богини, белый мраморный треугольник Которой со всех сторон окружает гробницу Ее царственного сына.

5 – священное число Кали и Ее двойника Минервы. Преданный Кали поэт Рам Прасад обращается к Ней, неистово отплясывающей на распростертом теле Шивы:

*«Сердце мое – лотосов пять.
Ты, сводящая пять в одно,
Пляши, исполняя разум мой».*

Рам Прасад имеет в виду поклонение пяти божествам, но в сущности – это поклонение Кали. Есть свидетельства того, что и Дионис, и священная белая корова Ио из Аргоса, ставшая Богиней Исидой, неоднократно бывали в Индии.

В дионисийских мистериях *hirco-cervus* – козел-олень был символом возрождения и упования на бессмертие. Видимо, оказавшись в Фессалии, гиперборейские друиды в козле-олене, которого связывали с яблоками, своего собственного бессмертного белого оленя или лань, которую также связывали с яблоками. Ибо яблоня, *ut dicitur*¹, – убежище белой лани. Благодаря козлу-оленю у единорога в геральдике и средневековом искусстве иногда появляется борода. У христианских мистиков греческий козел-единорог из видения Даниила передает некогда мирному единорогу свою воинственность.

В Британии и Франции единорог не сумел вытеснить белого оленя; он сохранился в народной традиции и упоминается в средневековых сказаниях как символ тайны. Король Ричард II объявил «белого оленя возлежащего» своим личным символом; с этого момента оленю был открыт путь на вывески британских постоялых дворов. Иногда его изображали с крестом между рогами: олень с крестом явился св. Губерту, покровителю охотников, который, не зная отдыха, неделями преследовал его по лесным чащобам, и св. Юлиану Милостивому. Таким образом, у единорога пустыни и лесного белого оленя один мистический смысл. Но в начале XVII в., когда в моде была герметическая магия, они обозначали соот-

¹ Как сказано (лат.).

ветственно дух и душу. Герметики – это неоплатоники, латавшие свои философские тоги обрывками полузабытой мудрости бардов. В редком герметическом трактате «Книга источника Агнца» есть гравюра, на которой в лесу рядом стоят олень и единорог. Текст гласит:

«Истинно говорят мудрецы, что два зверя в этом лесу: один – величавый, прекрасный и стремительный, великий и могучий олень; другой – единорог... Употребив иносказание искусства нашего, назовем лес телом... Единорог во все времена будет духом. Оленю не надобно иного имени, кроме души... Тому, кто ведает, как с помощью искусства приручить их и взять под свое начало, соединить их вместе, завести в лес и вывести из леса, подобает называться Мастером».

Поэту может явиться и безымянный зверь с золотым венцом на оленьей голове, с телом лошади и хвостом змеи. Он упомянут в гэльской поэме, опубликованной Кармайклом в «*Carmina Gadelica*» («Гэльские песни») в диалоге между Невестой и Ее безымянным сыном:

«НЕВЕСТА:

*Черен град, что там стоит,
И все, кто в нем, черны;
Белая Лебедь лишь Я одна,
Царицею Я им всем.*

СЫН:

*Во имя Господа отправлюсь в путь
Под личиной оленя, под личиной коня,
Под личиной змеи, под личиной царя.
В большей силе со мною быть».*

Из последовательности «олень – конь – змея» видно, что сын – это бог Убывающего года.

В магический круг может залететь Феникс. Феникс, в существование которого верили римляне (вероятно, потому, что его появление в Он-Гелиополисе были, как говорят, настолько редкими и мимолетными, что никто не сумел доказать обратного), тоже был календарным зверем. Дело в том, что у египтян не было високосного года. Остававшиеся ежегодно к Новому году части дня постепенно накапливались и через 1460 лет (так называемый год Сириуса) давали в сумме целый год. Непереходящие праздники, которые в течение столетий все больше сдвигались (что вызывало те же неудобства, какие испытывают жители Новой Зеландии, у которых Рождество приходится на середину лета), вновь возвращались на свои прежние места, а в летопись добавляли лишний год. По этому поводу устраивался большой праздник, а в Он-Гелиополисе, в главном египетском храме Солнца, по всей видимости, вместе с благовониями в гнезде из пальмовых ветвей сжигали заживо орла с раскрашенными крыльями.

Орел символизировал солнечное божество, пальма – священное дерево Великой Богини, его Матери. Солнце завершило свой великий круговорот, поэтому старый орел-Солнце возвращался в гнездо, чтобы возвестить о начале нового века Феникса. По преданию, в пепле сгоревшего Феникса зарождался крохотный червячок, который со временем превращался в нового Феникса. Этот червячок – те самые лишние шесть часов с минутами, что остаются в конце года Феникса. За четыре года они составляют целый день – птенца Феникса. Из путаного рассказа Геродота о Фениксе складывается впечатление, что в Он-Гелиополисе держали священного орла, а когда он умирал, его бальзамировали в круглом яйце из мирра, чтобы сохранить на века, после чего освящали другого орла. Вероятно, в конце великого века Феникса яйца из мирра тоже сжигали. То, что Феникс прилетел из Аравии, означает лишь то, что для египтян Солнце восходило над Синайской пустыней. Как ни смешно, в Феникса продолжали верить первые христиане: они видели в нем нечто вроде воскресшего Христа даже тогда, когда Феникс был убит. Это нечаянно сделал император Август, который в 30 г. до Р. Х., усовершенствовав египетский календарь, стабилизировал год¹.

Или же покажется стремительно мчащаяся за некрещеной душой стая псов Гавриила с красными ушами и розовыми носами. Они напоминают привидения и в британском фольклоре пользуются дурной славой, однако же реально существуют – это древнеегипетские охотничьи собаки, изображения которых встречаются в гробницах. В Египте они вывелись, зато есть на острове Ибица, куда их завезли карфагенские переселенцы. В Британии они могли появиться в конце II тысячелетия до Р. Х. вместе с голубыми бусинами из Египта, найденными в захоронениях на равнине Солсбери. Эти собаки крупнее и проворнее борзых, у них отличный нюх и острое зрение. При виде дичи они громко скулят; их лай напоминает крик диких гусей (особенно казарок), пролетающих ночью высоко в небе: на севере и западе Англии этот скулящий лай считается приметой приближающейся смерти. Анубис, бог бальзамирования, сопровождавший душу Осириса в загробный мир, сначала был шакалом, потом его стали изображать охотничьим псом, и лишь пушистый хвост напоминал о его шакальем прошлом.

Поэту может явиться и херувим. О нем упоминается в 1-й главе «Книги пророка Иезекииля»; несомненно, это календарный зверь. Он состоит из четырех частей, представляющих «четыре Новых года» еврейской традиции: лев – весна; орел – лето; человек – осень, главный Новый год; вол – зима, время пахоты в Иудее. Иезекииль отождествляет херувима с огненным колесом: очевидно, с колесом солнечного года, как очевидно

¹ В 264 г. до Р.Х. смертный приговор Фениксу вынес царь Птолемей Эвергет («Добродетельный»), но жрецы оставили без внимания его указ о реформе календаря, и потому слава «убийцы Феникса» принадлежит Августу.

и то, что бог, которому он служит, – это Солнце Праведности, эманация Ветхого Днями. Каждый херувим (их четверо) – колесо в колеснице божией, и оно катится прямо вперед, не отклоняясь в сторону. Объяснение Иезекииля – «... по виду их и по устройству их казалось, будто колесо находилось в колесе»¹, – из-за своей невразумительности стало притчей во языцех, но с точки зрения календаря смысл его прост. Каждое колесо колесницы божией – это годовой цикл из четырех сезонов, а колесница знаменует собой цикл из четырех лет. Каждый год вращается в четырехгодичном колесе от начала до конца времен, а Предвечный Возничий – бог Израиля. У Иезекииля херувимы-колеса сами движут колесницу; он не стал впрягать в нее ангелоподобного коня, памятуя о том, что запряженные лошадьми колесницы, пожертвованные по обету иерусалимскому Храму царем Манассией, были удалены оттуда благочестивым царем Иосией как идолы. На самом деле вместо орла Иезекииля должен быть овен или козел, а вместо человека – огненный змей с человеческим лицом, и все эти звери должны иметь орлиные крылья.

Эти сверкающие, рожденные из облака херувимы были цвета Аполлонова янтаря, как и человек, которому они служили, так что вполне могли оказаться жрецами гиперборейского Аполлона, бога Солнца, священным камнем которого был янтарь. Более того, каждая золотая спица в колесе заканчивалась как бы ногой тельца, а золотой телец был священным животным бога, который, по словам царя Иеровоама, вывел Израиль из Египта, и священным животным бога Диониса – меняющейся ипостаси неизменного Аполлона.

Явное отождествление Иеговы и Аполлона, по-видимому, обезпечило фарисеев, хотя само видение они отвергнуть не посмели. Есть свидетельство, что некоего книжника, который понял значение слова *hashmal* («янтарь»; еврейское *hashmal* значит сейчас «электричество» – производное от греческого названия янтаря) и опрометчиво заговорил об этом, поразила молния (*Haggada*, 13, В). По этой причине, согласно Мишне, книге «*Ma'aseh Merkabah*» («Дела Колесницы») можно обучать лишь того, кто не только умен, но и способен обретать знание через собственную премудрость (гнозис), при обучении никто более не должен присутствовать. А «всякому, кто говорит о том, что впереди, позади, наверху и внизу, лучше было бы вообще не рождаться». В целом, считалось нежелательным касаться «*Merkabah*», тем более что, по пророчеству, «когда совершится полнота времен, Иезекииль явится вновь и отворит Израилю палаты *Merkabah*» (*Cant. Rabbah*, I, 4).

Таким образом, этому таинству учили лишь немногие раввины и только избранных учеников: среди них равви Иоханан бен Задкай, равви Иошуа (член Синедриона при Гамалиеле), равви Акиба и равви Нехуня.

¹ Иез. 1:16.

По словам равви Зеры, даже название глав в «*Merkabah*» можно сообщить лишь тому, кто возглавляет школу и отличается сдержанным нравом. Равви Амми считал, что это учение можно доверить лишь обладателю пяти качеств, перечисленных в «Книге пророка Исаии» (3: 3): «... пятидесятника и вельможу, и советника и мудрого художника, и искусного в слове». Росла вера в то, что в момент раскрытия тайны «*Merkabah*» явится Яхве.

«Равви Иоханан бен Задкай ехал по дороге на осле, а его ученик Елеазар бен Арак шел за ним пешком. Равви Елеазар сказал: «Учитель, поведай мне о Делах Колесницы». Равви Иоханан ответил отказом. Равви Елеазар вновь обратился к нему: «Позволь мне повторить в твоём присутствии то, чему ты научил меня». Равви Иоханан не стал возражать, однако слез с осла, закутался в плащ и сел на камень под оливой. Он объяснил, что не подобает ему ехать верхом, когда ученик излагает такую страшную тайну и когда их сопровождают *Shekinah* («Блеск») и *Malache ha-Shareth* («Ангелы в услужении»). Не успел равви Елеазар заговорить, как с небес сошел огонь, и они оказались в огненном кольце. Ангелы слетелись послушать, подобно тому как собираются сыны человеческие, чтобы стать свидетелями свадебных торжеств, и раздалось пение из терпентина: «Славьте Господа от земли, демоны и твари морские, плодовые деревья и кедры, славьте Господа!» И отвечал на это ангел из огня: «Это Дела Колесницы!» Когда Елеазар закончил, равви Иоханан поднялся и поцеловал его в голову со словами: «Славен бог Авраама, Исаака и Иакова, ибо дал он отцу нашему Аврааму мудрого сына, знающего, как поведать о славе отца нашего небесного».

Подобное испытали равви Иосе ха-Кохен и равви Иошуа. А равви Бен Аззай, погрузившегося в размышления о Писании, внезапно окружили языки пламени. Его ученики поспешили за равви Акиба, который пришел и спросил Аззай: «Не таинства ли «*Merkabah*» ты изучаешь?»

Не одни евреи знали эту тайну. Согласно Макробию, оракул Колофона, одного из двенадцати ионийских городов Малой Азии, сказал, что природа надмирного бога Иао четверична. Зимой он Гадес, или Кронос; весной – Зевс; летом – Гелиос (Солнце); осенью – Иао, или Дионис. Вероятно, эти знания – часть наставлений, с которыми на горе Олимп обратились к Киприану Антиохийскому семь мистагогов. Иао был известен в религии орфиков как четырехглазый Фан (от слова *phaino* – «появляюсь»), первенец богов. В орфическом фрагменте бз у него золотые крылья и головы барана, быка, змеи и льва. Бычьи головы располагаются сбоку, чтобы указать на его главную природу. Вместо головного убора у него огромная змея, «похожая на любого дикого зверя».

Здесь можно смело отождествить херувима с вращающимся колесом, которое в кельтской легенде стережет рай, ибо, как указано в «Книге Бытия» (3: 24), херувимы были поставлены у восточных ворот Эдема¹. Оружием у них «обращающийся меч Яхве», которым (как гласит «Книга пророка Исаии», 27: 1), он убил Левиафана, подобно тому как Мардук убил Тиамат, – чтобы никто не смог войти. Согласно Иезекиилю (28: 13, 16), рай – это обильно орошаемый сад у подножия горы, который иногда посещают такие герои, как царь Тирский. Сад сверкает драгоценными камнями, в нем раздается барабанный бой и слышны звуки труб. Гвион расположил его в долине Хеврон. Серафимы, или «змеи огненные», которые в качестве хранителей ассоциируются с херувимами, – это, очевидно, еще один способ дать представление о священных спиральных, высеченных в предупреждение на воротах священной обители. Херувимы, по-видимому, представляют собой свастики, или огненные колеса.

У Иезекииля в царя Тирском нетрудно узнать канопского Геракла, который изначально был эгейским солнечным героем, но превратился в семитского Мелкарта, верховного бога Тира. Небольшой остров возле Тира был во втором тысячелетии до Р. Х. главным перевалочным пунктом народов моря для торговли с Сирией, а Фарос выполнял ту же функцию в торговле с Египтом. Иезекииль, которому было известно о первоначальной близости культов Яхве и Мелкарта, заявляет, что религиозная близость между Иерусалимом и Тиром, как во времена Соломона и Хирама, более невозможна. Тирский царь Хирам, подобно Соломону, которому он не уступал в мудрости (а то и превосходил), был жрецом Мелкарта, и Яхве устами Иезекииля заявляет: «Ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты»². Тем не менее, он обвиняет нынешнего царя Тирского в том, что тот совершил грех, объявив себя богом Мелкартом, одним из бессмертных, а карается такая самонадеянность смертью. Это косвенное предупреждение царю от самого Иезекииля – царю Иудеи Седекии, потомку Соломона – не уподобиться тирянину и не возомнить себя Яхве. (Седекия не прислушался к его словам: «этот нечестивый язычник-правитель», последний царь Иудеи, умер слепым и в цепях в Рибле, столице своих врагов-кушитов). Итак, Иезекииль оплакивает Мелкарта, которого херувим, как Адама, изгнал из рая, несмотря на его праведность и премудрость, и которого теперь сожгут и обратят в пепел. Такова судьба Мелкарта: в греческом предании он отправляется в яблоневый сад Запада (сад Гесперид), однако, повинувшись вестнику Копрею, возвращается назад от тамошних удовольствий и кончает тем, что становится пеплом на горе Эта.

¹ В русском переводе «поставил на востоке у сада Едемского херувима».

² Иез. 28:12.

Поэтическая связь херувима с сожжением Геракла-Мелкарта заключается в том, что погребальный костер был зажжен херувимом, то есть вращающимся огненным колесом-свастикой, укрепленным на палке. Добывание огня трением дубовой дощечки сохранилось в Шотландии до XVIII в., но делали это только на празднике Бельтан: добытому таким образом огню приписывали чудодейственную силу. При этом нередко использовали боярышник, дерево благочестия. Подробно описывая в «Золотой ветви» ритуал разжигания костра трением, сэр Джеймс Фрэзер указывает, что он завершался принесением в жертву человека, представлявшего бога-Дуба. В некоторых шотландских приходах жертву называли «Ваал», это прозвище Мелкарта.

Таким образом, мы видим, что Иезекииль – мастер на двусмысленные заявления. Судьба Геракла стала у него символом грядущей гибели Тира от руки вавилонского царя Навуходоносора, кары за гордыню, которая обуяла его правителей после того, как город благодаря торговле достиг благоденствия (множество товаров твоих, неправедность торговли твоей¹).

Не все составные («химерические») звери – календарные. Например, Сфинкс, у которого Женское лицо, львиное тело и орлиные крылья, – это Богиня Ура, или Урания. Она повелевает воздухом и землей и наделяет властью Своего сына, царя. Патриархальный двойник Сфинкса – ассирийский крылатый бык с мужским лицом. Вероятно, неверное иконотропное толкование этого крылатого быка стало причиной любопытных особенностей безумия царя Навуходоносора в «Книге пророка Даниила»:

- Отец, что это?
- Это, сын мой, древний идол. Он изображает царя Навуходоносора, который триста с лишним лет тому назад увел в плен наших предков, ибо они прогневали Господа Бога. Говорят, он на сорок девять месяцев лишился разума и бродил, как зверь, по прекрасному саду своего дворца.
- Он и вправду был таким?
- Нет, сын мой. Это символ, он означает, что царь воспринял природу зверей, составляющих его тело.
- Что же он – щипал траву, как бык, размахивал руками, как крыльями, рыл землю ногтями, стоял всю ночь на улице под дождем и никогда не стриг волосы?
- Бог и не так еще может выказать свое недовольство, сын мой.

В Египте Сфинкс, подобно ассирийскому крылатому быку, стал существом мужского пола: культ фараонов был патриархальным, хотя и с наследованием по Материнской линии. У пеласгов Сфинкс сохранил

¹ Неточная цитата из Книги пророка Иезекииля, 28:28. В Библии: «Множеством беззаконий твоих в неправедной торговле твоей ты осквернил святилища свои» (примеч. перев.).

Женскую сущность. «Сфинкс» значит «Душительница», и на этрусской керамике часто изображают, как Она хватает мужчин или попирает их распростертые тела, поскольку Она являлась в конце правления царя, чтобы убить его. После того, как Зевс или Аполлон сменили Ее в качестве царей Года, из-за этих изображений Ее стали связывать в Греции с болезнью и смертью и называть Дочерью Тифона, дыханием которого был болезнетворный сирокко. О притязаниях Аполлона на роль царя Года свидетельствовали сфинксы на его троне в Амиклах, а о притязаниях Зевса – сфинксы на троне в Олимпии; их считали трофеем, добытым после победы над Тифоном. Афина продолжала носить сфинксов на Своем шлеме, ибо когда-то и Сама была Сфинксом.

В магический круг может опуститься и стая крылатых Сирен. Я испытываю теперь непреодолимое желание ответить на вопрос сэра Томаса Брауна: «Какую песню пели Сирены?» Сирен («вовлекающих») было три (сначала, возможно, девять; Павсаний упоминает, как однажды Они безуспешно соперничали с девятью Музами), и жили Они на одном из островов Ионийского моря. Согласно Платону, Сирены – Дочери Форка (то есть Форкиды, свиньи-Деметры), другие считают Их Дочерьми Каллиопы или какой-то другой Музы. Овидий и Гигин связывают Сирен с сицилийским мифом о Деметре и Персефоне. Их называют по-разному: «Преследующая», «Ясноликая» и «Околдовывающая»; или «Девственноликая», «Пронзительноголосая» и «Убеленная». Крылья у Них, по всей видимости, совиные: Гесихий упоминает разновидность сов, называвшихся «сиренами», а Гомер – о том, что совы вместе с вещими морскими воронами жили у Калипсо на опоясанном зарослями ольхи острове Огигия. В классические времена близ Суррентума все еще стоял посвященный Им храм.

Итак, перед нами девять оргиастических Жриц Луны в островном оракульном святилище. Их песню из девяти строф можно восстановить, не заглядывая в «Улисса и Сирен» Сэмуэля Даниэля, по образцу похожих древнеирландских песен, таких как «Обращение морского бога к Брану» из «Путешествия Брана, сына Феваля», и «Воззвание Мидера к Бефинду» из «Сватовства к Этайн». Оба стихотворения – слегка христианизированные вариации на древнюю тему путешествия героя ольхи и ворона Брана (Кроноса) на Остров блаженных. В первом речь, по-видимому, идет от имени Царицы острова, а не морского бога. Во втором Бефинд и Мидер явно поменялись ролями, поскольку первоначальное приглашение исходило от Принцессы к герою, а не наоборот. Гомеров рассказ о данаанце Одиссее и Сиренах предполагает, что Одиссей («гневный», согласно Гомеру) – это прозвище Кроноса, относящееся к его лицу, неестественно раскрашенному темно-красной краской из священной ольхи. Эпизод, в котором Одиссей затыкает уши воском, чтобы не поддаться зову Сирен, вероятно, происходит из имевшего место в конце

XIII в. до Р. Х. отказа священного царя Итаки, представителя Кроноса, принять смерть в конце своего правления. Этим же объясняется и то, почему Одиссей убил всех претендентов на руку Пенелопы, вымазав себя грязью и переодевшись в лохмотья во время обычного временного отречения.

Обращение Сирен к Кроносу:

*На серебряном острове Мы поем,
Сюда правь корабль, Кронос-Одиссей,
Здесь твои дни пройдут.
Из-за зарослей густо растущей ольхи
Видим ясно, а Нас не видит никто,
Нас сокрыл золотистый туман.
Волос Наш отливает снопом ячменя,
Глаза у Нас – словно яйца дрозда,
А щеки – как асфодели.
Не опал еще здесь диких яблонь цвет,
Корольки спуют в серебре ветвей,
Предрекая благую судьбу.
Ни вреда, ни обид ты не встретишь здесь,
Так веди свой корабль, Кронос-Одиссей,
В пролив среди мирных вод.
Ты с каждой из Нас сладость ласк вкусишь,
Возляжешь в черед в молодой траве,
Когда ты сюда придешь.
Печалям, недугам и самой смерти
Вовеки наш не смутить покой;
Нет ни алчности, ни измен.
В сравнении с этим как назвать
Долины Элады, где ты царем?
Пустыня, воистину так.
Сужден тебе и венец из звезд,
И пир тебя, как героя, ждет:
Свинина, молоко и мед.*

Сирены – это птицы Хрианнон из мифа о Бране, что пели в Харлехе. Но если в волшебный круг ступит старая Ночная Ведьма... Далее следует стихотворение, которое я передаю прозой:

Если придет Ночная Ведьма, поэт узнает Ее по следующим признакам. Она появится в виде невысокой ретивой кобылки ростом не более тринадцати ладоней. Ее масть хорошо знают по эльгинским шарикам: буланой масти, хорошо сложенная, с продолговатой мордой, голубоватыми глазами, длинной гривой и хвостом. Ее девять ипостасей – девять лошадок, во всем похожих на Нее, кроме того, что копыта у них

обычные, а не разделяются на пять пальцев, как у коня Юлия Цезаря. На шее сверкающий нагрудник из тех, что археологи называют *Lunula* («Маленькая Луна»), – тонкая дискообразная золотая пластинка в виде полумесяца. Рога его вытянуты и загибаются на концах; к ним привязаны сплетенные между собой алые и белые тесемки из полотна, которыми пластинка крепится к лошадиной шее. Гвион в отрывке из «Сказания о лошадях»¹, по ошибке включенном в «*Cad Goddeu*» (строки 206–209), произносит слова, как бы исходящие из уст Белой Богини:

*«Хорош сей золотистый конь
Но Мне стократ милей
Буланая Моя – летит,
Как чайка над водой».*

Бежит Она, прижав уши назад, невероятно быстро, так что ни одному чистопородному жеребцу за Ней не угнаться. Доказательство тому – жалкое состояние, в каком находили наутро в конюшнях лошадей, увиденных Колдуньями для полуночных забав: взмыленных, задыхающихся, с окровавленными боками и пеной на губах, едва стоящих на ногах.

Пусть поэт называет Ее «Хрианнон», «Великая Царица», избегая неучтивости Одина и св. Свитольда, и приветствует с таким же благоговением, какое, скажем, Кемп Оуин выказывал Лейдли Уорм в балладе. Тогда Ночная Ведьма будет вести Себя с милой обходительностью и возьмет его с Собой показать Свои гнезда.

Вопрос, который мне хотелось бы задать Ей лично: приносила ли Она когда-нибудь Себя в жертву Самой Себе? Думаю, в ответ Она лишь с улыбкой покачала бы головой: ритуальные убийства Женщин в европейской мифологии очень редки, и большинство из них связано с осквернением святилищ Белой Богини ахейскими завоевателями. Зато случались кровавые избиения и насильование Жриц, как видно из сражений тиринфского Геракла с Амазонками, Герой (он ранил Ее в грудь) и девятиглавой Гидрой, чудовищем, которое на греческих вазах изображали в виде гигантского осьминога с головой на каждом щупальце. Отрубленные головы Гидры тут же вырастали вновь, пока Геракл не стал прижигать обрубки огнем. Другими словами, нападения на святилища, в каждом из которых находилось по девять вооруженных оргиастических Жриц, не имели успеха до тех пор, пока ахейцы не сожгли священные рощи. *Hydrias* означает

¹ Эта песня входит в повествование о скачках в конце «Истории Талиезина», где Талиезин помог наезднику Элфина обойти на равнине Хрианнон двадцать четырех скакунов короля Мэлгвина. Он вручил ему двадцать четыре опаленные веточки остролиста, и наездник ударял ими по очереди каждую лошадь, которую нагонял, пока не обошел всех. Лошади символизируют последние двадцать четыре часа Старого года, которым правил царь Остролист, и эти часы Чудесное Дитя (с помощью магии) один за другим оставляет позади. Напомню, что основное действие «Истории Талиезина» происходит в день зимнего солнцестояния.

Жрицу воды с *hydrias*, ритуальным кувшином, а осьминог появляется в произведениях искусства, посвященных Богине, не только на минойском Крите, но и в британских скульптурах Бронзового века.

Сказания о Царевнах, принесенных в жертву по религиозным соображениям (Ифигения; Дочь Иеффая), относятся к эпохе патриархата; а судьба, уготованная Андромеде, Гесионе и прочим Царевнам, Которых в самый последний момент спасали герои, связана с иконотропной ошибкой. Царская Дочь – вовсе не жертва, предназначенная морскому змею или дикому зверю: Ее, обнаженную, приковал цепями к скале Бел, Мардук, Персей или Геракл, после того как победил чудовище – Ее порождение. И все же запрет на убиение Жрицы в некоторых случаях теоретически мог быть отменен. Так, по истечении очередного *saeculum'a* в 100 или 110 лет, Жрица Карменты, по словам Дионисия Периергета, расставалась с жизнью, и вносились изменения в календарь.

Вероятно, о такого рода смерти рассказано в немецких народных сказках о Спящей Красавице и Белоснежке. В первой сказке на день рождения Принцессы приглашены двенадцать Колдуний. Одиннадцать осыпают Ее благословениями, а тринадцатая по имени Хельд, Которую не пригласили во дворец, где было всего двенадцать золотых тарелок, предрекает Ей, что в пятнадцать лет Она уколется веретеном и умрет. Двенадцатая Колдунья заменяет смерть столетним сном. От сна Ее пробудит поцелуй героя: он проберется сквозь страшные колючие заросли, в которых многие погибли, перед ним тернии превратятся в розы. Хельд – северный двойник Геры, от имени Которой возникло слово «герой» (точно так же *Held* по-немецки «герой»). Тринадцатый месяц – месяц смерти, над которым властвуют три Парки, или Пряхи, из чего следует, что веретено должно быть из тиса. Пятнадцать (трижды пять) – число полноты, завершенности.

В сказке о Белоснежке ревнивая Мачеха, старшая ипостась Белой Богини, хочет убить юную Принцессу. Охотник отводит Белоснежку в лес, чтобы там погубить, но вместо Ее легки и печени приносит во дворец внутренности молодого вепря. Точно так же, согласно одному из свидетельств, вместо Ифигении в Авлиде была убита лань. Затем Мачеха, зачернив Себе лицо (чтобы показать, что Она – Богиня Смерти), использует удушающий пояс, отравленный гребень и, наконец, отравленное яблоко. Белоснежку кладут в стеклянный гроб на вершине заросшего лесом холма, но Ее спасает принц. Сопровождающие Белоснежку семь гномов (они добывают драгоценные металлы и препятствуют первым покушениям на Ее жизнь), возможно, символизируют семь священных деревьев или семь небесных тел. Стеклянный гроб – знакомый нам стеклянный замок, где героев встречает Богиня Жизни-в-Смерти. Ей принадлежат упомянутые в сказке гребень, пояс и яблоко; оплакивающие Белоснежку сова, ворон и голубка – Ее священные птицы. Эти смерти не настоящие, ибо Богиня бессмертна; их разыгрывают, видимо, в последние

VII. ЕДИНСТВЕННАЯ ТЕМА ПОЭЗИИ

Поэзия (как совокупность образцов, на основе которых каждый новый поэт определяет свое понимание поэзии) на протяжении веков безмерно расширилась. Этих образцов так же много, и они так же разнообразны и противоречивы, как образцы любви. Волшебного слова «любовь» достаточно, чтобы истинно любящий забыл о его низменных, вводящих в заблуждение значениях; таково же для истинного поэта слово «поэзия».

Поначалу поэт был предводителем тотемического сообщества исполнителей религиозных танцев. Под его стихи (*verses*) (*versus* – латинский эквивалент греческого *strophe* – означает «вращение») танцевали вокруг жертвенника или в священном месте, и каждый стих обозначал новый поворот или движение в танце. Слово «баллада» имеет то же происхождение: это стихотворение для танца (от латинского «*ballare*» – танцевать). Все тотемические сообщества в древней Европе находились под властью Великой Богини, Повелительницы неистовства. Танцы подразделялись по временам года и составляли годовой цикл, из которого постепенно выделяется единственная великая поэтическая Тема: жизнь, смерть и возрождение духа Года, сына и возлюбленного Богини.

Здесь естественно спросить: «Является ли в таком случае христианство подходящей религией для поэта? И если нет, то есть ли ему альтернатива?»

Формально Европа уже тысячу шестьсот лет считается христианской, и хотя три главные ветви католической церкви разобщены, каждая из них претендует на то, что получила право на богослужение от Иисуса Христа как бога. Прежде всего, это абсолютно несправедливо по отношению к самому Христу, который недвусмысленно отрицал свою божественность: «Что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один бог» и «Боже мой, боже мой! Для чего ты меня оставил»¹. Кроме того, христиане отменили повиновение Закону Моисееву, усовершенствованному Гиллелем и другими фарисеями, которое Иисус считал существенным условием спасения, но при этом сохранили этический кодекс фарисеев и ввели в христианство все старые языческие праздники, напоминающие о поэтической Теме, и поклонение Христу как «воплощенному

¹ Мф. 19:17; 27:46.

слову божьему» в дохристианском гностическом смысле, и как Солнцу праведности – распятому богочеловеку доисторического язычества.

И хотя Христос отверг Тему своей непреклонной верностью единственному тогдашнему богу, отринувшему всякую связь с Богинями, и своим объявлением войны Женщине и всем делам Ее, исторически христианский культ можно по большей части оправдать. Христос был царского рода, его тайно венчали царем Израильским по сохранившейся во II псалме древней формуле. Он получил титул сына бога Солнца и объявил себя обетованным Мессией. На Тайной Вечери во исполнение парадоксального пророчества Захарии он предложил себя своему народу в качестве евхаристической жертвы и приказал Иуде поспешить с приготовлениями к своей (Иисуса) смерти. После чего он был распят, как бог урожая Таммуз, а не убит мечом, как было назначено Мессии. А поскольку проклятие Яхве, обращенное на каждого распятого, закрыло ему путь в иудейский загробный мир, то почему бы не поклониться ему как языческому богу? В самом деле, многие поэты и святые, не знавшие о безкомпромиссном иудаизме Христа, почитали его как еще одного Таммуза, Диониса, Загрея, Орфея, Геракла или Осириса.

Achaifa, Ossa, Ourania, Hesuchia и *Iachema* (пять кардинальных состояний в году, через которые проходил дух Года в культе канопского Геракла) можно выразить следующей формулой:

*«Он будет найден.
Он будет творить дивные дела.
Он будет царствовать.
Он упокоится.
Он удалится».*

Речение, которое Климент Александрийский приводит из «Евангелия от евреев», похоже на приспособление данной формулы к нуждам этого христианского мистика:

*«Да взыскует взыскующий, пока не обретет.
Как обретет, подивится.
Как подивится, воцарится.
Как отцарствует, обретет покой».*

Мистик, будучи отождествлен с солнечным Христом причастием, разделяет его победу над смертью и потому пятое кардинальное состояние ему ни к чему. Христос приравнен к *Hesuchia* («покой»), четвертому состоянию, когда все деревья сбрасывают листья и покоятся до начала весеннего пробуждения. Вполне возможно, что мистагоги дохристианских времен сообщали посвящаемым в культ Геракла следующую формулу:

*«Взыскайте Господа, возлюбленного Великой Богини.
Как вынесет его на берег, обретете его».*

*Как совершит великие дела, подвигитесь.
Как станет царствовать, разделите славу его.
Как отдохнет, обретете покой.
Как удалится, уйдете вместе с ним
На Западный остров, рай блаженных».*

В этом утраченном Евангелии от евреев есть строки, которые сохранил Ориген:

«И ныне моя Мать, Дух Святой, ухватив меня за власы, влекла на великую гору Фавор».

Фавор, как известно, – древний центр поклонения Золотому тельцу, а Золотой телец – это Атабирий, дух Года, сын Богини Ио, Хатор, Исиды, Алфеи, Деборы и так далее. Таким образом, в начале II в. связь между греко-сирийским христианством и единственной поэтической Темой была очень тесной. Впоследствии «Евангелие от евреев» было запрещено как еретическое, вероятно, потому, что представляло возможность для возвращения к оргиастической религии.

Ныне христианство – единственная значительная религия в Европе. Иудаизм предназначен только евреям, а неудачная попытка Людендорфа возродить древнюю германскую религию затрагивала лишь внутреннюю политику Германии. Греко-римское язычество прекратило существование к концу первого тысячелетия, языческие верования северо-западной Европы, сохранившиеся до начала XVII в. и даже пустившие корни в Новой Англии, уничтожила пуританская революция. Победа христианства стала очевидной после того, как император Константин сделал его государственной религией Римской империи. Он пошел на это нехотя, под давлением армии, набранной из рабов, которым нравилось, что церковь призывала в свои ряды грешников и отверженных, а также государственных чиновников, которых приводила в восторг энергичная деятельность и дисциплина церковной организации. Аскетическое учение – главная составляющая древнего христианства – постепенно теряло свою силу, и древнюю Деву-Богиню Рею (Мать Зевса, Которую приравнивали к Матери Христа) в XI в. стали почитать под прежними титулами и считать Царицей Небесной. Впрочем, возвращение к Ее почитанию завершилось лишь к XX в., хотя уже V в. его предвосхитил император Зенон, перепосвятивший Деве Марии храм Реи в Византии.

Пуританская революция стала реакцией на поклонение Деве, во многих районах Великобритании принявшее оргиастический характер. Признавая мистическое учение о Непорочном Зачатии, пуритане видели в Деве Марии всего лишь человека, считали, что Ее религиозное значение ограничивалось рождением Христа, и предавали анафеме любой церковный обряд или учение, заимствованные не у иудаизма, а у язычества.

Трудно передать, до какой степени поразили католиков привнесенные пуританами разнузданное иконоборчество, безрадостное ощущение отягощенности грехом и жалкая ограниченность соблюдения седьмого дня. Для католиков это послужило предупреждением: необходимо укреплять, а не ослаблять праздничную сторону церковного культа, сохранять привязанность к Пресвятой Деве как главному источнику религиозного счастья и как можно меньше внимания уделять ортодоксальному иудаизму Христа. Хотя последние папы осудили позицию «разделенного дома» в вопросах Веры и Истины, попытку уверовать в то, что заведомо не подтверждается исторически, на практике, образованные католики отводят свой взгляд от исторических Иисуса и Марии и благочестиво останавливают его на Христе и Пресвятой Деве. Они убеждены, что Христос имел в виду себя, а не пророчествовал от имени Яхве, когда говорил: «Я есмь пастырь добрый» или «Я есмь истина»¹ и предрекал всякому, кто уверует в него, жизнь вечную. Тем не менее, католики давно навели в своем доме порядок: несмотря на то, что многие средневековые священнослужители не просто потворствовали народному язычеству, но и активно его поддерживали, и Царице Небесной, и Ее сыну поклоняются ныне без оргиастических ритуалов, некогда проводившихся в их честь. И хотя официально по-прежнему считается, что сын, подобно Гераклу, Орфею и Тезею, опустошил ад, а мистическую свадьбу Агнца и Белой Принцессы, под Которой подразумевают церковь, признают в верованиях всех христианских конфессий, из христианского мифа исключен эпизод с Самсоном и Далилой, а в старом козлоногом дьяволе, извечном враге сына, более не усматривают его близнеца. Древняя религия была дуалистической: на барельефе из слоновой кости XIV в., найденном в Рас Шамра, Богиня изображена в минойском одеянии, со снопом из трех колосьев ячменя в каждой руке, Она оказывает знаки внимания барану с человеческим лицом слева от Себя (бог Возрастающего года) и козлу справа (бог Убывающего года). Козел блеет, недовольный тем, что голова Богини повернута от него, и настаивает на том, что пришел его черед. Христианство постоянно отдает предпочтение овцам перед козлами, в результате чего поэтическая Тема искажается: церковная организация становится антипоэтической. Жестокою, капризною, невоздержанною Белую Богиню и мягкою, постоянною, благочестивую Деву удастся совместить разве что в контексте Рождества.

Трещина, разделяющая современное христианство и поэзию, в сущности, та же, что разделила иудаизм и культ Астарты в результате проведенной после Вавилонского пленения религиозной реформы. Неоднократные попытки навести между ними мосты, которые предпринимались климентинцами, коллиридийцами, манихеями и другими раннехристи-

¹ Ин. 10:14; 14:6.

анскими еретиками, равно как и поклонявшимися Деве паломниками и трубадурами времен крестовых походов, отражались на ритуале и учении церкви, но непременно вызывали сильнейшую реакцию пуритан. Сочетать некогда совпадавшие функции священника и поэта без ущерба для того и другого стало невозможным, и это проявляется в творчестве англичан, продолжавших писать стихи после принятия сана (Джон Скелтон, Джон Донн, Уильям Крэшоу, Джордж Герберт, Роберт Геррик, Джонатан Свифт, Джордж Крэбб, Чарльз Кингсли, Джерард Мэнли Гопкинс). Поэт оставался подлинным поэтом лишь в том случае, когда указывал священнику на дверь. Так случилось со Скелтоном, который, желая продемонстрировать свое неприятие церковной дисциплины, шелком и золотом вышил на сутане имя своей Музы Каллиопы; Геррик в подтверждение своей преданности поэтическому мифу поил девонширским ячменным элем из серебряной чаши избалованную белую свинью. Что касается Донна, Крэшоу и Гопкинса, то война между поэтом и священником велась на глубочайшем мистическом уровне, но разве можно сравнить «Божественные стихи» Донна, написанные после смерти его единственной Музы Анны Мор, с его любовными «Песнями и сонетами»? Разве можно одобрить самоистязателя Гопкинса за то, что он смиренно вынес на исповедь священнику свои поэтические озарения?

Я уже говорил, что о поэтах можно судить по тому, насколько точно они изображают Белую Богиню. Шекспир знал о Ней и побаивался Ее. Никого не должна ввести в заблуждение глуповатая фривольность тех эпизодов в его раннем произведении «Венера и Адонис», где говорится о любви, или невероятная мифологическая путаница в «Сне в летнюю ночь», где Тезей оказывается остроумным щеголем елизаветинских времен, три Парки (*Fates*, от Них происходит слово *Fay* – «Фея») – эксцентричными эльфами Душистый Горошек, Паутинка и Горчичное Зерно; Геракл – озорным Робином Весельчаком; Лев Твердая Рука – столяром Милягой; и (что самое ужасное!) Дикий Осел Сет-Дионис и Небесная Царица в диадеме из звезд – ослоухим Основой и Титанией в блестящей мишуре. Намного достовернее Белая Богиня изображена в «Макбете», где Она – Тройственная Геката, верховодящая у котла Ведьм, ибо именно дух Гекаты вселился в Леди Макбет и подвиг Ее на убийство короля Дункана; или в образе величественной и распутной Клеопатры, от любви Которой погибает Антоний. Последний раз Белая Богиня появляется у Шекспира как «проклятая Колдунья Сикоракса» в «Буре»¹. Устами

¹ Кажется, что в основе «Бури» – очень живое и очень личное видение, выраженное посредством путаных и безсвязных литературных реминисценций: здесь не только «Сказание о Талиезине», но и 29-я глава «Книги пророка Исаии»; «Зерцало благородных дел и рыцарского достоинства» испанца Ортунеса де Калаорры; три рассказа о недавних поездках в Новый Свет; несколько гугенотских и антииспанских памфлетов; магическая книга «*Steganographia*», написанная на латыни монахом из Спанхейма; пьеса немецкого

Просперо Шекспир уверяет, что с помощью волшебных книг обрел над Ней власть, развеял чары и сделал своим рабом Ее чудовищного сына Калибана, предварительно прикинувшись добреньким и выведав у него все Ее секреты. И все же поэту не удастся скрыть ни право Калибана на наследственное владение островом, ни изначальную глубину глаз Сикораксы (хотя на жаргоне елизаветинских времен «голубоглазый» означало также «с синевой под глазами от разгула»). Сикоракса приплывает на остров в лодке вместе с Калибаном, подобно тому как Даная попала на Сериф с Аргоса с младенцем Персеем, а Латона – на Делос с еще не родившимся Аполлоном. Сикоракса могла повелевать Луной, когда та видна: «... приливы и отливы Ей подвластны». Шекспир сообщает, что за колдовство Ее изгнали из Аргиры (Аргоса?). В поэтическом смысле он воздаст должное Калибану, вкладывая в его уста самые поэтичные во всей красе строки:

*«Не бойся, этот остров полон звуков
И голосов отрадных и безвредных.
Порой как будто сотни инструментов
Звенят в моих ушах, порой, проснусь я,
А пенье вновь баюкает меня,
И в сладком сне, раскрывшись, облака
Меня осыпать золотом готовы.
Так это радостно, что, пробудившись,
Я снова сон зову»¹.*

Заметим, что алогичное сочетание времен создает впечатление, будто время остановилось.

Донн слепо почитал Белую Богиню в Женщине, Которую сделал своей Музой; ему никак не удавалось воспроизвести Ее внешний облик, и единственное, что он запомнил, – свои собственные одержимые любовью глаза, отражающиеся в Ее глазах. В стихотворении «Жар» он называет Ее «Душой мира»; если Она покинет его, мир превратится в труп. И еще:

«Твоя краса, и все, что Ты, – Суть свод небес недвижимый».

А вот что писал о Белой Богине Джон Клэр:

«Сны о прекрасном Женском Божестве доставили моему воображению самое возвышенное представление о красоте, и вчера ночью, когда Богиня вновь явилась мне во сне, Она оставила такую живую картину, будто я грежу наяву, что я

автора Айрера «*Von der shonen Sidee*». Калибан – это отчасти Афагдду из «Сказания о Талиезине»; отчасти Равайак, подосланный иезуитами убийца Генриха IV; отчасти адриатический дьявол из сочинения Калаорры; отчасти морское чудовище «в облике человеческом», которое видели у Бермудских островов во время пребывания там адмирала Соммерса; отчасти и *malus angelus* самого Шекспира.

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

не мог более сомневаться в Ее существовании. Я записал свои видения, дабы не расстаться со счастливой верой в Нее, моего доброго гения».

Китс видел Белую Богиню как *Belle Dame Sans Merci*¹. У Нее длинные волосы, легкая походка и неистовый взгляд. Показательно, однако, что Китс переносит лилию с Ее чела на чело Ее жертв, и рыцарь у него сажает Красавицу на своего коня, вместо того чтобы сесть на Ее коня, подобно Ойсину, который взобрался на коня Ниам Златовласки. Поэтому и о Ламии, Богине-Змее, Китс пишет с сожалением, словно это несчастная Гретхен или Гризельда.

Случай с *Belle Dame Sans Merci* требует более подробного рассмотрения в свете поэтической Темы. Ниже это стихотворение приводится в том виде, в каком оно появилось в печати, с юмористическими замечаниями в конце, взятыми из письма Джорджу, брату Китса, в Америку. Слова в скобках были поэтом вычеркнуты:

«В среду вечером²

LA BELLE DAME SANS MERCI

*Зачем, о рыцарь, бродишь ты
Печален, бледен, одинок?
Поник тростник, не слышно птиц,
И поздний лист поблек.
Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
Какая боль в душе твоей?
Полны у белок закрома,
Весь хлеб свезен с полей.
Смотри: как лилия (Смерти) в росе,
Твой влажен лоб, ты занемог.
В твоих глазах застывший страх,
Увяли розы щек.
– Я встретил Деву на лугу (в пустошах),
Она мне шла навстречу с гор.
Летящий шаг, цветы в кудрях,
Блестящий дикий взор.
Я сплел из трав душистых Ей
Венок, и пояс, и браслет,
И вдруг увидел нежный взгляд,
Услышал вздох в ответ.
Я взял Ее в седло свое,
Весь долгий день был только с Ней.
Она глядела молча вдаль*

¹ Безжалостная Красавица (франц.).

² Вероятно, 28 апреля 1819 г.

*Иль пела песню Фей.
Нашла мне сладкий корешок,
Дала мне манну (медовую), дикий мед.
И странно прошептала вдруг:
«Любовь не ждет!»
Ввела меня в волшебный грот
И стала плакать (вздыхала) и стенать.
И было дикие глаза
Так странно целовать¹.
И убаюкала меня,
И на холодной крутизне
Я все забыл в глубоком сне,
В последнем сне.
Мне снились рыцари любви,
Их боль, их бледность, вопль и хрип:
«La Belle Dame Sans Merci
Ты видел, ты погиб!»
Из жадных, из разверстых губ
(Все трясутся)
Живая боль кричала мне,
И я проснулся – я лежал
На льдистой крутизне.
И с той поры мне места нет,
Брожу печален, одинок,
Хотя не слышно больше птиц
И поздний лист поблек².*

Ты спросишь: почему «четырежды поцеловав»? Да потому, что я хотел обуздать безудержную пылкость моей Музы – Она готова была сказать «двенадцать раз», не испортив при этом рифмы, – но, как выражаются критики, мы должны смирять воображение суждением. Мне пришлось выбрать такое число, чтобы обоим глазам досталось поровну; честно говоря, «два» на каждый вполне достаточно. Скажи я «семь», на каждый пришлось бы по три с половиной – обстоятельство более чем затруднительное, и мне пришлось бы туго...»

Сэр Сидни Колвин подробно обсуждает это стихотворение в книге «Жизнь Китса». Китс прочитал приписываемый Чосеру перевод стихотворения Алена Шартье «*La Belle Dame Sans Mercy*», в котором «кавалер, не добившись благосклонности со стороны Дамы, умирает от горя». В переводе есть такие строки:

¹ В оригинале: «Прикрыл Ей взгляд безумных глаз, Четырежды поцеловав» (примеч. перев.).

² Перевод В. Левика.

*«В желанной, полной зелени долине
Полно цветов... Я ехал не спеша,
В отчаянье о радости мечтая,
В ужасных муках и страданье оттого
Что всех влюбленных я несчастней».*

Обнаружены и другие литературные источники баллады. В «Королеве Фей» Спенсера (II, 6) Волшебницу Федрию, Которая плывет по реке в лодке, замечает гуляющий по берегу рыцарь Кимохил. Он принимает Ее приглашение сесть в лодку, и оба приятно проводят время. К удивлению и удовольствию рыцаря, Она поет, шутит, плетет Себе венок и обвиняет шею цветами. Они приплывают на остров на озере Отдохновения, Она приводит «несчастливого раба» в тенистую долину и убаюкивает, положив его голову Себе на колени, после чего покидает его. Точно так же в «Смерти Артура» Мэлори (IV, 1) на поэта-провидца Мерлина «налетела и ослепила Своей любовью» Волшебница Нинева, Которая заманила его в пещеру и заточила там.

Еще один источник стихотворения установила Эми Лоуэлл: это рыцарский роман «Пальмирин Английский», прочитанный Китсом с большим интересом. Пальмирин безумно влюблен в некую Полинаруду, Которую, как ему кажется, он оскорбил, и изливает свою печаль, стоя на берегу под деревьями... «И такая сильная обуяла его страсть, что могучее сердце не выдержало; и такие фантастические помыслы овладели им, что он, словно мертвый, рухнул под ивы». В другом эпизоде Пальмирин «заметил Даму, Которая скакала к нему на белой лошади: волосы Ее рассыпались по плечам, и одежда была в великом беспорядке; она то и дело вскрикивала и горестно причитала, и Ее крики разносились в воздухе». Даму послала Волшебница Евтропа, чтобы заманить рыцаря к Себе. В конце романа есть описание королей и принцев, забальзамированных в храме-усыпальнице на острове Опасностей, что, видимо, объясняет «смертельно бледных короля и принца» у Китса.

Belle Dame Sans Merci перекликается с поющей Девой и поэтической медовой росой («манна, дикий мед» у Китса) из «Кубла Хана» Колриджа; со строкой из Водсворта – «Ее неистов взгляд»; и строкой из «Пасторалей» Уильяма Брауна – «Пусть птицы не поют...»; но самый важный источник – Баллада о «Томасе Рифмоплете», один из вариантов которой был опубликован сэром Вальтером Скоттом в «Песнях шотландской границы», а другой – Робертом Джеймисоном в «Народных балладах». Царица Волшебной страны увезла Томаса из Эрсельдуна на молочно-белом коне в некий сад, где накормила хлебом и напоила вином, потом убаюкала у Себя на коленях и одарила поэтическим озарением, но предупредила, что если он пойдет дорогой что «лежит в стороне от покрытого инеем склона» (или «льдиистой крутизны»), то может стать приношением дьяволу на шабаше.

Китсу исполнилось двадцать четыре года, и дела его были расстроены. Он оставил медицину ради литературы, но все больше сомневался, сумеет ли прожить на литературные заработки; вскоре им овладела «безцельная праздность». Поэт воспылил страстью ревнивого собственника к «прелестной и элегантно, изящной, недалекой, модной и невероятной... кокетке» Фанни Броун. Фанни льстили его ухаживания, Она охотно их принимала, но Ее фривольное поведение причиняло ему немало страданий, тем более что положение Китса не позволяло ему ни сделать предложение, ни потребовать от Нее верности. «Четырежды поцеловав» в стихотворении (обычная для баллады форма «поцеловал три раза»), скорее всего, носит автобиографический характер и вряд ли придумано ради рифмы. Но, видимо, Фанни, возмущенная его замашками собственника, обращалась с поэтом без всякой жалости и, как Китс жалуется в письме, играла его «сердцем, словно мячом, флиртуя с Брауном», его другом. Таким образом, в одной ипостаси *Belle Dame* – это Проказница Фанни Броун, Которую Китс усадил перед собой на своего Пегаса; известно, что Она восхищалась его стихами и даже переписывала их в Свой рукописный альбом.

В письме брату Джорджу, который сам испытывал вдали от дома серьезные трудности, Китс скрыл и силу своей страсти к Фанни, и, вдобавок к остальным несчастьям, плачевное состояние здоровья. За полгода до того, после изнурительного путешествия по Шотландии у него открылась ранняя стадия чахотки. Вернувшись из Шотландии, он обнаружил, что его старший брат Том умирает от этой же болезни. Бывший студент-медик, Китс знал, что лекарства от чахотки нет. Он видел лилию на челе Тома, чахоточные розы на щеках, разверстые в жутком предупреждении губы и прикрыл его безумные глаза не поцелуями, а монетами.

В том же письме брату Джорджу Китс упоминает о недавней встрече с Колриджем, который прогуливался возле Хайгейтских прудов с Грином, некогда преподававшим Китсу медицину. Сохранился рассказ Колриджа об этой встрече. Китс попросил у него разрешения пожать руку на память о встрече, а когда он ушел, Колридж сказал Грину: «В этой руке – смерть». Он упомянул о том, что она была «горячей и влажной», а «роса лихорадки» (*fever dew*) – слова самого Китса. Итак, вторая ипостась *Belle Dame Sans Merci* – Чахотка: ее жертвы предупреждают, что отныне и он – из их числа. До получения «извещения о смерти» в виде сильнейшего легочного кровотечения Китсу оставался еще год, но он, вероятно, уже понял, что, даже при наличии средств на содержание Фанни, просить Ее руки было бы безчестно. К тому же, к чахотке добавилась венерическая болезнь, которую он подхватил два года тому назад в Оксфорде, куда ездил навестить своего приятеля Бэйли, изучавшего богословие. Вот почему лицо *Belle Dame* прекрасно Своей бледностью и тонкостью, как лицо Фанни, но при этом зловеще и насмешливо: это лицо жизни,

которую он любил (в письмах к Фанни он называет Ее жизнью и любовью), и лицо смерти, которой он боялся.

У этого персонажа из ночного кошмара есть и третья ипостась: дух Поэзии. Главным утешением Китса в несчастьях, его непреодолимой страстью и оружием, посредством которого он надеялся добиться любви Фанни, были честолюбивые поэтические замыслы. Выяснилось, однако, что Поэзия – Госпожа недобрая. В смятенном состоянии ума и сердца Китс не мог взяться за сочинение эпической поэмы, посредством которой, по примеру Мильтона, надеялся добыть себе славу. Незадолго до этого, написав две с половиной книги, он прекратил работу над «Гиперионом» и в письме своему другу Вудхаузу признался, что разочарован своим трудом и не в силах его продолжать.

Belle Dame – это одновременно Любовь, Смерть от Чахотки и Поэзия, и это подтверждается изучением тех сказаний, которые Китс использовал, когда писал стихотворение. По-видимому, он интуитивно (хотя и не наверняка) чувствовал, что все они основаны на одном и том же древнем мифе. Царица Волшебной страны в «Томасе Рифмоплете» – это средневековая Преемница докельтской Белой Богини, Которая увозила священного Царя по завершении его семилетнего правления на остров Блаженных, где он становился героем-прорицателем. Легенда о пророке Мерлине и Волшебнице Ниневе имеет то же происхождение, что и легенда о рыцаре Пальмирине и Волшебнице Федрии. Она – Смерть, но Своих жертв, соблазнившихся Ее любовными чарами, одаряет поэтическим бессмертием.

Замечателен случай с Томасом Рифмоплетом, или Томасом из Эрсельдуна. Этот поэт начала XIII в. утверждал, что стал поэтом благодаря Царице Волшебной страны (Эльфаме), внезапно явившейся ему, когда он лежал на берегу реки Хантли, и выбравшей его Своим возлюбленным. Именно по этой причине шотландцы высоко ценили его пророчества. (Даже в 1870 г., по словам Томаса Чеймберса, «они были известны среди крестьян».) На первый взгляд может показаться, что Томас позаимствовал гэльский миф об Ойсине и Ниам Златовласке (артуровский вариант этого мифа – «Сказание об Огире Датчанине¹ и Фее Моргане») и при-

¹ Появившаяся в позднее Средневековье легенда об Огире Датчанине подтверждает, что авторы цикла о короле Артуре считали Авалон островом мертвых. В легенде говорится, что, совершив подвиги на Востоке, Огир провел две сотни лет в «замке Авалон»; затем, во времена короля Филиппа I, вернулся во Францию, держа в руке головню, от которой зависела его жизнь, как в случае с аргонавтом Мелеагром. Однако король Филипп правил через двести лет после Карла Великого, сеньора Огира в кругу Каролингов; иными словами, второй Огир был перевоплощением первого. Жить на Авалоне для Огира Датчанина было не в новинку. Его имя – переиначенное *Ogyr Vran*, которое может означать «Бран Недобрый» или «Бран, бог мертвых». Его скандинавский эквивалент Огир («Ужасный») был богом моря и смерти и играл на арфе на острове, где жил с девятью Дочерьми.

чудливым образом перенес на себя, но вряд ли этот так. Скорее всего, на берегу Хантли с ним говорил не призрак, а живая Женщина, известная по прозвищу Царица Эльфама, современное воплощение Колдуний Гекаты. Она заставила его отречься от христианской веры и посвятила в культ Колдуний под именем Верный Томас.

Как известно из судебных процессов над шотландскими Колдуньями, три-четыре века спустя нечто похожее случилось и с другими молодыми шотландцами. Так, в 1597 г. в Абердине Андро Мэн сознался в близости с тогдашней Царицей Эльфама, Которая «владела всеми премудростями» и приехала на ежегодный праздник Урожая в Бинхиле и Бинлохте верхом на белой лошади. «Она очень приятна в обхождении и может стать, когда пожелает, и старой, и молодой. Она делает царем кого захочет, и ложится с тем, кого захочет». (Конечно, ведь Она представляла Богиню Луны в разных фазах.) Уильям Бартон из Кирклистона стал возлюбленным одной из следующих Цариц (в чем он признался на суде в 1655 г.), отрекся от христианской веры и получил имя Иоанн Креститель и метку дьявола. Однако уже в XIII в. короля на седьмой (или субботний) год в жертву не приносили или делали это чисто символически: в саду, куда Царица привела Томаса из Эрсельдуна, ему под страхом смерти было запрещено рвать яблоки, которыми, как считалось, питались прорицатели-мертвецы. Если бы Томас ослушался запрета, он не остался бы в живых, не рассказал бы свою историю и лишился бы «башмаков из зеленого бархата и одежды из гладкой ткани», которую этот придворный Царицы носил как ливрею. Рассказ о его мистическом опыте имеет много общего с описанием обряда инициации в культе Колдуний. Как и Огир Датчанин, он принял Царицу за Деву Марию, и эту ошибку можно понять, потому что (как призналась Колдунья Марион Грант из Абердина, Подруга Андро Мэна) Колдуньи обращались к Ней «Наша Госпожа» и Она являлась в облике элегантной Дамы во всем белом.

Китс в письмах к Фанни Броун откровенно признается: для того, чтобы стать Ее возлюбленным в том всеобъемлющем смысле, в каком Томас из Эрсельдуна стал для Царицы Эльфама, он готов получить метку дьявола и подписать кровью договор, по которому его душа отправится после смерти в ад. Он не был христианином. «Моя религия – любовь, и Ты – ее единственный догмат», – писал он Фанни Броун. Но Фанни не справилась с предназначенной Ей ролью. Хотя поначалу, подобно Царице, Которую встретил Уильям Бартон по дороге к Квинз Ферри, Фанни делала вид, что «сердится и очень застенчива», когда он ухаживал за Ней, а потом, сжалившись над его страданиями, в какой-то степени стала ему потакать, понятно все же, что Она никогда не «принуждала его к тому, что оскорбляет слух христианина».

Колридж в своих лучших произведениях обладал более ясным поэтическим сознанием, чем Китс. Хотя вторая часть поэмы «Кристабель» всту-

пает в противоречие с лунным волшебством первой, в «Старом моряке» он дает описание Женщины, играющей в кости со Смертью на корабле-призраке – самое достоверное из всех описаний Белой Богини:

*«Красны Ее губы и взгляды вольны,
И волос завиток – золотой,
Но кожа как у прокаженного бела.
Ночная Мара, в смерти жизнь,
И в жилах стынет кровь»¹.*

Анонимные авторы английских баллад постоянно воспевали красоту и страшную власть Богини. Ими навеяна «Песнь сумасшедшего»:

*«Моя превечная Любовница – Луна,
А одинокая сова – приятель,
А селезня кряк
И ворона крик – Напев моей печали».*
Это относится и к «Святой земле Вальсингам»:
*«Такую, сэр, что с ликом ангела, я видел,
Как не видать:
И поступь у Нее, как у Царицы,
И Нимфы стать.
И вот я здесь один, оставлен Ею,
Один, чужой,
Той, что к любви вела с Собою,
Я был родной».*

«Святая земля Вальсингам» вызывает в памяти нежное описание Богини в древнеирландской «Болезни Кухулина», которое дает Лаэг после посещения замка Сидхе:

*«В том доме благородном Дева
Всех Дам ирландских превзошла,
Несет Свой белокурый локон,
Прекрасна и одарена.
Речей, что всякому дарует,
Достоин восхищенья слог,
И сердце всякое волнует
Стремленье к Ней и к Ней любовь».*

Ибо любит Богиня лишь для того, чтобы погубить, а губит, чтобы оживить.

Поразительно точным является упоминание Колриджем проказы. Белизна Богини всегда толковалась двояко. С одной стороны, это приятная

¹ Перевод В. Левика.

белизна пшена, Женского тела, молока, свежавыпавшего снега; с другой – ужасающая белизна трупа, привидения, проказы. Так, в «Книге Левит» (14: 10) указывается, что пожертвованием излеченного от проказы, которое когда-то приносили Богине Матери, была мера ячменной муки. В Альфито эти два представления сочтались: *alphos* – белая проказа, поражающая лицо с образованием безцветных пятен, *alphiton* – ячмень. Обитала Альфито в вечных снегах на скалистых вершинах Нонакриса. Павсаний связывает проказу (*leprosy*), что буквально означает «чешуйчатость» (характерная особенность проказы), с городком Лепреем, расположенным близ реки Алфей в районе Трифилия («трилистник»), где находилось поселение прокаженных, основанное Богиней по имени Лепрея. Затем поселение попало под покровительство Зевса-тополя; еще одно название проказы – *leuce*, что означает также «тополь». Это позволяет связать воедино разрозненные части наших доводов. О белом клевере, который растет везде, куда ступает нога Богини любви Олвен, можно сказать «белый как проказа». Можно предположить, что листья тополя (осеннее дерево в алфавите Бет-Луис-Нион), который по-прежнему растет в долине Стикса, использовались как профилактическое средство от проказы: латинские названия *albus* и *albulus* имеют все значения греческого слова *alphos*. Когда Эвандр прибыл из Аркадии в Италию, он принес с собой название реки Алфей: *Albula* – древнее название Тибра, хотя его желтым водам больше подошло бы название *Xanthos* или *Flavus*, если бы за этим переселением не стояла Белая Богиня.

Вероятно, в древние времена Жрицы Белой Богини раскрашивали лицо мелом, подражая белому диску Луны. Не исключено, что остров Самофракия, известный мистериями в честь Белой Богини получил свое название от чешуйчатой проказы: *Samo* означает «белый», а в древнегэльском языке этот вид проказы называли *Samothrusc*. Страбон в «Георгиках» подтверждает это предположение: он приводит слова Артемидора о том, что «возле Британии есть остров, на котором проводятся такие же обряды в честь Цереры и Персефоны, что и в Самофракии».

В «Старом моряке» Ночная Ведьма Жизнь-в-Смерти выигрывает в кости:

«Игра уж сделана, Моя, Моя победа, – Сказала, и свистит три раза».

Свистит Она, призывая волшебный ветер, чтобы спасти моряку жизнь, и здесь Колридж вновь замечательно точен. Как известно, Белая Богиня Кардея управляет четырьмя основными ветрами; в мифологическом смысле самый главный из них – Северный, позади которого, возле дверной петли Вселенной на полюсе, располагается Ее звездный замок. Этот тот самый ветер, порыв которого налетел в ответ на последнюю загадку Гвиона в «Сказании» и помог освободить Элфина; ветер, который, как утверждает Гекатей, дал свое имя гиперборейским жрецам Аполлона.

По традиции Колдуньи свистят три раза в честь Белой Богини, чтобы вызвать ветер; считается, что когда «кудахчет курица и свистит Девица» – это к несчастью. «Нашлю тебе ветер» – «А я еще один» – переговариваются Колдуньи в «Макбете»... – «Им известные пределы – шкипера компас». Тесная связь ветров с Белой Богиней проявляется и в широко распространенном народном поверье, будто видеть ветер могут только свиньи и козы (издревле Ее священные животные) и что лошади способны зачать, если повернутся к ветру задом.

Самое раннее античное упоминание о поверье насчет лошадей встречается в «Илиаде», где Борей воспылил любовью к трем тысячам кобыл дарданца Эрихтония. Обнаружив их на поле возле Трои, он оплодотворил двенадцать из них. Исследователи античности усмотрели в данном эпизоде аллегорию быстроты двенадцати священных коней, рожденных от Борей, однако миф гораздо сложнее. Борей жил с тремя братьями, остальными кардинальными ветрами, в священной пещере на горе Гем во Фракии; она расположена к северу от Трои, но почитали ее и в Афинах. От афинян Борей получил уважительное прозвище «Зять», это идущее от древности уважение еще более возросло после того, как при вторжении персов в Грецию он внезапно налетел с Гема и потопил большую часть кораблей Ксеркса у мыса Сепия. На знаменитом резном ларце из Кипселя Борей изображен получеловеком, полузмеем – напоминание о том, что ветрами повелевала Богиня Смерти и что они появлялись из оракульных пещер или отверстий в земле. Он уносит Нимфу Орифию, Дочь другого Эрихтония¹, первого царя Афин (который ввел в обиход колесницу-квадригу), в свой горный дом во Фракии.

¹ Этот Эрихтоний, или Эрехтей, фигурирует в запутанном и невнятном мифе о Прокне, Филомеле и фракийском царе Терее из Давлида. Похоже, что миф придумали фокийские греки, чтобы объяснить фракийско-пеласгийские религиозные изображения, которые они обнаружили в храме в Давлиде и не смогли понять. Его сюжет таков: Терей берет в Жены Прокну, Дочь царя Аттики Пандиона, а когда у Нее рождается сын Итис, прячет Ее в деревне, чтобы взять в Жены Ее Сестру Филомелу. Последней он говорит, что Прокна умерла, а когда Филомела узнает правду, он отрезает Ей язык, чтобы Она никому об этом не рассказала. Тогда Она вышивает на пеплуме буквы, которые позволяют найти Прокну. Прокна возвращается и из мести убивает Своего сына Итиса и подает его мясо на блюде Терее. Тем временем Терей посетил оракула, который предсказал ему, что Итиса убьют, и, заподозрив, что убийцей станет его брат Дриант, убивает его. Сестры убегают, а когда Терей хватается за топор, боги превращают их всех в птиц: Прокна становится ласточкой, Филомела - соловьем, Терей - удодем. Прокну и Филомелу спасли братья-близнецы Эрехтоний и Бут.

Этот иконотропный миф, если придать ему изобразительную форму, превращается в ряд назидательных сцен, каждая из которых поясняет определенный способ оракульных предсказаний.

В сцене, где Филомеле отрезают язык, изображена Жрица, впавшая в пророческий транс после жевания лавровых листьев. Ее лицо искажено в экстазе, а не от боли, отрезанный язык - всего лишь лавровый лист, который подает Ей служитель.

Это помогает понять, откуда происходит культ Северного ветра. Кобылы Эрихтония на самом деле были кобылами Борея (Эрихтоний тоже получеловек, полужмей). Эрихтоний, которого называли автохтоном («выросший из земли»), сначала считался сыном Афины и демиурга Гефеста, но впоследствии, когда незапятнанное Девичество Афины стало для афинян делом гражданской чести, Эрихтония сделали сыном Гефеста и Богини Земли Геи. Имя похищенной им нимфы Орифии означает «Та, что неистовствует на горе». Очевидно, это Богиня любви из Священной Триады, в которой Афина – Богиня смерти; и это объясняет, почему Борей – Ее зять, равно как и зять всех афинян. О том, что афиняне водили дружбу с гиперборейскими жрецами Борея, упоминает Гекатей. Но так как северные ветры не могут на север, история о том, как Борей похитил Орифию и унес Ее во Фракию, подразумевает, вероятно, перенос во Фракию афинского оргиастического культа Тройственной Богини-козы и Ее возлюбленного Эрихтония, или Офиона, и его (культ) приспособление там и в соседней Трое к оргиастическому культу Тройственной Богини-лошади: из двенадцати священных лошадей Борея получилось три колесницы-квадриги. А так как Эрихтония вскоре после рождения скрывали от его преследователей в эгиде Афины (мешке, сделанном из шкуры козы Амалфеи), он, должно быть, прибыл вместе с Ней из Ливии. В Ливии его наверняка любили больше, чем в Греции: все лето северный ветер разносит ранним утром прохладу по ливийскому побережью. Гесиод называет Борея сыном Астрея («звездный») и Эос («заря»). То, что, по словам Варрона, Плиния и Колумеллы, лошадей в Португалии оплодотворяет зефир, – явная ошибка, связанная с расположением этой страны на крайнем западе европейского континента. Философ Птолемей справедливо относит «ветры, что оплодотворяют», к планете Зевс (Юпитер), которая управляет севером; Борей (*Boraeus*)

В сцене с буквами, вышиваемыми на пеплуме, Жрица бросает пригоршню оракульных палочек на белую ткань (так, по описанию Тацита, гадали кельты), палочки образуют буквы, и Жрица их толкует.

В сцене поедания Итиса Тереем жрец читает предсказания по внутренностям принесенного в жертву ребенка.

В сцене посещения Тереем оракула - он спит в храме на овечьей шкуре и видит вещий сон; эту сцену греки поняли бы безошибочно.

В сцене убийства Дрианта жрецы сидят под дубом и, подобно друидам, ищут предзнаменования в том, как умирающий человек падает.

В сцене превращения Прокны в ласточку - Жрица в одежде ласточки читает по полету ласточки предзнаменования. Такой же смысл имеют сцены превращения Филомелы в соловья и Терее - в удода.

В следующих двух сценах изображены оракульный герой со змеиным хвостом вместо ног, к которому обращаются с жертвоприношениями, и юноша, советующийся с пчелиным оракулом. Это Эрихтоний и Бут (знаменитый пчеловод древности), братья Прокны и Филомелы. Их Матерью была Зевксиппа («запрягающая лошадей») - по всей вероятности, Деметра с головой лошади.

– титул Зевса¹. Один из отцов церкви конца III в. Лактанций уподоблял это оплодотворение лошадей непорочному зачатию Девы Марии от Святого духа (дословно «дыхания»). В те времена подобное уподобление не считалось дурным тоном.

Согласно «Одиссее», дом ветров, то есть центр культа Борей и его братьев, расположен не на горе Гем, а на одном из эолийских островов. Возможно, это остров Тенос, расположенный чуть севернее Делоса; мегалитический валун на нем считают памятником, поставленным Гераклу Келаиду и Зету, героическим сыновьям Борей и Орифии. Однако культ Борей распространился как к западу, так и к северу от Афин (известно, что в Италии Северному ветру поклонялись турийцы) и, возможно, достиг Испании с греческими колонистами. В позднеклассические времена считалось, что «эолийский остров» Гомера – это заселенный эолийцами остров Липари. Он находится к северу от Сицилии, где первоначально зародилось это верование.

Характеристику зарождения четырех кардинальных ветров дает слегка христианизированное ирландское языческое стихотворение, опубликованное в томе II «Публикаций Оссиановского общества» за 1855 г. Оно не только показывает связь ветров с Судьбой, но и изображает дитя, родившееся, когда дул северный ветер, своеобразным Гераклом.

«ВЕТРЫ СУДЬБЫ»

*Мальчик, рожденный при западном ветре,
Он непременно одежду получит, получит и пищу;
От своего господина получит, скажу вам,
Но лишь одежду и пищу, не больше.
Мальчик, рожденный при ветре, что с севера дует,
Он завоеет победу, но поражение он испытает.
Ранен он будет и ранить другого сумеет,
Прежде чем к ангелам на небеса вознесется.
Мальчик, рожденный при ветре, что с юга подует,
Меду достанет, достанет плодов непременно;
В доме устроит своем развлеченье
Церкви епископам и музыкантам прекрасным.
Золото ветер несет, что подует с востока,
Нет его лучше среди этих ветров четверки;*

¹ Следы палестинского культа Северного ветра имеются в «Книге пророка Исаии» (14:13), «Книге пророка Иезекииля» (1:4), в «Псалтире» (47:3) и «Книге Иова» (37:22). Гора божия находится на крайнем севере, и подобные бурному ветру проявления славы его исходят оттуда. При самом раннем распределении небес между божествами Бел получил северный полюс, Эа – южный, Бел – это Зевс-Юпитер, бог четверга, которого нередко отождествляли с Иеговой, однако власть над севером он получил от своей Матери Белили, Белой Богини.

*Мальчик, рожденный, когда этот ветер подует,
В жизни своей никогда он нужды не познает.
Если же ветер и вовсе не дует
Над ковылем на равнине или вереском горным,
Кто б ни родился – Девочка то или мальчик – Будет умом недалекий».*

Пришла пора разобраться с двумя неразгаданными загадками. Если афиняне поклонялись Северному ветру с первобытных времен и принесли его культ из Ливии, значит, первоначальные гиперборейцы, «люди, живущие позади Северного ветра», жрецы, связанные с северным загробным миром – ливийцы. Этим объясняется ошибочное замечание Пиндара о том, что Геракл принес дикую оливу с далекого севера: на самом деле он принес ее с юга, возможно, из египетских Фив, где она росла во времена Плиния вместе с дубом и священными фруктовыми деревьями. Точно так же Горгона, Которую Персей убил во время посещения гиперборейцев, приносивших в жертву ослов, была южной Богиней Нейт из Ливии. В данном случае это был не герой-дуб Геракл, а другой Геракл, фаллический большой палец, предводитель пяти Дактилей, который, согласно услышанной Павсанием в Элиде легенде, принес от гиперборейцев множество диких оливковых деревьев. После того как он увенчал победителя состязаний в беге среди братьев, все они легли спать на охапках свежих листьев. Павсаний называет участников состязаний, но имени победителя не упоминает; очевидно, это Пеоний, указательный палец, который всегда приходит первым, когда вы, перебирая пальцами по столу, устраиваете между ними гонку; *ραεον* или *ραεον*, значит «победная песнь». Более того, Павсаний утверждает, что тогда же Зевс боролся с Кроносом и одолел его. Зевс – божество указательного пальца, Кронос – среднего, «шутовского», Дактиль, который прибежал вторым, – наверняка Эпимед, «тугодум», глупец; тем более что Павсаний дает имена в следующем порядке: Геракл, Пеоний, Эпимед, Иасий и Идас.

Итак, дикая олива увенчала Пеония, указательный палец, а это значит, что его гласная буква О, которой в алфавите Бет-Луис-Нион соответствует дрок, а в греческом древесном алфавите она обозначалась дикой оливой. Отсюда ясно, почему в древности оливу использовали на празднике Весны (в Испании это делают и сейчас на празднике Рамос [«ветви»]); и почему из оливы была сделана дубинка Геракла (Солнце обретает силу в весеннее равноденствие); и почему оливковый лист в клюве Ноевой голубки символизирует осушение зимнего половодья лучами весеннего Солнца. Этим объясняется также, почему Аполлон-Гелиос, бог молодого Солнца, получил прозвание Пеоний, которое он, похоже, ведет от Богини Афины Пеонии, первой принесшей оливу в Афины; и название пиона (*ραεονία*), средиземноморского дикого цветка, расцветающего в дни весеннего солнцестояния и быстро опадающего.

Белая Богиня Спенсера – это «Хозяйка Озера» из артуровского цикла, Которую называют также Белая Змея, Нинева и Вивиана и Которую профессор Рис в книге «Легенда об Артуре» отождествляет с Хрианнон. Она – Возлюбленная Мерлина (Мертвина) – предательски заточила его в волшебной пещере после того, как он, подобно Хлеу Хлау, Самсону и Курою (Блодайвет, Далиле и Блатнат соответственно) открыл Ей некоторые из своих тайн. Однако в раннем валлийском варианте, «Беседы Гвендидд и Мерддина», Богиня велит Своему возлюбленному покинуть темницу и «без страха открыть Книгу Вдохновения». Она величает его «братом-близнецом», а это значит, что Она – Олвен; кроме того, Ее называют *Gwenddydd wen adlam Cerddeu*, «Белая Повелительница дня, Прибежище стихов», то есть Она – Муза, Кардея-Керридвен, Которая вдохновляет на *cerddeu*, «стихи», по-гречески *cardeia*.

«Что такое вдохновение?» – вопрос, который не перестают задавать. Из происхождения этого слова проистекают два взаимосвязанных ответа. «Вдохновением» может быть вдыхание поэтом испарений из опьяняющего котла *Awen* – котла Керридвен, в котором, по-видимому, смешаны ячмень, желуди, мед, бычья кровь и священные травы (плющ, чемерица¹, лавр); или ядовитых испарений, поднимающихся из земли, как в Дельфах; или паров, попадающих в ноздри при жевании мухоморов. Все эти испарения вызывают параноидальный транс, при котором время останавливается, а сознание продолжает действовать и способно передавать видения прошлого и будущего в стихах. Однако слово «вдохновение» может также означать сходное состояние поэта, который прислушивается в священной роще к ветру, вестнику Богини Кардеи. В Додоне прислушивались к ветру в дубовой роще, а в пророческий транс, видимо, впадали Жрицы Черной Голубки, Которые поначалу направляли действия оракула, жуя желуди. Во всяком случае, комментатор Лукана отмечает, что этот способ был в ходу у галльских друидов. В Ханаане главным деревом-оракулом была акация («неопалимая купина»); упоминание о такого рода вдохновения есть в «Первой книге Паралипоменон» (14: 15):

«И когда услышишь как бы шум шагов на вершинах тутовых деревьев, тогда вступи в битву».

Вместо «тутовых деревьев» должны быть акации. В ветре присутствовал сам Яхве, а контекст эпизода (нападение Давида на филистимлян «от Гаваона до Газера») дает понять, что ветер дул с севера. Рассказ относится к тому времени, когда Яхве еще не был вездесущим богом, а жил, как Борей, на горе на крайнем севере. В сущности, это был бог – белый бык Ваал Зефон («Властелин Севера»), позаимствовавший

¹ Возможно, *hellebore* («чемерица») означает *Helle-bora* – «пища Богини Геллы». Гелла – Богиня пеласгов, в честь Которой назван Геллеспонт.

свой титул у Богини Матери Ваалтиды-Запуны: Ее имя есть в надписи из Гюшена, где когда-то обосновалось племя Иосифа. Хананеи почитали его как повелителя Загробного мира Севера, этот культ переняли филистимляне из Аккарона; он был богом пророчеств и плодородия. Другим его титулом был Ваал-Зевул, «Повелитель Обители (Севера)», который дал название племени Завулонову, поклонявшемуся ему на горе Фавор. Когда царь израильский Охозия отправил послов вопрошать «божество Аккаронское» (4 Цар. 1: 1-4), он заслужил упреки Илии Фесвитянина за то, что он не обратился к оракулу израильтян, видимо, на Фаворе. Полагаю, что Ваал-Зевул – это осенний Дионис; поклонники его культа опьяняли себя грибами *amanita muscaria*, которые растут там до сих пор. В Библии эти мухоморы называются «лисентятами». Во времена Христа, которого обвинили в сношении с Веельзевулом, царства Израильское и Филистимляническое давно уже перестали существовать, а святилища Аккарона и Фавора были разрушены. Функции Ваал-Зевула перешли к архангелу Гавриилу, а сам Ваал превратился в дьявола, которого иронически называют Веельзевулом, «Повелителем мух». И все же мясники-левиты не забывали старых обычаев и при заклинании поворачивали жертву головой на север.

Акация по-прежнему считается в Аравийской пустыне священным деревом; там верят, что обломивший веточку акации в течение года умрет. Классический образ Музы, нашептывающей что-то на ухо поэту, подразумевает вдохновение из кроны дерева: Муза – это Дриада (Фея ясеня), Мэлия (Фея айвы), Кариатида (Фея орешника), Хамадриада (лесная Фея вообще), Геликония (Фея горы Геликон, получившей свое название и от *helice*, священной для поэтов ивы, и от реки, огибающей ее по спирали¹).

Современные поэты редко прибегают к искусственным средствам вдохновения, хотя шум ветра в ивах или в лесу по-прежнему оказывает на них сильное воздействие. «Вдохновением» может быть любое средство, вызывающее поэтический экстаз. Однако большинство шарлатанов и слабовольных людей прибегают к автоматическому письму и спиритизму. Жаль, что они не знают о принятом у древних евреев различении законного пророчества и незаконного, где под «пророчеством» понимается вдохновенная поэзия, которая предсказывает, хотя и не обязательно, будущие события. Если пророк впал в экстаз, а потом не знал, что именно он набормотал, пророчество считалось незаконным; если же и во время экстаза и после него вполне владел ситуацией, оно считалось законным. Силы поэта подкреплялись «пророческим духом», в результате чего огромный опыт кристаллизировался в его словах в драгоценный камень поэзии, но, милостью божией, он добивался этого осознанно.

¹ *Helix* – спираль (англ.).

И напротив, спиритический медиум, душа которого временно отлетала, так что демонические силы могли овладеть его телом и говорить его устами, пророком не считался: как только обнаруживалось, что он вызвал подобный экстаз намеренно, его отсекали от общины. Запрещение это распространялось, очевидно, и на автоматическое письмо.

VIII. ВОЙНА НА НЕБЕСАХ

Должна ли поэзия непременно быть оригинальной? Согласно аполлонической, или классической, теории, вовсе нет, ибо признаком хорошего поэта является его способность выражать проверенные временем чувства в освященных временем формах, но с большей, чем его соперники, живостью, изяществом, выразительностью и знанием. Именно эти качества позволяли занять «Кресло поэтов». Аполлоническая поэзия – это, в сущности, поэзия придворная: ее произведения создаются для поддержания авторитета, дарованного поэтам королем (к которому относились как к *Roi Soleil*¹, заместителю Аполлона), при условии, что они прославят в веках, какой он великий и ужасный. Ради сохранения своего положения поэты используют устаревший язык, формальные украшения и регулярный, уравновешенный и четкий размер, часто и красноречиво вспоминая события из жизни предков и заведенные ими порядки. Их похвалы на удивление похожи: ацтеки, прославляя своего Инку, называли его «вскормленным соколом, всегда готовым к бою», но именно это выражение нещадно эксплуатировали и валлийские барды раннего Средневековья.

Классическая техника, которую довели до совершенства эти барды, равно как и французские поэты эпохи Людовика XIV, и английские поэты «века Августа» в начале XVIII в., – безошибочный показатель политической стабильности, покоящейся на силе оружия. Быть оригинальным в такую эпоху значило быть нелояльным подданным или бродягой.

«Веком Августа» называют то время, когда поэты воспевают обновление сильной центральной власти после беспорядков, приведших к казни одного монарха и изгнанию другого, подобно тому как римские поэты (по указанию тогдашнего министра пропаганды и искусства Мецената) воспевали триумф Августа после окончания гражданских войн в Риме. Новая поэтическая техника основывалась отчасти на опыте современной французской поэзии (как раз наступал «золотой век» французской литературы) и отчасти на «золотом веке» римской поэзии. Модные десяти- и двенадцатисложные ямбические двустушия, избыточные остроумными антитезами и точно соблюдающие пропорции, были

¹ Король-Солнце (франц.).

заимствованы у французов. «Поэтический перифраз» как формальное украшение шел от римлян: ожидалось, например, что поэт назовет море «солеными глубинами» или «царством рыб», а огонь – «всепожирающей стихией». Как первоначально возникла эта условность, было забыто; а возникла она из древнего религиозного запрета называть вслух нечто опасное, могущественное или злое. (Этот запрет до недавнего времени существовал на оловянных рудниках в Корнуолле, где страх перед эльфами не позволял шахтерам упоминать «сов, лис, зайцев, кошек и крыс, разве что обиняком», а также среди рыбаков Шотландии и северо-востока Англии, которые боялись рассердить эльфов упоминанием о свиньях, кошках и священниках.) Кроме того, римские поэты использовали поэтический стиль, словарь и синтаксис которого очень помог им приспособить латинский язык к условностям греческого гекзаметра и элегического двустушия, в результате чего английские августинцы разработали сходный набор выражений, пригодный, как они считали, для решения проблем метрики.

Прихотливое использование перифраз продолжалось и в эпоху классицизма в середине викторианской эпохи. Льюис Кэрролл мастерски пародирует современных ему поэтов в стихотворении «*Poeta Fit, Non Nascitur*»¹ (1860–1863):

*«Оттенки, формы, звуки – Теперь идут они.
Давать как есть – не надо,
А только намекни;
На вещи с неким вывертом
В уме своем взгляни».*
*«А как вот, с мясом если,
Сказать про пирожки?
Пойдет ли «рунных стад мечты
В темнице из муки?»
«А что, пойдет, – сказал старик. – Удачные стишки».*

С возрождением романтизма в моду вошли архаические выражения. Считалось, например, неуместным написать:

*«Что тебе, милая, до мест,
Где гонит вал суровый вест?»
Принято было выразиться так:
«Вотще, о Дева несравненна,
Тебе про край Зефира весть, –»*

¹ «Поэтами не рождаются, поэтами становятся» (лат.).

И если брали слово *wind*, то его полагалось рифмовать с *mind* («дух»), а не с *sinned* («грешный»). Однако викторианский классицизм заразился идеей прогресса. От скучной, хотя и надежной, «лошадки-качалки» александрийского и героического двустипхия в августинском стиле отказались после нападков на нее Китса и стали поощрять поэтические эксперименты с самыми разными размерами и темами. Эта перемена свидетельствовала о нестабильности общественной системы: угрозы чартистов, непопулярность монархии, постоянные посягательства промышленных магнатов и денежных мешков из Ост-Индской компании на права дворян-землевладельцев. В оригинальности стали видеть добродетель: под оригинальностью в середине викторианской эпохи понимали взгляд на вещи «с неким вывертом», благодаря которому область поэзии невероятно расширилась и поэтический ореол возник вокруг таких полезных, но вульгарных вещей, как пароходы, пирожки с мясом, промышленные выставки и газовые лампы. Сюда же входило заимствование тем из персидской, арабской и индийской литературы и добавление к английским размерам сапфической и алкеевой строф, ронделя и триолета.

Истинный поэт действительно должен быть оригинальным, но в более простом смысле, а именно: обращаться только к своей Музе (а не к королю, верховному барду или народу), чтобы поведать правду о себе и о Ней своими собственными пламенными словами. Муза – Божество, но Она и Женщина, и если влюбленный выражает любовь к Ней с помощью избитых выражений и искусных словесных фокусов, которыми он способен улестить Ее сына Аполлона, Она отвергнет его еще решительнее, чем косноязычного и малодушного рифмоплета. Не говоря уже о том, что Муза вообще не бывает полностью удовлетворена. От Ее имени говорит Лаура Райдинг в трех запомнившихся мне строках:

*«Прости, даритель, коли даф нарушу:
Так близок он к тому, что по душе Мне,
Что не могу не сделать совершенным».*

Поэт не может оставаться поэтом, если ему кажется, что Муза завоевана им навсегда и явится по первому его зову.

Ирландцы и валлийцы проводили четкую грань между поэтами и сатириками: поэт призван созидать и врачевать, сатирик – разрушать и порицать. Ирландский поэт мог сочинить «аэр», или сатиру, чтобы вызвать неурожай, чтобы коровы не давали молока, чтобы лицо человека пошло пятнами или навсегда испортился его характер. В «Слушаниях ученых мужей» говорится, что одним из синонимов сатиры было «*Brimon smetrach*», то есть «щипок за ухо к слову»:

«Поэты, читая сатиру, могли в шутку ущипнуть свою жертву за мочку уха, и поскольку там нет костей, жертва не вправе была требовать возмещения морального ущерба».

Вот если бы поэт ушибнул человека за нос, тот вполне мог призвать его к ответу. Тем не менее, сопротивляться физически не позволялось, ибо persona поэта была неприкосновенной. Впрочем, если сатира была несправедливой, пятнами покрывалось лицо самого сочинителя, и он мог даже скончаться на месте, как это случилось с поэтами, сочинившими сатиру на невинных Луана и Касира. Вот как пишет об ирландских поэтах Эдмунд Спенсер во «Взгляде на современное положение Ирландии»:

«Никто не смеет раздражать их из страха навлечь на себя их упреки и быть ославленными».

Шекспир упоминает, что поэты могли «убивать стихами крыс»: он слышал где-то об ирландском наставнике-оллаве VII в. Шонкане Торпесте, который, обнаружив однажды, что крысы сожрали его обед, произнес в отместку следующий «аэр»:

*«У крыс хоть и острые зубы,
Негодные это бойцы... –»*

После чего десять крыс тут же упали замертво.

В Греции сатирики использовали поэтические размеры наизнанку. Можно сказать, что сатира – это поэзия, написанная левой рукой. Луна, как и Солнце, движется слева направо, но по мере того, как Луна стареет, она каждую ночь восходит чуть левее, чем в предыдущую. Растения под прибывающей Луной растут быстрее, чем под ущербной, и потому правая рука всегда ассоциируется с ростом и силой, а левая – со слабостью и упадком. Слово «левый» в древнегерманском языке значит «слабый, старый, беспомощный». Вот почему поклонники Луны, исполняя танцы «успеха», способствующие процветанию, «правосторонние», двигались по часовой стрелке, а исполняя танцы «неудачи», наносящие урон или способные причинить смерть, «левосторонние», – против часовой стрелки. Точно так же правостороннее огненное колесо, или свастика, считалось счастливым, а левосторонняя свастика (которую выбрали нацисты) – приносящей несчастье. Поклоняющиеся индийской Богине Кали подходят к Ней с двух сторон: справа – как к Благодетельнице и всеобщей Матери, слева – как к Фурии и Людоедке. Слово *sinister* значит не только левосторонний, но и «дурной», «зловещий»: птицы, замеченные античными авгурами слева, предвещали неудачу.

Слово *curse* («проклятие») происходит от латинского *cursus*, «бег» (прежде всего это касается бега по кругу, как в состязаниях колесниц), сокращенное «*cursus contra solem*»¹. Так, Маргарет Бальфур, осужденную в XVI в. в Шотландии за колдовство, обвинили в том, что Она голой исполняла девятикратные левосторонние танцы вокруг домов; а моему

¹ Бег против Солнца (лат.).

приятелю А. К. Смиту (служившему когда-то в Индии) довелось увидеть на юге страны, как обнаженная индийская Колдунья делала то же самое в обряде проклятия. Музы-Жрицы Геликона и Пиерия, будучи не в духе, наверняка девять раз обходили в танце или вокруг той вещи, которую предавали проклятию, или вокруг ее символа.

Левостороннюю сатиру время от времени писали многие английские поэты (в том числе Скелтон, Донн, Шекспир, Колридж, Блейк), но тех, кто составил себе имя преимущественно на сатире и пародии (Сэмюэль Батлер, Поуп, Свифт, Калверли), лишь с большой натяжкой можно назвать поэтами. Вряд ли что-нибудь, кроме написанного англо-ирландцами, сравнится с тем, как использовали язык для мщения ирландские поэты. Сходную технику пародии применяют русские Колдуньи: Они тихонько крадутся за Своей жертвой, в точности копируя ее походку, после чего, достигнув полного подобия, вдруг спотыкаются и падают, но мягко, тогда как жертва падает со всего маху. После появления мастерски сочиненной пародии пародируемое стихотворение теряет свое достоинство, порой навсегда, как это случилось со стихами из школьной хрестоматии, которые Льюис Кэрролл спародировал в «Алисе в стране чудес».

Цель сатиры – разрушить все напыщенное, блеклое и унылое и расчистить почву для нового посева. Так, на Кипре к тайне бога Года приближались, характеризуя его словом *amphidexios*, которое включает понятия «*ambidextrous*» («двуличный», «одинаково владеющий обеими руками»), «*ambiguous*» («двусмысленный») и «*ambivalent*» («амбивалентный»), и вкладывая ему оружие и в левую, и в правую руку. Он одновременно и «я», и свое другое «я»: царь и его преемник, жертва и убийца, поэт и сатирик; его правая рука воистину не ведает, что творит левая. В Месопотамии в образе Нергала он был Сеятелем, несущим на поля богатство, и Жнецом, богом мертвых; в других местах, видимо, для того, чтобы упростить миф, его представляли в виде близнецов. Через дуалистическое богословие это упрощение привело к теории о том, что смерть, зло, распад и разрушение суть ложные представления, и что однажды их все отринет бог Благодетель, бог Правой руки. Богословы-аскеты стараются парализовать или отсечь левую руку во имя правой. Однако поэты знают, что каждый из близнецов будет по очереди побеждать в вековечной рыцарской войне за благосклонность Белой Богини, подобно тому как герои Гвин и Грайдаул сражались за благосклонность Крайтилада, а Мот и Алейн – за благосклонность Анаты из Угарита. Последние два тысячелетия война между Добром и Злом велась так нелицеприятно и мучительно потому, что богословы, не будучи поэтами, отказали Богине в праве быть арбитром и заставили бога навязать дьяволу невыполнимые условия полной капитуляции.

«Женщину не должно исключать из компании поэтов» – гласило одно из мудрых правил, провозглашенное в таверне Дьявола на Флит-

стрит перед самой пуританской революцией, когда Бен Джонсон изложил законы поэзии для своих младших современников. Он понимал, как рискуют сторонники аполлонической поэзии, жаждущие добиться полной независимости от Женщин: они впадают в сентиментальную гомосексуальность. Как только поэтические нововведения принялись устанавливать гомосексуалисты и возникло понятие «платонической любви» (гомосексуального идеализма), Богиня начала мстить. Помните, что Сократ собирался изгнать поэтов их своей мрачной республики. Уклонение от Женской любви – это монашеский аскетизм, результаты которого скорее трагичны, чем комичны. Как бы то ни было, Женщина – не поэт: Она или Муза или ничто¹. Я не хочу этим сказать, что Женщина не должна писать стихи, но Она должна писать их как Женщина, а не как почтенный муж. Изначально поэт был мистиком (*mystes*), доводящим себя до экстаза поклонником Музы, а принимавшие участие в Ее обрядах Женщины были Ее Представительницами, подобно девяти Танцовщицам на изображении в пещере в Когуге или девяти Женщинам, согревавшим Своим дыханием котел Керридвен в «*Prieddeu Annwm*» Гвиона. Архаическая поэзия – это, в сущности, или моральный и религиозный закон, данный мужчине Музой в девяти ипостасях, или экстатическое высказывание мужчины в поддержку этого закона и прославление Музы. Фальшивая нота в творчестве большинства Поэтесс возникает именно потому, что Они подражают мужской поэзии. Женщина, связавшая Себя с поэзией, должна, в чем я убежден, быть или молчаливой Музой и вдохновлять поэтов Своим присутствием, как это делали Королева Елизавета и Графиня Дерби, или Музой в полном смысле этого слова: становиться поочередно то Арианрод, то Блодайвет, то Старой Свиньей из Майнаур Пенарт, которая пожирает свое потомство, и в любом случае – с античной убедительностью. Она должна быть как видимая Луна: безстрастной, любящей, жестокой, мудрой.

¹ В английской литературе встречается несколько письменных свидетельств о музезмужчине, большинство из них – в написанных гомосексуалистами стихах, которые следует отнести к патологии. Однако в «Повести о начатом путешествии» (1615) Джордж Сэндис называет Иакова I «коронованной музой», возможно, потому, что по отношению к придворным фаворитам Иаков вел себя скорее как Королева, чем как король, и потому, что он опубликовал трактат об основах стихосложения. К тому же Милтон в «Люсидасе» пишет:

*«Так пусть же муза в будущих веках
Добром помянет мой остылый прах
И, мимо проходя, на плащ унылый мой
Заслуженный пошлет покой».*

[У Милтона в этом отрывке муза мужского рода – *he*. – Примеч. перев.] Тем не менее, это всего лишь причудливый образ. «Муза» означает здесь «поэта, одержимого Музой»: только что Милтон традиционно обращался к Музе-Женщине:

«Что ж, начинайте, Сестры, о ключе священном...»

Именно такой была Сафо: не стоит верить злонамеренным выдумкам аттических комедиографов, карикатурно изображавших Ее ненасытной Лесбиянкой. Качество Ее стихов свидетельствует, что Она была истинной Керридвен. Как-то я спросил своего оксфордского наставника, ученого-античника и сторонника аполлонической поэзии: «Скажите, сэр, по вашему мнению, Сафо – хороший поэт?» Он оглянулся по сторонам, словно желая проверить, не подслушивает ли кто, и признался: «В том-то и беда, Грейвс, что это очень, *очень* хороший поэт!» Насколько я понял, он считал большой удачей то, что Ее произведений почти не сохранилось. Роль Керридвен, видимо, исполняла и валлийская Поэтесса XVI в. Гверфил Мекайн: «Я Хозяйка превосходного кабачка «Переправа», Я – Луна в белых одеждах, Я приветствую любого мужчину, который пожалует ко Мне с серебром».

Главной темой поэзии являются отношения между женщиной и Женщиной, а не между женщиной и мужчиной, как того хотели бы классицисты-аполлонисты. Истинный поэт – тот, кто отправляется в кабачок, платит серебром дань Блодайвет и переправляется через реку навстречу смерти. Как в легенде о Хлеу Хлау: «Всю ночь проговорили они о нежных чувствах и любви, которая вспыхнула у них за один вечер». Это райское наслаждение длится с Майского дня по канун Иванова дня, после чего составляется заговор и летит отравленное копьё. И поэт знает, что иного быть не может. Для него нет другой Женщины, кроме Керридвен, и больше всего на свете он желает Ее любви. Как и Блодайвет, Она с радостью отдает ему Свою любовь, но цена этой любви одна – жизнь поэта, и Керридвен взыщет эту плату непременно и кровожадно. Другие Женщины, другие Богини – детская игра по сравнению с Ней. Они продают Свою любовь за разумную цену, иногда и вообще отдают бесплатно. С Керридвен это не пройдет: Ее любовь сильнее всякой мудрости. Но с какой бы горечью ни проклинал Ее поэт в час своей расплаты (лучший пример – Катулл), причина его несчастья в нем самом, и он не вправе жаловаться.

Керридвен была и остается. Поэзия возникла в эпоху Матриархата и обязана своим волшебством Луне, а не Солнцу. Ни один поэт не может сказать, что понимает суть поэзии, если не увидит внутренним взором обнаженного царя, распятого на расщепленном дубе, и Танцовщиц с покрасневшими от едкого дыма жертвенных костров глазами, наклонившихся в танце, притопывающих в такт и монотонно произносящих нараспев: «Смерть! Смерть! Смерть!» и «Кровь! Кровь! Кровь!»

Досужее употребление фразы служитель Музы привело к тому, что стал неясным ее поэтический смысл: внутреннее приобщение поэта к Белой Богине как к Источнику истины. Поэты представляли истину в виде обнаженной Женщины: Женщины без одежд и украшений, которые привязали бы Ее к какому-то конкретному месту во времени и пространстве. Именно так изображали сирийскую Богиню Луны: с головным убором-

змеей, напоминаящим Ее поклоннику, что Она – Смерть, и бдительным львом у ног. Поэт влюблен в Белую Богиню, влюблен в Истину: его сердце разрывается от страсти. Она – Богиня-цветок Олвен, или Блодайвет, и Она же – Блодайвет-сова с горящими глазами, которая зловеще ухает и устраивает нечистые гнезда в дуплах засохших деревьев, и Она же – безжалостная соколица Кирка, и Ламия с дрожащим языком змеи, и хрюкающая Богиня-свинья, и Хрианнон с лошадиной головой, пожирающая сырое мясо. *Odi atque amo* – «Любить – значит и ненавидеть». Сторонник аполлонической поэзии, желая обойти эту дилемму, учит себя презирать Женщину, а Женщину учит презирать Себя.

Мудрость Соломона горька и кратка: «У конской пиявки две дочери: Дай и Дай»¹. Конская пиявка – небольшое пресноводное существо, она родственна обычной медицинской пиявке, у нее тридцать зубов. Когда животное подходит к воде напиться, пиявка заплывает к нему в пасть и прикрепляется к задней стенке гортани, после чего сосет кровь, пока не раздуется до предела и не доведет животное до иступления. Как символ ненасытной жадности, она дала свое имя Алуке – хананейской Ламии, суккубу, или вампиру. Две Дочери Алуки так же ненасытны, как и Она Сама, Их имена – Шеол и Утроба, или Смерть и Жизнь. Другими словами, Соломон говорит: «Женщины жадны до детей; Они, как вампиры, высасывают кровь из мужей; ненасытны в плотской любви; Она напоминает конских пиявок, которые мучают лошадей. А для какой же цели рождаются от Женщин мужчины? Лишь для того, чтобы в конце концов умереть. Могила и Женщина одинаково прожорливы». Однако в «Притчах» Соломон – это угрюмый философ, а не поэт-романтик, подобный галилейскому Соломону «Песни Песней», который на самом деле был Салмаахом, Дионисом кенитов, и который в эллинистическом духе занимается любовью со своей Сестрой-Близнецом, Майской Невестой Шулема.

В наши дни лишь немногие поэты продолжают публиковать стихи после двадцати пяти лет, и причина этому, как мне кажется, вовсе не в том, что они не могут найти себе мецената или достойно зарабатывать профессией стихотворца. Существует не один способ заработать на жизнь, используя поэтическое творчество, да и опубликовать стихи не так уж сложно. Причина заключается в том, что что-то умирает в самом поэте. Возможно, он пошел на компромисс и поставил выше поэзии какое-то другое занятие (литературу, религию, философию, драматургию, политику, общественную деятельность). Но возможно и другое: он утратил веру в Белую Богиню. Женщина, Которую он принял за Музу или Которая была его Музой, становится самой обычной Женщиной,

¹ В русском переводе: «У ненасытимости две дочери: давай, давай!» (Притч. 30:15) (Примеч. перев.).

способной и его превратить в самого обычного мужчину. Расстаться с Ней мешает чувство долга, особенно если Она – Мать его детей и гордится тем, что Ее считают хорошей Хозяйкой; но если блекнет Муза – блекнет и поэт. В начале XIX в., когда у стихов было много читателей, английские поэты уже остро почувствовали эту проблему, и многие, в том числе Саути и Пэтмор, попытались воспеть в лирических стихах семейную жизнь, но успеха не добились. Белая Богиня и семейная жизнь – вещи несовместимые; Белая Богиня всегда оказывается «другой Женщиной», и играть Ее роль на протяжении нескольких лет невероятно трудно, поскольку в душе каждой Менады и Музы, одолеваемой домашними заботами, живет искушение покончить с Собой.

Неудачную попытку решить эту нелегкую проблему предприняла в Конноте в VII в. Лиадан из Коркагойнея, Женщина благородного происхождения и поэт-оллав. Как это было принято с незапамятных времен, в сопровождении двадцати четырех учеников Она отправилась в *cuairt*, поэтическое турне с визитами. Среди прочих Она навестила поэта Куритира, который устроил в Ее честь пивной праздник и в которого Она влюбилась. Он ответил ей взаимностью и спросил: «Почему бы нам не пожениться? Если у нас родится сын, он станет знаменитым». «Только не сейчас, – ответила Она. – Иначе Я не смогу нанести визиты поэтам. Приезжай ко Мне в Коркагойней, и Я буду с тобой». После чего Она задумалась над его словами, и чем больше думала, тем меньше они Ей нравились. И в самом деле, он говорил не об их любви, а об их славе и о том, каким знаменитым будет их сын. Почему сын? Почему не Дочь? Неужели он ставит свой дар выше Ее? И почему надо вообще заботиться о рождении будущих поэтов? Почему Куритиру мало того, что он сам поэт и что рядом с ним будет такой поэт, как Она? Рожать детей подобному человеку – значит согрешить против Себя. Тем не менее, Она полюбила его всей душой и торжественно пообещала быть с ним.

И вот Лиадан покончила с визитами в доме царей и вождей в Конноте, обменялась поэтическим познаниями с поэтами, которых там встретила, получила от принимавших Ее хозяев подарки и дала обет целомудрия, нарушить который значило для Нее умереть. Сделала Она это не из религиозных побуждений, а потому что была истинным поэтом и поняла, что замужество с Куритиром разрушит возникшие между ними поэтические узы. Куритир приехал, но верная обету Лиадан не стала с ним спать. Убитый горем Куритир принял точно такой же обет. Затем оба обратились с просьбой о наставлении к суровому и подозрительному святому Куммину, который предложил Куритиру на выбор – или видеть Лиадан, не разговаривая с Ней, или разговаривать, не видя. Как поэт, Куритир выбрал второе. Каждый из них по очереди ходил вокруг сплетенной из прутьев кельи другого в монастыре Куммина, но встретиться им так и не позволили. Когда же Куритир стал спрашивать Куммина

ослабить этот жестокий обет, тот немедленно обвинил их в нарушении целомудрия и изгнал Куритира из монастыря. Куритир отрекся от своей любви и стал паломником, а Лиадан умерла от мук раскаяния в Своей бессмысленной победе.

Ирландцы знали о любовных проблемах поэта еще с дохристианских времен. В «Болезни Кухулина» поэт и герой Кухулин оставил свою Жену Эмер и попал под чары Фанд, Царицы сидов. Сначала Эмер стала его Музой, и при первой встрече они вели столь глубокую поэтическую беседу, что никто из присутствовавших не понял ни слова; однако после женитьбы они отдалились друг от друга. Разгневанная Эмер явилась в замок к Фанд, чтобы вернуть Кухулина, и Фанд отреклась от него, сказав, что Кухулин Ее не любит и что ему лучше вернуться к Эмер:

*«Ты благородная Жена, Эмер, сей муж – он Твой.
Он отдалился от Меня, но Мне судьба
Желать по-прежнему того,
Что Я не в силах удержать».*

Кухулин возвращается, но победа Эмер так же бесплодна, как победа Лиадан из Коркагойнея. Древнеирландская «Триада» права: «Осмеивать поэта, любить поэта, быть поэтом – чревато смертью».

Обратимся к Суибне Гейлту, поэту-королю Дал Аройде. Неизвестный ирландский автор IX в. сочинил о нем сказание в прозе – «Безумие Суибне». В сказание включено несколько драматических стихотворений на основе оригиналов VII в., которые приписывали Суибне. В этой повести, как она дошла до нас, Суибне поражен безумием за то, что дважды нанес оскорбление св. Ронану: сначала вмешался, когда святой без королевского соизволения указал место для строительства новой церкви, и бросил его псалтирь в реку; в другой раз – метнул в него копье, когда тот пытался примирить верховного короля Ирландии и сюзерена Суибне накануне сражения у Маг Рат. Копье попало в колокольчик, которым св. Ронан созывал на мессу, и отскочило в сторону, не причинив ему вреда. Тогда св. Ронан проклял Суибне, настав на него летучее безумие. Тем не менее, найденные в трех древних хрониках свидетельства говорят о том, что Суибне метил копьем не в св. Ронана, а в оллава, священного поэта, который накануне сражения у Маг Рат пытался примирить короля Домнала Шотландца и Домнала, верховного короля Ирландии. В VII в. такого рода примирениями занимался не священник, а оллав. Скорее всего, копье Суибне попало в связку золотых колокольчиков – знак власти оллава; а оллав в отместку швырнул ему в лицо «пучок безумия» (жгут заговоренной соломы), после чего тот в умопомрачении бежал с поля боя. Эоранн, Жена Суибне, пыталась удержать его от этого безрассудного поступка и потому смягчила действие проклятия. При летучем безумии тело становится настолько легким, что человек способен запрыгнуть

на верхушку дерева и совершать, не причиняя себе вреда, невероятные прыжки на сто и более футов. (Средневековые философы-латинисты описывали это состояние как *spiritualizatio*, *agilitas* и *subtilitas* и относили к случаям левитации впадших в экстаз святых.) На теле Суибне выросли перья, и он стал жить как дикий зверь: ел плоды терна, ягоды остролиста, водяной кресс, веронику, желуди; спал на тисовых деревьях, в расщелинах поросших плющом утесов или в зарослях боярышника и ежевики. При малейшем шуме он бежал прочь и совершенно перестал доверять людям.

У Суибне был друг, Лойншикан, который все время следовал за ним, намереваясь поймать и исцелить безумца. Трижды это ему удавалось, но всякий раз Суибне вновь впадал в безумие: проходило немного времени, и Фурия, известная под именем Ведьма с мельницы, побуждала его на новые неистовые прыжки. После семи лет безумия сознание Суибне прояснилось, и он пришел к Эоранн, Которую принуждали выйти замуж за нового короля, его преемника. В одном из самых трогательных стихотворений запечатлен их разговор:

«СУИБНЕ:

*Счастлива Ты, Умница Эоранн,
Как идешь к любимому на ложе;
У Суибне все по-другому – Долго он скитался, бродяга.
Прежде Ты, благородная Эоранн,
О любви мне тихо шептала.*

«Не прожить Мне и дня, – говорила Ты, – Коли с Суибне выпадет разлука».

*Как день ясный, теперь понятно,
Сколь мало Ты Суибне любишь;
Возлежишь Ты на мягком ложе,
Он, голодный, дрожит до рассвета.*

ЭОРАНН:

*Милый Мой безумец простодушный,
В мире нет Мне никого дороже!
Хоть лежать Мне мягко, чажну плотью
С той поры, как пал ты, оглашенный.*

СУИБНЕ:

*Ныне короля Ты привечаешь,
Что Тебя на пир сопровождает.
Он теперь Твой кавалер любезный;
Старую любовь Свою забыла.*

ЭОРАНН:

Пусть Меня к пирушке беззаботной

*Может и король вести сегодня,
Я бы предпочла, Мой муж Суибне,
Спать с тобой в дупле кривого тиса.
Предложи мне выбрать из ирландских
Иль шотландских воинов любого,
Я предпочитаю на кореньях
И в воде прожить с тобой, безвинный.*

СУИБНЕ:

*Нет такой тропы к его Любимой,
Чтоб теперь заботила Суибне;
Он дрожит от холода в Ард Авле,
И в других его жилищах холод.
Короля Ты окружи заботой,
Ты теперь его Женою стала,
Позабудь безумного бродягу,
Что живет раздетый и голодный.*

ЭОРАНН:

*По тебе печалюсь, Мой безумец,
Грязный и отверженный бродяга;
По руке, под ветром огрубевшей
И исколотой колючками с шипами...
Быть с тобой хочу! Хочу, чтоб тело
Мне, как и тебе, покрыли перья.
Днем и ночью мы б с тобой бродили,
Никогда б не ведали разлуки!*

СУИБНЕ:

*Ночь провел я в Моурне веселом,
Ночь другую – в устье Банна.
Из конца в конец страну прошел я...»*

Далее сказание продолжается так: не успел Суибне промолвить эти слова, как показалось войско, двигавшееся на лагерь со всех сторон. Он умчался прочь огромными прыжками, как уже не раз делал; а когда он взлетел вверх и уселся на увитую плющом ветвь, рядом тут же пристроилась Ведьма с мельницы. Тогда Суибне сочинил такие стихи о деревьях и травах Ирландии:

*«Дуб пышный, листьев полный,
Ты выше всех растешь.
Полно орехов спелых
В орешника ветвях!
Ольха, ты не жестока,*

*Коры чарует блеск,
Ни ссадин, ни уколов
В лесу, где ты растешь.
Боярышник тернистый,
Податель ягод темный,
И кресс с зеленой шапкой
В ручье, где пьют дрозды.
Ты, яблоня, верна себе,
Трясут тебя нещадно;
Рябина в гроздьях ягод,
Прекрасна ты в цвету.
Изогнутый шиповник,
С тобой не совладать,
Одежду рвешь и в меру
Своей ты крови пьешь.
О тис, себе ты верен,
У церкви ты растешь;
Плющ, как ты славно вьешься
Средь сумрака лесов.
Ты, остролист, убежище,
От ветров бастион;
А ты, зловредный ясень,
Будь древком для копья.
Звонка, гладка береза,
Блаженна и горда.
Все веточки прекрасны,
Что наверху сплелись...»*

Одно несчастье влечет за собой другое, и однажды, когда Суибне хотел нарвать кресса в ручье у Рос Корнайна, его прогнала Жена управляющего монастырем и сорвала весь кресс до листочка. Суибне впадает в отчаяние:

*«Как эта жизнь мрачна,
Я забыл, как мягка постель,
Но познал леденящий мороз,
Налетающий вихрем снег...
Ветер холод несет ледяной,
Солнца бледная тень в небесах,
А укрыться лишь дерево даст,
Что на голой вершине холма.
Промокаешь до нитки в грозу,
По оленьей идешь тропе,
И сутулясь, по дерну бредешь,*

*Когда вытает иней седой,
Рев оленей, к подругам зов,
Эхом катится через лес,
Вверх за ними на перевал,
И грохочет пенистый вал...
На промокшем ложе лежу,
В двух шагах – берега Лох Эрн,
Я считаю, рано вставать – Это значит вставать с зарей».*

Потом Суибне вспомнил об Эоранн. Вот что случилось дальше:

«Суибне снова отправился к Эоранн. Он остановился у ворот дома, в котором располагалась Королева со Своей свитой и сказал: «Счастливо живешь Ты, Эоранн, но счастье не для меня».

– Ты прав, – ответила Эоранн. – И все же входи, – добавила Она.

– Ни за что, – молвил Суибне. – Разве что целое войско загонит меня в этот дом.

– Время идет, – сказала Она, – а разум к тебе, кажется, не возвращается. Если не желаешь оставаться с нами, уходи и больше сюда не возвращайся. Мне будет стыдно, если тебя увидит в таком виде тот, кто видел раньше.

– Плохо дело, – сказал Суибне. – Горе тому, кто поверит Женщине...»

Суибне вновь отправился скитаться и наконец подружился с Женой пастуха. Она тайком наливала ему молока в Свой след, который оставила в навозной куче в коровнике. Суибне с благодарностью пил молоко, но однажды пастух, приняв его за любовника Жены, метнул в него копье и смертельно ранил. Тут к Суибне вернулся разум, и он умер в мире. На его могиле великодушный св. Молин воздвиг могильный камень...

За этой неправдоподобной историей скрывается история истинная: о поэте, одержимом Ведьмой с мельницы, то есть Белой Богиней. Он называет Ее «Женщиной, белой от муки», подобно тому как греки называли Алфито «Богиней ячменной муки». Этот поэт ссорится с церковью и с бардами-академиками, и они изгоняют его. Он теряет связь со своей Женой, бывшей некогда его Музой. Она по-прежнему жалеет его и признается в Своей любви, но он уже не в силах к Ней вернуться. Он никому не доверяет, даже лучшему другу, и общается лишь с дроздами, оленями, жаворонками, барсуками, лисами и лесными деревьями. К концу легенды Суибне теряет даже Ведьму с мельницы, Которая, прыгая с ним, ломает Себе шею, а это означает, как я полагаю, что, не выдержав одиночества, он утрачивает свой поэтический дар. Дойдя до предела, Суибне возвращается к Эоранн, но Ее сердце уже охладело, и Она равнодушно гонит его прочь.

Создается впечатление, что это сказание – своеобразная иллюстрация к Триаде, где говорится: «Осмеивать поэта, любить поэта, быть поэтом – чревато смертью». Суибне убедился, что смертельно опасно осмеивать

поэта и быть поэтом, Эоранн – что смертельно опасно любить поэта. Лишь после того, как несчастный Суибне умер, слава вернулась к нему.

Пожалуй, это самое безжалостное и горькое описание бедствий одержимого поэта в европейской литературе. Бедствие Женщины-Поэта описаны в не менее печальном сказании «Любовь Лиадан и Куритира», о котором мы уже говорили.

Но довольно о несчастьях и безумии. Поэт пишет, как правило, пока он молод и одержим Белой Богиней.

*«Любви моей происхождение редко,
И необычна, высока природа:
Ее отчаяние породило
И безнадежность».*

В результате поэт или вообще теряет Любимую, чего он справедливо опасался, или женится на Ней и теряет частично. Почему бы и нет? Если Она станет ему хорошей Женой, с какой стати ему лелеять свою поэтическую одержимость, ведущую к гибели? Почему бы и нет, если Женщина-Поэт в обмен на поэтический дар родит здорового ребенка? Владычица Белая Богиня отпускает обоих предателей с презрительной улыбкой и, насколько мне известно, не карает их. Но и тех, кто служит Ей, Она не хвалит, не балует и не жалуется орденами, пока они Ей служат. Ничуть не стыдно быть бывшим поэтом, если порвать с поэзией полностью, как Рембо или (недавно) Лаура Райдинг.

И все-таки, неужели выбор между служением Белой Богине и жизнью почтенного гражданина стоит так остро, как об этом говорили ирландские поэты? Суибне одержим поэзией; так же одержима ею Лиадан. А обладали ли они чувством юмора? Безусловно, нет, иначе они не стали бы так жестоко себя наказывать. Юмор – единственный дар, который помогает человеку выжить в стрессе городской жизни. Если у поэта есть чувство юмора, он может изящно сойти с ума, изящно проглотить разочарование в любви, изящно отвергнуть благополучие, изящно умереть и не вызвать в обществе лишнего шума. Ему нет нужды сетовать на судьбу или причинять страдания тем, кто его любит; это же относится и к Поэтессе.

Юмор вполне совместим с поклонением Белой Богине, как совместим с совершенной безупречностью католического священника, поведение которого предполагает куда более строгие ограничения, чем поведение поэта, и в Библии которого от «Книги Бытия» до «Откровения святого Иоанна» не встретишь ни одной улыбки. Андро Мэн в 1597 г. сказал о Царице Волшебной страны, что «Она может стать, когда пожелает, и старой, и молодой». И действительно, для тех, кого не страшит обычный для Нее застывший взгляд зрелой Женщины, Она приберегла восхитительный Девичий смех. Белая Богиня может даже позволить Своему поэту сча-

стве в браке, если он безропотно принял от Нее страдания. Ибо, хотя Она, по определению, не человек, но и не совсем безчеловечна. Суибне сетует, что снежная буря застала его, раздетого, на дереве:

*«А нынче вечером – беда:
Продувает ветром насквозь;
Изранены ноги и щеки бледны,
Как, Господи, не горевать!»*

Однако страдания – далеко не все в этом сказании. В хорошую погоду Суибне наслаждался жизнью во всей ее полноте: ел землянику и чернику, стремительно летал, обгоняя диких голубей, катался на рогах взрослых оленей и на спине тонконогих ланей. Он мог сказать: «Я не испытываю никакой радости от беседы влюбленных, куда приятнее слышать песню черного дрозда». Можно ли осуждать Эоранн за то, что Она попросила дошедшего до такого состояния Суибне навсегда Ее оставить? Что помогло Ей выжить и чего явно недоставало ему? Конечно же, чувство юмора. Желание Эоранн обрасти перьями, чтобы летать вместе с ним, свидетельствует о том, что и Она начинала как поэт, но благоразумно отказалась от поэзии, когда время для Нее прошло.

Может быть, здесь и остановиться? В погоне за Косулей, подобно Трем Веселым Охотникам,

«Мы носились весь день, и валимся с ног».

Но достаточно ли рассуждать о необычном устройстве мышления, присущем поэтам, о до сих пор сохранившихся древних образах и понятиях древности и предлагать новое прочтение мифов и священных книг? А что дальше? Может быть, составить проект поэтического кредо и дать поэтам на доработку? Пусть обсудят его пункт за пунктом, пока оно не станет отвечать их сиюминутным творческим потребностям, и единодушно под ним подпишутся? Но кто осмелился бы собрать съезд поэтов и председательствовать на его заседаниях? Кто вправе притязать на звание главного поэта и символ его власти – расшитую мантию, которую древние ирландцы называли «туген»? Кто посмеет претендовать хотя бы на то, что он – олав? В древней Ирландии олав обязан был свободно владеть ста пятьюдесятью огамами, или словесными шифрами, что позволяло ему: общаться с коллегами-поэтами через головы невежественных свидетелей; в мгновение ока вспомнить и продекламировать любое из трехсот пятидесяти пространных традиционных сказаний и легенд вместе с содержащимися в них стихами, сопроводив декламацию музыкальным аккомпанементом; помнить наизусть огромное число разнообразных стихотворений; хорошо знать философию; быть знатоком гражданского права; разбираться в современном и древнем ирландском языке, включая происхождение и изменение смысла любого слова;

быть искусным музыкантом, авгкром, прорицателем и врачевателем; прекрасно разбираться в математике, географии, всеобщей истории, астрономии, риторике и иностранных языках; импровизировать стихи в пятидесяти сложных размерах. Поразительно, что кто-то вообще мог отвечать требованиям, предъявляемым оллаву. Оллады нередко заключали между собой браки. У маори в Новой Зеландии, где существовала на удивление похожая система, губернатор Грей и другие англичане были потрясены способностью местных поэтов запоминать, понимать, толковать и импровизировать стихи.

И опять же, если этот гипотетический съезд предназначен для англоязычных поэтов, у кого из них хватило бы терпения и сосредоточенности, чтобы выработать заслуживающий доверия документ? И даже если бы этот съезд состоялся, не стал ли бы он немедленно свидетелем раскола между приверженцами Аполлона и поклонниками Белой Богини? Английская культура – культура аполлоническая. За последние пятьдесят лет общественное положение Женщины в англоязычных странах существенно улучшилось и, по-видимому, будет улучшаться, поскольку значительная часть национальных богатств находится в руках Женщин (в США больше половины). Тем не менее, эпоха религиозных откровений закончилась, и ныне социальная защищенность настолько прочно связана с браком и семьей (даже там, где преобладают гражданские браки), что у Белой Богини с Ее оргиастическим характером вряд ли есть шансы вернуться, по крайней мере до тех пор, пока Женщинам не надоест загнивающий патриархат и Они не станут опять Бассаридами. Пока это маловероятно, хотя в историях болезней душевнобольных имеется немало сообщений о Бассаридах. При нервном расстройстве на сексуальной почве Англичанки и Американки зачастую инстинктивно воспроизводят очень точные и отвратительные подробности древнего дионисийского ритуала. Я испытал ужас и беспомощность, когда однажды сам оказался тому свидетелем.

Аскетический бог Грома, вдохновитель протестантской революции, вновь уступает первенство небесному Гераклу, первому покровителю английской монархии. Все популярные праздники христианского календаря связаны с Сыном или Матерью, но с Отцом, хотя молитвы о дожде, победе и здоровье короля или президента по-прежнему формально обращены к нему. Лишь засвидетельствованная в Евангелии полнейшая преданность Христа Отцу не позволила ему уйти «путем всякой плоти» (путем его предшественников Сатурна, Дагды и Кая¹) и закончить главным поваром и шутком на карнавале в честь праздника зимнего солнцестоя-

¹ Еще один бог, который «шел путем всякой плоти», прежде чем исчезнуть навсегда, – Вулкан. Последний штрих в легенду о Вулкане внес Апулей в «Золотом осле»: Вулкан готовит свадебный завтрак для Амура и Психеи.

ния. Если народная религия будет развиваться в традиционном русле, с Отцом в Англии будет покончено. Зловещее предзнаменование тому – превращение святого Николая, покровителя моряков и детей (чей день празднуют 6 декабря), в белобородого Санта-Клауса, шутовского покровителя рождественских праздников. Ранним утром на Рождество, облачившись в старую красную шубу, Санта-Клаус набивает детские чулки орехами, изюмом, печеньем и апельсинами; пока вся семья славит в церкви новорожденного царя, он следит на кухне за индейкой, ростбифом, пудингом с черносливом и повидлом и за сладкими пирожками; и наконец, когда на рождественской елке гаснут свечи, уходит со старческими вздохами и пустым мешком в снегопад или под дождь.

Современная культура – культура горожан, и самые простые упоминания о явлениях Природы в традиционной поэзии, которая создавалась сельскими жителями для селян, становятся теперь непонятными. Разве что один современный английский поэт из пятидесяти опознает деревья из алфавита Бет-Луис-Нион, отличит косулю от лани, аконит – от куколя, вертишейку – от дятла. Лук и копье – устаревшее оружие, корабли перестали быть игрушкой ветра и волн; привидений и домовых боятся разве что дети и кое-кто из стариков-крестьян, журавли более не «составляют буквы в полете»: последнего английского журавля застрелили в Англии в 1908 г.

Иссякают и мифы. Когда формировался английский язык, все образованные люди мыслили в рамках христианского мифического цикла иудео-греческого происхождения с многочисленными языческими вставками, замаскированными под жития святых. Протестантская революция изгнала почти всех святых, а начавшийся со споров о теории Дарвина рост рационализма настолько ослабил церковь, что библейские мифы перестали служить надежной основой для поэзии: многие ли способны сегодня опознать цитаты из проповеди середины XIX в.? Более того, теряют свою действенность греческие и римские мифы, которые для поэтов (по крайней мере с профессиональной точки зрения) были не менее важны, чем христианские. Только строгое классическое образование способно запечатлеть их в душе ребенка с такой силой, чтобы они вызвали эмоциональный отклик, но ни в Англии, ни в США классицизм давно уже не господствует в школьных программах. Нет даже официального списка из двухсот-трехсот книг, которые обязан внимательно прочитать любой образованный человек, а неофициальный список включает в себя немало знаменитых книг, которые почти не читают, например, «Видение Петра-Пахаря» Ленгланда, «Утопию» сэра Томаса Мора и «Эвфуэса» Лили.

Лишь два английских поэта имели необходимые знания, поэтический талант, человечность, достоинство и независимое мышление, чтобы стать главными поэтами – Джон Скелтон и Бен Джонсон. Оба вполне

заслужили звание поэта-лауреата. Скелтон, поддерживавший дружеские отношения со своим бывшим учеником Генрихом VIII, ставил себя и как ученого, и как поэта выше своего церковного главы кардинала Вулси, полуобразованного выскочки, на которого он, рискуя жизнью, печатал острейшие сатиры. В результате, отказавшись от встречи с своими сочинений, Скелтон провел последние годы жизни в приюте при Вестминстерском аббатстве. Джонсон совершал поэтические турне, наподобие ирландского олава, и иногда с учениками, «отмеченными печатью племени Бенова», со знанием дела вел беседы на любые профессиональные темы. Как писал второй лорд Фолкленд, у которого Джонсон как-то гостил:

*«Он, как ребенок, был наивен и правдив,
Сужденьем седовлас, умом ретив,
Без сумасбродства юных лет он – отрок смелый,
Без старости унынья – муж умелый.
В нем оба возраста внушают уваженье:
Учить уменьем, ревностью к ученью».*

Эти строки запоминаются как краткая характеристика идеального поэтического темперамента. После Джонсона ни один главный поэт, независимо от того, был он признан таковым официально или неофициально, не заслуживает этого звания.

Насколько мне известно, единственным поэтом, который вполне серьезно собирался ввести в Англии институт бардов, был Уильям Блейк. Он задумал свои «Пророческие поэмы» как полный свод поэтических знаний, но из-за отсутствия сведущих коллег был вынужден представлять школу бардов самим собой, причем у него даже не было ученика, который после его смерти смог бы продолжить эту традицию. Не желая стесняться себя белым стихом и героическими двустопиями, Блейк создал свой собственный стиль на основе свободных переложений Джеймсом Макферсоном гэльских легенд об Ойсине и возвышенных стихов иудейских пророков в английском переводе Библии. Некоторые его мифологические герои (великан Альбион, Иов, Эрин, ангел Уриэль) – главные герои произведений средневековых бардов; другие – анаграммы ключевых слов из многоязычной Библии (например, *Los* вместо *Sol*, бога Солнца). Блейк строго придерживался своей системы: в его пророчествах разве что случайно встречаются герои, которые имеют отношение скорее к его личной жизни, чем к миру литературы. Как выразился один английский литературный критик о тех читателях Блейка, которые восторгаются «Песнями Неведения»: «Немногие из них способны на большее, чем нырнуть в эти пророческие стихи и сделать один-два гребка в бурном океане символов и притч». Он приводит следующие строки из «Иерусалима»:

*«Возлег Утесом хладный Альбион:
Кругом режут метели, штормы,
Над ним Горнила горные, Колеса звезд
И Склеп Безсмертья:
Укрыты члены Смерти одеяньем, ветер
Безпрестанно овеивает,
И, издали пенясь, омывает
Не знающий покоя вал морской,
Скал белизну. Ты Альбион. Тень Женская
Парами смертоносными из шахт
Корнуолла, Дербишира тяжело на грудь
Тебе легла, влекомая ветрами,
Слоями туч густых, и снова облепляя
И грудь, и чресла. Не дано смести ее
Грозе, что налететь готова, ни грома,
Яростью объятых, раскатам.
Вкруг них вращаются Сынов Гигантских
Их Колеса Звездные, над ними
Горнила Лоса, отовсюду их Склеп Безсмертья
Окружает, Эрин
Во Склепе восседает, наблюдая за ними
В безконечной смене дня и ночи:
Альбиона тело от Наций всех заключено отдельно.
Над ними на крылах костистых Орел
Парит с голодным криком, раздаётся
Вой волчий голода; и черной бездной
Своей грохочет Океан, волнуясь...»*

Комментарий следующий: «Чувства и привычки Блейка присущи ремесленнику. Он выражал точку зрения класса, покой и благосостояние которого катастрофически подорвал переход к машинному производству и который оказался поработанным в результате внедрения капитализма в промышленность. Вспомним, что колеса, горны, топки, дым, «мельница сатаны» соотносятся в «Пророческих поэмах» с горем и муками. Не забудем и о том, что годы жизни Блейка – это годы непрерывных войн. Очевидно, образы в этом отрывке, как и во многих других, – это подсознательное восприятие Блейком политических страстей. Как мифологический персонаж, Альбин может воплощать еще бог знает что, но этого нет ни здесь, ни в другом месте. Особого внимания заслуживают образы войны и машины...»

Английские критики привыкли судить о поэзии по образцам поэзии менестрелей. Поэтому явные традиционные образы, используемые Блейком, они отвергают, поскольку их «нет ни здесь, ни в другом месте», а самого Блейка обвиняют в том, что он не знает, о чем, собственно,

пишет. Звездное колесо Белой Богини превращается у них в двенадцать обращаемых знаков Зодиака, а Горнила премудрости Лоса (Аполлона) и Склеп Альбиона (иначе, Хлеу Хлау Гафеса, который появляется также как голодный Орел с костистыми крыльями) ошибочно принимаются за темные механистические образы капиталистического угнетения. Совершенно не принимается во внимание четкое различие древнего Альбиона и современной Англии и то, что Блейк был знаком с книгами своих современников о друидах.

В дохристианские времена поэтов Британских островов объединяли узы клятвы, которую давали все ученики поэтических школ и которая обязывала их не разглашать сокровенные знания школы. Но стоили только Псу, Косуле и Чибису ослабить бдительность и во имя всеобщего образования предать гласности секреты алфавита, календаря и счета, как век познания закончился. На гордиев узел мастеров опустился меч, подобный мечу Александра¹, школы были распущены, церковники объявили о своем исключительном праве на толкование религиозных мифов, литература менестрелей стала вытеснять ученую литературу, и поэты, отказавшиеся стать прислужниками двора, церкви или толпы, были вытеснены в пустыню. Там они с редкими перерывами с тех пор и обитают. И хотя иногда к их вещим могилам совершаются паломничества, им, похоже, так и суждено остаться в пустыне.

Многие изгнанники не смогли преодолеть в пустыне искуса маниакального бреда, паранойи и эксцентрического поведения. У них не было

¹ Гордий находился в восточной Фригии, и, по местному преданию, развязавшему этот узел суждено было стать повелителем Азии. Александр, который не отличался ни особой ученостью, ни терпением, ни изобретательностью, вместо того чтобы должным образом решить задачу, просто-напросто разрубил узел мечом. Узел из сыромятного ремня был завязан на ярме воловьей упряжки, принадлежавшей фригийскому крестьянину по имени Гордий. Некогда Гордию был дан знак свыше на царство: на это ярмо сел орел. Взяв в Жены Жрицу из Тельмесса, Гордий стал местным царьком и постепенно завладел всей Фригией. Когда он построил крепость Гордий, он посвятил ярмо Зевсу и спрятал его в крепости. Крепость контролировала главный торговый путь через Малую Азию от Босфора в Антиохию, поэтому смысл пророчества очевиден: властвовать над Малой Азией будет тот, кто овладеет Гордием. Именно здесь Александр начал вторую восточную кампанию, кульминацией которой стало поражение Дария при Иссе. Царь Гордий был отцом Мидаса, последователя орфического Диониса, поэтому сначала ярмо, вероятно, было посвящено не Зевсу, а Дионису. Тайна узла, безусловно, носила религиозный характер, ибо широко распространенным способом хранения и передачи информации, помимо зарубок на палочках и букв на глине, были завязанные на веревке или сыромятном ремне узелки. В сущности, гордиев узел следовало «развязать», прочитав содержащееся в нем сообщение, возможно, священное имя Диониса, представленное буквами алфавита Бет-Луис-Нион. Разрубив узел, Александр покончил с древним религиозным законом, а так как его деяние осталось безнаказанным (ибо впоследствии он завоевал весь Восток до долины Инда), с этого момента силу оружия стали ценить выше власти религии и знаний. Точно так же после поступка Бренна Галльского (он бросил меч на весы, отмерявшие золото, которое римляне по договору выплачивали варварам) военная сила возвысилась над справедливостью и честью.

больше ни главного поэта, ни странствующего оллва, которые могли бы строго указать, что своими гримасами и ужимками они безчестят имя поэзии. Подобно юродивым елизаветинской эпохи, они продолжали нести свой бред до тех пор, пока все это не превратилось в профессиональную болезнь и пока бо'льшая часть современной поэзии не утратила свой поэтический, прозаический и даже эмоциональный смысл. Удивительным образом поменялись местами функции: в древности поэты предоставляли темы художникам, которым позволялось обыгрывать их и украшать, оставаясь в пределах заданной темы. Позже, когда поэты утратили свое ведущее положение и остались не у дел, художники писали все, что хотелось их заказчикам или что им самим приходило на ум, пока наконец не стали экспериментировать с чистой декоративностью. Теперь приступы безумия поэтов оправдывают посредством неверного уподобления экспериментами художников-нефигуратистов с формой и цветом. Так, в журнале «Вог» за август 1945 г. Сэчверелл Ситуэлл пишет:

«В изобразительном искусстве мы снова впереди Европы...»

Он перечисляет модных художников и скульпторов и добавляет:

«Нетрудно найти соответствующие поэтические произведения... Дилан Томас, тексты которого так же абстрактны, как у любого современного художника... Ему нет нужды объяснять свои образы, ибо они и замышлялись так, чтобы быть понятными лишь наполовину».

Так называемые сюрреалисты, импрессионисты и неоромантики вовсе не скрывают, как это делал Гвион, своим показным чудачеством некую великую тайну: они пытаются скрыть то, что никакой тайны у них нет.

На сегодняшний день у поэтов нет тайн, кроме, естественно, тех, понять которые обыкновенным людям не позволяет отсутствие поэтического слуха или навязанный им образованием (чего избегает разве что дикий Уэльс) антипоэтический вкус. Подобные таинства, включая Дела Колесницы, вполне можно излагать в переполненном ресторане и не бояться, что вас поразит удар молнии: гром оркестра, звон тарелок и гул разговоров на другие темы заглушат ваши слова, да к тому же никто и не собирается вас слушать.

* * *

Обычная книга на этой безнадежной ноте и закончилась бы: не желая показаться занудой, я собирался поставить здесь точку, но не тут-то было! Дело не обошлось без дьявола, он не оставлял меня в покое до тех пор, пока, по его словам, я не воздал ему должного. Среди поэтических вопросов, которые я оставил без ответа, был вопрос Донна: «Кто раздвоил дьяволу копыто?» И дьявол, который знает свое Писание назубок, стал подначивать, что я, мол, слишком поверхностно отнесся к некоторым

подробностям из видения Иезекииля и уклонился от обсуждения этого таинства, на которое на Западе по-прежнему взирают с определенным трепетом. Так что пришлось, несмотря на усталость, возвращаться к Колеснице, к тому, как она соотносится в истории с Битвой деревьев, а также к поэтическим проблемам, заявленным в начале книги. Вопрос стоял принципиально: поэт не вправе обманывать дьявола, подсовывая ему половинчатый ответ, а то и заведомую ложь.

В видении Иезекииля было «подобие престола» и «как бы подобие человека вверху на нем», окруженного сиянием в виде радуги, семь цветов которой соответствуют семи небесным светилам, повелевающим днями недели. Четыре светила символизируют четыре спицы в колесах: Ниниб (Сатурн) – спица зимнего солнцеворота, Мардук (Юпитер) – спица весеннего равноденствия, Нергал (Марс) – спица летнего солнцеворота, Набу (Меркурий) – спица осеннего равноденствия. А что же оставшиеся три светила – Солнце, Луна и Иштар (Венера), соответствующие капитолийской троице, которой поклонялись в Элефантине и Гиераполе? Напомню метафизическое объяснение этой троицы, принесенное в Рим орфиками: Юнона – это физическая Природа (Иштар), Юпитер – оплодотворяющее и дающее жизнь начало (Солнце), Минерва – руководящая Вселенной Премудрость (Луна). Это объяснение не устраивало Иезекииля, поскольку ограничивало функцию Яхве неопределенным отцовством, и потому, хотя Солнце присутствует в его видении как крылья орла, в нем нет ни Луны, ни Иштар.

Дьявол был прав. Видение Иезекииля невозможно объяснить, не раскрыв тайны Святой Троицы. Необходимо помнить, что в религиях древности всякое таинство предполагало мистагога, который объяснял посвящаемым его логику: зачастую он давал иконотропное или ложное толкование, но оно было, по крайней мере, полным. Из сочинения Оригена «В защиту Цельса» (II в.) я узнал, что в древней церкви некоторые таинства объяснялись лишь небольшому кругу старейшин. Ориген восклицает: «Почему мы не должны держать наши таинства при себе? Ведь вы, язычники, так делаете». Важнейшая задача мистагога, должно быть, заключалась в логическом объяснении Троицы, кажущуюся нелогичность которой рядовые члены церкви вынуждены были принимать на веру. Само таинство никто не скрывает (оно очень точно изложено в символе веры Афанасия Великого), как не скрывают и таинство, из него протекающее: спасение мира Словом, воплощенным в Иисусе Христе. Не будь совет старейшин на протяжении прошедших веков столь изумительно немногословным, первоначальное толкование этих таинств, отменяющее *Credo quia absurdum*¹, не было бы утрачено. Но, как мне кажется, утрачено не безвозвратно, ибо это учение наверняка

¹ Верую, потому что абсурдно (лат.).

произошло из иудео-греческой мифологии, основанной, в конечном счете, на единственной поэтической Теме.

Религиозная концепция свободного выбора между добром и злом, общая для пифагорейской философии и иудейских пророков, возникла из манипуляций с древесным алфавитом. Древний культ Всемирной Богини, руководством к которому был этот алфавит, не оставлял места для выбора: Ее поклонники принимали и приятные, и горестные события, которые Она им посылала, как неизбежную судьбу, как естественный порядок бытия. Перемена произошла, когда Богиню вытеснил вселенский бог; исторически она связана с насильственным изъятием из греческого алфавита согласных Η и Φ и присоединением их к сокровенному восьмибуквенному имени бога. Кажется несомненным, что пифагорейские мистики, которые спровоцировали это изменение, принимали иудейский миф о Творении и считали эти две буквы особо священными, избежавшими скверны материальной вселенной. Хотя в старой мифологии Η и Φ фигурировали как месяцы, посвященные жестокой Богине-боярышнику Кранею и Ее обреченному партнеру Кроносу, в новой они представляли собой первое и последнее деревья Священной рощи, первый и последний дни Творения. В первый день не было сотворено ничего, кроме безтелесного Света, в последний – вообще ничего. Таким образом, тремя согласными Логоса, «восьмикрат града света», были: Ι – буква новой жизни и господства; Η – буква первого дня творения, «Да будет свет», и Φ – буква последнего дня творения, «Да будет покой», которую в Тетраграмматоне ΙΗΦΗ заменяет буква Ψ. Примечательно, что эти буквы-месяцы назначены трем коленам Южного царства – Вениамина, Иуды и Левия, а соответствующие этим коленам три драгоценных камня – янтарь, огненный гранат («изумительный кристалл») и сапфир – упоминаются Иезекиилем в связи с сиянием бога и с престолом его. Восседающий на престоле – не бог, как можно было бы предположить: бог никому не позволяет увидеть свой лик и остаться в живых. Он – подобие божие, отраженное в духовном человеке. Таким образом, хотя Иезекииль и сохраняет традиционный образ неизменного бога-Солнца, который правит с вершины конуса света над четырьмя пределами круглой Вселенной (орел, парящий над четырьмя зверями), и образ изменчивого быка-теленка, небесного Геракла, он убрал Яхве из прежней Троицы, состоявшей из К'ре (Солнце), Ашимы (Луна) и Анаты (Иштар), и определил его как бога, который требует от народа совершенства и подобием которого является священное существо, наполовину Иуда, наполовину Вениамин, восседающее на престоле Левия. Это объясняет, почему Израиль есть «избранный народ» (текст «Второзакония» относится примерно к тому же времени, что и видение Иезекииля), посвященный особому богу с новым именем, возникшим из новой поэтической формулы, которая означает жизнь, свет и мир.

В сущности, я полагаю, что религиозная революция, приведшая к изменениям в алфавитах Греции и Британии, была иудейской. Начал ее Иезекииль (622–570 гг. до Р. Х.), продолжили грекоязычные иудеи в Египте, а у них позаимствовали новые идеи пифагорейцы. Известность пришла к Пифагору в Кротоне в 529 г. до Р. Х.; его биографы считают, что он учился у иудеев и египтян и, возможно, сделал восьмибуквенное Имя достоянием всех народов. Должно быть, в Британию это Имя попало через южную Галлию, где пифагорейцы обосновались еще в древности.

Результат появления чисто умозрительного бога, вселенского разума, на который до сих пор опираются самые почтенные философы, и возведения его над Природой как абсолютной Истины и Добра, в целом нельзя признать удачным. Многие пифагорейцы, подобно иудеям, испытывали постоянное чувство вины, а древняя поэтическая Тема оказалась совершенно искажена. Новый бог заявил, что он есть Альфа и Омега, начало и конец, абсолютная святость, абсолютное благо, абсолютный смысл и способен существовать без помощи Женщины, однако вполне естественно было отождествить его в рамках Темы с одним из изначальных соперников, а Женщину и другого соперника объединить против него. В результате возник философский дуализм со всеми трагикомическими бедами, сопутствующими духовной дихотомии. Если бог истинный, бог Логоса, есть абсолютный разум и абсолютное добро, откуда тогда берется зло и несовершенство? Приходится допустить существование двух отдельных миров: истинного – духовного, и ложного – материального. В терминах небесных светил Солнце и Сатурн противостоят теперь Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру и Венере. Находящиеся в оппозиции пять небесных светил объединились в прочное содружество, в начале и конце которого – Женщина. Юпитер и Луна образовали пару правителей материального мира, Марс и Венера соединились как похотливая плоть, а между этими парами встал Меркурий – дьявол, космократор, творец ложного мира. Именно эта пятерка и образовала пифагорейскую *hyle* («рощу») из пяти материальных чувств, а люди духовного склада, усматривающие в них источник заблуждений, пытались возвыситься над ними посредством чистого созерцания. Эти представления были доведены до крайности богобоязненными ессеями. На участках земли, окруженных живыми изгородями из акаций, они основали монашеские общины, из которых изгнали Женщин. Ессеи вели аскетический образ жизни, культивировали патологическое отвращение к естественным отправлениям и отворачивались от мира, плоти и дьявола. Они сохранили миф о Быке-теленке, передаваемый со времен Соломона как символ духовной жизни смертного человека, и связали его с семибуквенным именем безсмертного бога. Однако нет сомнений, что посвященные высших ступеней культивировали восьмибуквенное Имя (или это же Имя, расширенное до семидесяти двух букв) и полностью предавались

созерцательной жизни: в ней правили акация и гранатовое дерево, воскресенье и суббота, Озарение и Отдохновение.

И вот на небесах объявлена война, в которой Михаил и архангелы сражались с дьяволом, космократором. В новом произволении бог не мог допустить, чтобы вся рабочая неделя отошла к дьяволу, и потому назначил на каждый день недели своих представителей (это и есть архангелы ессеев). Михаилу досталась среда; ему пришлось не только собирать прах для сотворения Адама, но и сражаться с дьяволом, оспаривавшим у него этот день. Дьявол – это Набу, которого изображали крылатым козлом летнего солнцеворота. Таким образом, ответом на поэтический вопрос Донна о копытах дьявола будет: «Пророк Иезекииль». Победу Михаила следует воспринимать скорее как пророчество, чем как свидетельство: пророчество, которое старался исполнить Христос, проповедуя полное послушание богу и постоянное противление миру, плоти и дьяволу. В Сихаре он упрекает Самарянку, говоря с Ней на языке притчи, который Она вряд ли поняла, что у Нее «было пять мужей», пять материальных чувств, «а тот, которого ныне имеешь, не муж тебе», имея в виду космократора, или дьявола. Он сказал Ей, что спасение грядет не от бога-Тельца, которому поклонялись Ее предки-идолопоклонники на горе Гевал и горе Гаризим, а от всесвятого бога иудеев – то есть бога колен Иуды, Вениамина и Левия. Он верил в то, что если весь народ откажется от греховной приверженности материальному миру и воздержится от сексуальной и квазисексуальной жизни, то все они победят смерть и проживут тысячу лет, после чего воссоединятся с богом истинным.

Иудеи не были готовы к этому шагу, хотя в принципе многие его одобряли. Консервативное меньшинство, офиты, по-прежнему отвергали новую веру, утверждая, что бог истинный есть бог среды, которого они представляли себе в образе милосердного Змея, а не Козла, и что бог Логоса – самозванец. Они ссылались при этом на Менору, ритуальный подсвечник, который использовали для богослужения еще до вавилонского пленения. Семь его ответвлений расходились от центрального миндалевого ствола, символизировавшего среду. И действительно, более позднее, зафиксированное в Талмуде представление, что центральный ствол – суббота, не имеет ни поэтического, ни исторического смысла. Изначально змей – это Офион, с которым, согласно орфическому мифу творения, Белая Богиня совокупила в образе змеи, и потому Меркурий-космократор использовал жезл с совокупающимися змеями как символ власти. Теперь понятно, почему Иезекииль изменил в своем видении двух из четырех планетарных животных: он сообщил об орле вместо козла с орлиными крыльями и о человеке вместо змея с человеческим лицом. Главным для него было – не упоминать космократора ни в виде козла, ни в виде змея. Вполне возможно, что именно Иезекииль добавил к мифу о творении в «Книге Бытия» иконотропный рассказ об обольще-

нии Адама и Евы, и когда в IV в. до Р. Х. он утвердился как канонический, взгляды офитов стали ересью. Необходимо отметить, что рассказ о семи днях творения в «Книге Бытия» основан на символизме Меноры – реликвии египетского культа Солнца, а не на вавилонском эпосе о творении, в котором творцом является бог Грома Мардук, победивший морское чудовище Тиамат и разрубивший Ее пополам. Мардук (в более древнем варианте Бел) – бог четверга, а не Набу, бог среды, и не Самас, бог воскресенья. Эти мифы имеют лишь поверхностное сходство, хотя эпизод с потопом в «Книге Бытия» напрямую заимствован из вавилонского эпоса. Возможно, Иезекииль лишь внес в него поправку¹.

В талмудической традиции Древо Познания добра и зла, плод которого, по книге Бытия, дал съесть Адаму и Еве змей, было составным. Это значит, что, хотя изначально Адам и Ева были невинны и святы, Змей познакомил их с телесными ощущениями. Ива понедельника кермесоносный дуб (или остролист) вторника несъедобны для человека, но Адам и Ева, должно быть, попробовали миндаль (или орехи) среды, фисташки (или съедобные желуди) четверга, и айву (или дикие яблоки) пятницы. Бог изгнал их из райского сада из опасения, что они доберутся до Древа Жизни (вероятно, это была акация воскресенья, привитая к гранатовому дереву субботы) и тем самым увековечат свое грехопадение. Такое прочтение мифа подкрепляется древней ирландской легендой, впервые опубликованной в «*Eriu IV*», часть 2, о великане Трефойлниде Треэокойре («трижды носитель тройного ключа»), вероятно, ирландской разновидности Гермеса Трисмегиста, который с невероятной пышностью появился в Ирландии в начале I в. на великом совете Тары. В правой руке он нес ветку дерева из Ливана с тремя разными плодами на ней (орехи, яблоки и съедобные желуди), которыми утолял голод и жажду. Он рассказал, что Солнце на Востоке перестало светить, потому что там был распят великий человек (Христос). Когда великан уходил, несколько плодов упало на землю в восточной Ирландии христианства. Об этих деревьях мы уже упоминали, когда говорили о древесном алфавите. Великое

¹ В вавилонском эпосе потоп вызвала Иштар, а не какой-либо бог-мужчина. Гильгамеш (Ной) заполнил ковчег всевозможными животными и устроил его строителям новогодний пир, на котором рекой лилось молодое вино; Новый год праздновали осенью. Видимо, этот миф иконотропный, ибо описание великого винопития, которое в «Книге Бытия» превратилось в нравоучительный рассказ об опьянении Ноя и недостойном поведении его сына Ханаана (Хама), приводит на память миф о боге вина Дионисе. Когда Диониса захватили в плен тирренские пираты, он превратил мачты их корабля в змей, себя – во льва, моряков – в дельфинов, и обвинил все плетущим. Первоначальный образ, который бытовал у народов Азии и от которого, видимо, произошли оба мифа, представлял собой изображение этого бога на корабле-Луне во время праздника Урожая, когда с ним происходят обычные для Нового года превращения (в быка, льва, змею и так далее), что стало основой для вавилонского повествования о животных на корабле. Корабль пиратов назван тирренским, возможно, потому, что его носовая фигура представляла собой Телькина, пса с плавниками вместо лап, входившего в свиту Лунной Богини.

дерево Мутны выросло таким же, как и породившая его ветка, – на нем по очереди вырастали яблоки, орехи и съедобные желуди. Остальные наверняка ввел для аллегорического толкования какой-то поэт. Дерево Торту и раскидистое дерево Дати – ясени; возможно, они символизируют ложное волшебство культов ясеня бриттов и датчан. Дерево Росс – тис, оно символизирует смерть и разрушение. Мне не удалось выяснить, что представляло собой древнее дерево Узнек: возможно, это боярышник, символизирующий раздор.

Учение о Святой Троице возникло в дохристианские времена и основывалось на видении Иезекииля; в Троицу входили три главные составные части Тетраграмматона. Первое лицо – истинный творец, отец всего сущего, «Да будет свет»; его выражает буква Н, акация, дерево воскресенья, дерево колена Левия, и лазурит, символизирующий синеву небес, в которой еще нет небесных светил. Иудейские толкователи пророчеств отождествили его с «Ветхим Днями» из видения Даниила, более позднего и менее значительного пророчества, которое относится к эпохе Селевкидов. Второе лицо – восседающий на престоле из видения Иезекииля, духовный человек, созданный по образу божьему, человек, пребывающий в совершенном покое, отказавшийся от опасных радостей ложного творения и предназначенный вечно царствовать на Земле. Он представлен буквой F, огненным гранатом, гранатовым деревом, деревом субботы и колена Иуды. Толкователи отождествляли его с сыном человеческим из видения Даниила. Но только нижняя часть тела этого человека была огненным гранатом, мужской частью; верхняя его часть – янтарь¹, часть царская, связывающая его с третьим лицом. Третье лицо заключало в себе оставшиеся шесть букв имени, а шесть в пифагорейской философии – число Жизни. Эти буквы первоначально были гласными Белой Богини – А О У Е I, они представляли дух, который носился над водами в «Книге Бытия»; однако гласную смерти I заменила царская согласная J, янтарь, буква колена Вениамина, буква божественного младенца, родившегося в день избавления; а гласная «рождения рождений» О (омега) заменила гласную рождения А (альфа). Таким образом, третье лицо – андрогин, Дева с младенцем, что объясняет повтор буквы Н в Тетраграмматоне JHWN. Вторая Н – это Шекина, Сияние божие, сокровенная Женская эманация буквы Н первого лица; Она не существует вне его и отождествляется с Мудростью, сиянием созерцания, Которая «вытесала семь столпов» истинного творения и от Которой исходит «мир, который превыше всякого ума», когда Свет соединяется с Жизнью. Смысл этого таинства раскрывается в благословении Аарону (Числ. 6: 22-27), произносить которое могут только священнослужители:

¹ В русском переводе Библии упомянут не янтарь, а пылающий металл (Иез. 1:27) (Примеч. перев.).

*«Да благословит тебя Господь и сохранит тебя!
Да призрит на тебя Господь светлым лицом своим и помилует тебя!
Да обратит Господь лицо свое на тебя и даст тебе мир!»*

Объяснение этому четырехкратному благословию, составленному не раньше времени Иезекииля, дается в последнем стихе главы как формула, воплощающая Тетраграмматон:

«Так пусть [Аарон и сыны его] призывают имя мое на сынов Израилевых, и я благословлю их».

Первые два благословения, в сущности, – одно, они выражают Третье лицо, Жизнь и Сияние, JH; третье благословение представляет Первое лицо, Свет, H; четвертое – Второе лицо, Мир, W. Эта Троица есть один неделимый бог, потому что с пропуском любой буквы Имя теряет свою силу и потому что все три понятия взаимозависимы. Второе лицо – это «рожденный от отца пред всем миром» в том смысле, что «Мир» – ложное творение, которое он превосходит. Далее из толкования JHWN как «Света и Славы, Жизни и Мира» становится понятно, почему священнослужители иногда увеличивали число букв в нем до 42. В пифагорейской системе 7, записанное как H придыхательное, было числом Света, а 6, записанное как дигамма F (W в иврите), было числом Жизни. Но 6 обозначало также Славу, а 7 – Покой как седьмой день недели; поэтому шесть раз по семь, то есть 42, выражает Свет, Славу и Мир, умноженные Жизнью. Хотя евреи обычно применяли финикийскую систему письма, вполне возможно, что в своих таинствах они использовали греческий язык, подобно тому как использовали греческий календарь-алфавит Бойбалос.

Менора была символом полноты творения Яхве, хотя в ней не было первой из четырех букв Тетраграмматона, а ее огни напоминали его имя из семи букв, а не из восьми. Тем не менее, на празднике Обновления, или «празднике Огней» (упомянутом в «Евангелии от Иоанна» 10: 22 и в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия 12,7.7), древнееврейском празднике Зимнего солнцеворота, использовали (и делают это в синагогах до сих пор) подсвечник с восемью ответвлениями, так называемую Хануку. По словам толкователей-талмудистов, этот восьмидневный праздник, начинающийся в двадцать пятый день месяца Хаслев, был установлен Иудой Маккавеем в память о чуде: во время очищения Маккавеями храма был найден горшочек священного масла, который был спрятан прежним первосвященником и которого хватило на восемь дней. Этой легендой авторы Талмуда надеялись скрыть древность праздника, который когда-то посвящался дню рождения Яхве как бога Солнца и праздновался уже во времена Неемии (2 Макк. 1: 18). Антиох Епифан приносил жертву олимпийскому Зевсу за три года до того, как Иуда Маккавей восстановил этот праздник – на том же месте и в тот же день: рождение Зевса

приходилось на зимний солнцеворот, как и рождение персидского бога Солнца Митры, культ которого произвел немалое впечатление на иудеев, когда они находились под властью Кира. По талмудическому обычаю в каждый день праздника на ханукальном подсвечнике зажигали новую свечу, пока не загорались все восемь, тогда как древняя традиция предписывала начинать с восьми горящих свечей и гасить ежедневно по одной, пока не погаснут все.

У марокканских иудеев (они сохранили самую древнюю традицию) Хануку увенчивает небольшой плод граната, восемь свечей расположены в ряд, каждая – на отдельном ответвлении, как у Меноры; а от основания отходит еще одно ответвление со свечой, от которого зажигают все остальные. Восьмая свеча в ряду, вероятно, означала дополнительный день в году, день буквы J, который прибавляли в зимний солнцеворот: гранат, символ не только седьмого дня недели, но и планеты Ниниб, управляющей зимним солнцеворотом, указывает, что этот подсвечник – Менора, но увеличенная, чтобы вместить все буквы Тетраграмматона, или, иначе говоря, это «восьмикрат град света», в котором пребывает Слово. Число 8, число возрастания бога-Солнца, напоминает о наказе Яхве-творца плодиться и размножаться; кроме того, восемь свечей можно толковать как символы восьми главных заповедей.

В синагогах диаспоры использовали только Хануку, ибо постановление Синедриона запрещало копировать Менору или другие предметы из святая святых. Это постановление было принято для того, чтобы не допустить основания храма, способного соперничать с Иерусалимским храмом, а также направлено против офитов, оправдывавших свои еретические взгляды центральным положением четвертой свечи (свечи мудрого Змея Набу) в Меноре: в Хануке центральной свечи не было. Отдельно расположенная свеча, видимо, указывала на единосущие Яхве по контрасту с множественностью его творений, с ней свечей становилось девять, а это символизировало трижды святую Троицу. Что означает гранат на вершине, марокканские евреи забыли и считают его простым украшением, хотя подтверждают, что оно очень древнее. Евреи Центральной Европы заменили гранат на шарик, увенчанный звездой Давида. Марокканские евреи увенчивают гранатом еще и палочки, на которые намотан священный свиток Торы, и называют эти палочки «эс-хаджим» («древо жизни»). Центрально-европейские иудеи оставили от граната венчик, образованный высохшей чашечкой его цветка. Здравомыслящие талмудисты объясняют святость граната тем, что только в этом плоде не заводятся черви.

Десять заповедей, одно из самых поздних добавлений к Пятикнижию, задуманы как толкования того же таинства. Странность их подбора, по-видимому, поразила Христа, когда он приводил заповеди «Возлюби Господа, Бога твоего» и «Возлюби ближнего твоего» из других мест Пятикнижия,

наделяя их духовной ценностью. Однако этот подбор продуман гораздо тщательнее, чем кажется на первый взгляд. Заповедей на самом деле не десять, а восемь, по числу букв Имени; они распадаются на две группы: три повеления, относящиеся к истинному творению, и пять запретов, относящихся к ложному творению. И ту, и другую группу предваряет предупреждение. Их порядок, что вполне естественно, нарушен.

Первая группа соответствует буквам Тетраграмматона, и потому предваряющим предупреждением является заповедь III: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе».

V: «Почитай отца твоего и мать твою».

JH: Жизнь и Сияние.

IV: «Помни день субботний».

W: Мир.

I: «Мне одному поклоняйся».

H: Свет.

Вторая группа соответствует власти пяти планет, исключенных из Имени, и потому предупреждением служит заповедь II: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли».

X: «Не восхищай чарами».

(Луна как Богиня колдовства.)

VI: «Не убивай».

(Марс как бог войны.)

VIII: «Не кради».

(Меркурий как бог воров, похитивший человека у бога.)

IX: «Не произноси ложного свидетельства».

(Юпитер как ложный бог, перед которым давали клятвы.)

VII: «Не прелюбодействуй».

(Венера как Богиня плотской любви.)

Восемь заповедей превращены в десять, вероятно, потому, что десять было и предыдущих заповедей, и тех, что даны в Исходе 34: 14–26.

Согласно Талмуду, этот новый Декалог был высечен на двух скрижалях из сапфура (лазурит), а в «Книге пророка Исаии» 54: 12 ворота небесного Иерусалима были из «огненных камней» (пироп или огненный гранат)¹. Итак, поэтическая формула такова:

*«Мой первый день творения был Светом,
И от трудов отдохновеньем – день седьмой,
День дней моих – суть Жизнь и Слава.
Закон мой высек я в скрижалях из сапфира,*

¹ В русском переводе: «И сделаю... ворота твои – из жемчужин, и всю ограду твою – из драгоценных камней» (Примеч. перев.).

*Пирона блеск в вратах Иерусалима,
И севера янтарь несут четыре херувима.
Акация идет на мой ковчег,
И мне святит гранат предел священный,
Мой иссоп кровь кропит у всякой двери.
Мне имя – Святой, Святой, Святой».*

Этот таинственный бог, отделивший себя от заблудшего материального мира, чтобы уединенно жить в абстрактном граде света, отличался не только от вавилонских Бела и Мардука, но и от верховного бога персидских зороастрийцев Ормузда, с которым его отождествляли некоторые еврейские синкретисты. Ормузд – нечто вроде трехтелого Гериона, мужская троика арийцев; сначала он взял себе в Жены Тройственную Богиню, потом изгнал Ее и, подобно телке в загадке Суида, присвоил три Ее цвета – белый, красный и темно-синий, исполняя обычные Ее функции. В белой одежде священника Ормузд является, чтобы создать (или восстановить) мир; в красной одежде воина – чтобы сражаться со злом; в темно-синей одежде землепашца – чтобы «принести плодородие».

Еврейские апокалиптики дохристианской эпохи, возможно, под влиянием религиозной теории, привезенной из Индии иудейскими купцами, ожидали рождения божественного младенца, появление которого предсказала Сивилла и который должен был очистить мир от греха. Это свидетельствовало о том, что Михаил и архангелы, которым новый идеалистический бог поручил непосредственную заботу о человечестве, оказались не в силах противостоять грубым силам мира, плоти и дьявола. Единственное решение состояло в воплощении царя мира, то есть Второго лица, сына человеческого, прежде не существовавшего как нечто отдельное¹, в образе совершенного человека – Мессии человечества, рожденного от колена Иуды, Вениамина и Левия. Показав тщету материального творения, он должен привести Израиль к покаянию и таким образом положить начало тысячелетнему царству божьему на земле, где не будет смерти и куда в конечном счете будут допущены и языческие народы. Такова была вера Христа, потомка Иуды, Вениамина и Левия, над которым бог при возведении на царство совершил ритуал второго рождения: Христос ожидал реального появления на горе Олив сына человеческого, которое последует за предреченной ему смертью от меча, и убеждал учеников, что многие из живущих не умрут, но войдут в царство божие. Пророчество не исполнилось, поскольку было основано на смешении поэтического мифа и исторических событий; надежды на Тысячелетнее царство не оправдались.

¹ В 244 г. было осуждено в Бостии как берилианская ересь.

Греки же заявили, что эти надежды не были преждевременными, что Христос действительно был Вторым лицом Троицы и что царство божие близко, ибо для всех были очевидны муки Мессии – грозные знаки, призванные предвозвещать его явление. Но когда христианская церковь отделилась от иудео-христианства и Христос, как царь израильский, стал смущать христиан, желавших отвести от себя всякое подозрение в иудейском национализме, было решено, что он возник как Второе лицо не возведением на престол, а физическим рождением, хотя духовно был рожден прежде всего мира. Таким образом, Дева Мария, Мать Христа, превратилась в непорочное человеческое вместилище Жизни и Сияния бога, Третьего лица Троицы. Пришлось даже признать, что Она Сама была непорочно зачата Своей Матерью, св. Анной¹. Это послужило почвой для самых разных ересей, и вскоре в наших доказательствах мы вернемся к тому, что поэтическая Тема вновь утверждает себя с Девой как Белой Богиней, Христом как прибывающим Солнцем и дьяволом как убывающим Солнцем. В ней не оставалось места для бога-отца, кроме как в качестве мистического дополнения Христа («Я и Отец мой – одно»).

¹ Эта легенда возникла в католичестве около XII в.

IX. ВОЗВРАЩЕНИЕ БОГИНИ

Какое же будущее суждено религии на Западе? Сэр Джеймс Фрэйзер приписывал недостатки европейской цивилизации «эгоистичному и аморальному учению восточных религий, которое насаждает единение души с богом и ее спасение как единственную цель, ради которой стоит жить». Именно это, считает он, подорвало безкорыстный идеал греко-римского общества, подчинившего личность благу государства. Позже Адольф Гитлер высказался более лаконично: «Во всех наших бедах виноваты евреи». Тем не менее, оба эти утверждения исторически неверны.

Фрэйзер, известный специалист по греческой религии, наверняка знал, что одержимость греческих орфиков идеей спасения имела фракийско-ликийские, а не восточные корни, и что задолго до того, как еврейская диаспора после рассеяния познакомилась с учением фарисеев о единении с богом, идеализм городов-государств был уже подточен изнутри. Как только умозрительная философия превратила в скептиков всех образованных греков, которые не были орфиками или членами какого-нибудь другого мистического братства, не только общественные, но и личные верования оказались подорванными, и, несмотря на потрясающие завоевания Александра Македонского, полуобразованные римляне, сочетавшие религиозный консерватизм с национальным «*esprit de corps*»¹, без труда нанесли Греции поражение. Римские патриции пошли учиться к грекам и подхватили у них философскую заразу. Римский идеализм распался, от политического коллапса страну спас лишь армейский «*esprit de corps*» неграмотных легионеров в сочетании с культом императора на восточный манер. В IV в. натиск варваров на границы стал настолько сильным, что спасти остатки империи удалось лишь обращением к энергичной христианской вере.

Заявление Гитлера, которое не было оригинальным, имело в виду якобы имевшее место господство евреев в экономике Европы. Он лукавил: при христианстве евреям веками запрещалось владеть землей и вступать в гильдии ремесленников, так что приходилось жить своим умом. Евреи становились ювелирами, ростовщиками и банкирами, основывали такие новые, требующие высокой квалификации отрасли промышленности,

¹ Дух единения (франц.).

как производство оптического стекла и лекарств. Стремительная торговая экспансия Англии в XVII в. была связана с тем, что Кромвель зазвал в страну голландских евреев, которые привезли с собой в Лондон современную банковскую систему. Если европейцам не нравится капитализм и промышленный прогресс, пусть винят в этом самих себя: поначалу евреи использовали власть денег для защиты от неевреев – гоев. Моисеев закон запрещал ссужать деньги под проценты и неопределенно долго оставлять их должниками – раз в семь лет долг еврею прощался – не их вина, что деньги у гоев перестали служить практическим средством для обмена товарами и услугами и превратились в идола.

Тем не менее, и Фрэнклин, и Гитлер были недалеко от истины, заключавшейся в том, что ранние христиане заимствовали у иудейских пророков две не известные на Западе религиозные идеи, ставшие главной причиной наших тревог: идею патриархального бога, который не желает иметь ничего общего с Богинями и объявляет себя самодостаточным и всеведущим; и идею теократического общества, которое с презрением отвергает мирской блеск и роскошь и в котором всякий, кто должным образом выполняет свои гражданские обязанности, является «сыном божьим» и заслуживает спасения через единение с отцом независимо от своего положения и богатств.

С тех пор обе эти идеи яростно оспаривались внутри самой церкви. Как бы велико не было восхищение христиан-европейцев целеустремленной преданностью Христа далекому пресвятому вселенскому богу иудейских пророков, мало кто из них искренне принимал присущий его культуре антагонизм между плотью и духом. С философской точки зрения новое божество казалось безупречным, но вскоре после того, как воинственный и вздорный Зевс-Юпитер с его неприличными любовными похождениями и скандальными родственниками-олимпийцами потерял уважение у образованных людей, отцы церкви поняли, что человек еще не готов к идеальной анархии: творцу всего сущего, чисто духовному патриарху, который никогда не вмешивался в мирские дела, пришлось прибегнуть к грому и молниям, чтобы завоевать их уважение. За непрактичностью пришлось оставить и коммунистический принцип, нарушение которого стоило Анании и Сапфире жизни. Как только папская власть возвысилась над королевской, папы полюбили мирское величие и пышность, стали участвовать в политической борьбе, вести войны, одаривать богачей и знать индульгенциями, обещать им привилегии в мире ином и предавать анафеме уравнилельные принципы своих предшественников. Иудейский монотеизм в Риме модифицировали, постепенно введя поклонение Деве Марии; что же касается рядовых мирян-католиков, то их на долгое время отстранили от прямого общения с богом: они исповедовались в грехах и постигали смысл слова божьего только при посредстве священника.

Протестантство вернуло обе отвергнутые было идеи, от которых никогда не отказывались ни иудеи, ни мусульмане. Гражданскую войну в Англии выиграла воинственные пуритане, ненавидевшие Деву Марию и полагавшие, что в идеальном теократическом обществе следует запретить великолепие священников и епископов, а каждому верующему предоставить право самостоятельно читать и толковать священное писание, обращаясь непосредственно к богу-отцу. Пуританство пустило корни и пышно расцвело в Америке, а учение о всеобщем религиозном эгалитаризме, подразумевавшее право на независимое мышление, переросло в пропаганду всеобщего социального эгалитаризма, или демократии, и по сей день господствующей в западной цивилизации. Сейчас мы находимся на той стадии, когда простые христиане, подстрекаемые демагогами, до того возгордились, что перестали довольствоваться своей ролью рук, ног и туловища общества и претендуют на роль его разума, или, точнее, рассудка, достаточного для удовлетворения их несложных потребностей. В результате почти все, за очень небольшим исключением, – и католики, и протестанты, – утратили свой религиозный идеализм и пришли к выводу, что деньги, хотя это корень всякого зла, – практическое средство для выражения ценностей и определения положения в обществе; что наука – единственный способ точного описания явлений; и что честность не имеет никакого отношения ни к любви, ни к войне, ни к бизнесу, ни к политике. Тем не менее, такое вероотступничество вызывает у них чувство вины, они посылают своих детей в воскресную школу, поддерживают христианские церкви деньгами и с тревогой поглядывают на Восток, откуда исходит угроза более молодой и фанатичной веры.

Сегодняшняя беда христианства в том, что это уже не религия, опирающаяся на единый миф, а совокупность решений, вынесенных по политическим соображениям судом присяжных в ходе давней тяжбы между приверженцами некогда главенствовавшей на Западе Богини-Матери и сторонниками узурпировавшего власть бога-отца. Различные церковные суды выносили различные решения, но никакого верховного суда больше нет. Теперь, когда даже евреи поддались соблазну обходить закон Моисея и заигрывают с ложными богами, христиане как никогда далеко отошли от аскетической святости, к которой надеялись привести мир Иезекииль, его последователи ессеи и последний из иудейских пророков Христос. Хотя номинально Запад считается христианским, на практике им управляет нечестивый триумvirат – бог богатства Плутон, бог науки Аполлон и бог воров Меркурий. Дело осложняется раздорами и завистью: Меркурий и Плутон поносят друг друга, Аполлон потрясает атомной бомбой, словно молнией громовержца; с тех пор, как философы XVIII в. провозгласили Век Разума, он воссел на трон Зевса (временно недееспособного) в качестве регента этого триумvirата.

Средства пропаганды на Западе без конца твердят, что единственный выход из сегодняшнего бедственного положения – возвращение к религии, но исходят из того, что религия не должна иметь какого-либо точного определения и что не выйдет ничего хорошего, если предать огласке противоречия между главными богооткровенными религиями и равно враждебными друг другу сектами, ложные положения их учений и постыдные деяния, которые они некогда совершили, а теперь вынуждены скрывать. На самом деле настоятельно необходимо развивать этику национальных и межнациональных отношений, а не возвращать каждого к верованиям его детства, что – при условии подлинного религиозного рвения – безусловно приведет к возобновлению религиозных войн: ведь только потому, что вера повсеместно ослабла, священнослужители религий-соперниц смогли проводить политику добрососедских отношений. Почему же тогда не говорить об этике, если очевидно, что, за редкими исключениями, писатели и проповедники сами не обладают прочными религиозными убеждениями? Потому что этика проистекает из богооткровенной религии, в первую очередь из Десяти заповедей (безнравственность коммунистов связана с тем, что они полностью отвергли религию); потому что некоммунисты полагают существование противоречащих друг другу конфессий свидетельством политического здоровья; потому что крестовый поход против коммунизма можно предпринять лишь во имя религии.

Коммунизм – не религия, а вера; в ее основе лежит псевдонаучная теория. Это упрощенное учение о социальном эгалитаризме, задуманное изначально как нечто благородное и наднациональное. Его сторонникам пришлось, однако, как и ранним христианам, отставить упования на скорое тысячелетнее царство и прибегнуть к прагматической политике, по крайней мере, гарантировавшей им выживание во враждебном мире. Храмом коммунистической веры стал Кремль, а из-за особенностей славян, которыми они обязаны своему безжалостному климату, коммунистическая партия без особого труда перешла на позиции авторитарной власти, милитаризма и политической софистики, после чего последовали фальсификация истории и вмешательство в дела искусства, литературы и даже науки, хотя все это, как утверждают коммунисты, – лишь временные меры.

Ну хорошо, если коммунистическая вера, с каким бы фанатизмом ее ни придерживались, не является религией, и если все современные религии в той или иной степени противоречат друг другу в догматах, – допустимо ли дать слову «религия» такое определение, которое помогло бы практическому решению насущных политических проблем?

В толковых словарях этимология этого слова дана с пометкой «сомнительно». Цицерон связывал его с «*relegere*» – «прочитывать надлежащим образом», то есть «изучать священное писание, постигать его». Через

четыре с половиной столетия св. Августин произвел его от «*religare*» – «связывать», и предположил, что под ним понимается благочестивое обязательство повиноваться божественному закону. С тех пор религию понимали именно в этом смысле. Ни Августин, ни Цицерон (хотя Цицерон был ближе к истине) не приняли во внимание долготу первого слога «*religio*» в раннем произведении Лукреция «О природе вещей» и еще одну форму написания этого слова – «*relligio*». Слово «*relligio*» явно возникло из выражения «*rem legere*» – «выбирать верное»: религия ранних греков и римлян была не повиновением законам, а защитой племени от зла через активное противодействие ему добра. Религия находилась в руках жрецов-магов, в обязанности которых входило определять, что следует сделать, дабы умиловать богов в особо благоприятных или неблагоприятных случаях. Когда, например, на римском Форуме внезапно разверзлась бездонная пропасть, жрецы истолковали это как знак того, что боги требуют принести им в жертву лучшее, что есть в Риме. Метт Курций выбрал верное решение и верхом на коне, в полном облачении бросился в пропасть. В другом случае на голову городского претора Элия Туберо, вершившего на Форуме правосудие, сел дятел и позволил поймать себя. Дятел – священная птица Марса, его необычное поведение встревожило авгуров. Они объявили, что если отпустить дятла, Рим ожидает несчастье, а если убить его, претора придется казнить за святотатство. Как истинный патриот, Элий Туберо тут же свернул дятлу голову и был казнен. Возможно, эти далекие от исторической правды случаи сочинялись в Коллегии авгуров в качестве образца должной реакции римлян на знамения.

Случай с Элием Туберо бросает свет не только на смысл слова «*relligio*», но и на различие между табу и законом. Сущность табу заключается в том, что жрец или Жрица пророчески объявляет некоторые вещи вредными для определенных людей в определенное время (хотя не обязательно для других людей в это же время или для тех же людей в другое время). Наказание за нарушение табу налагают не судьи племени, а сам нарушитель, который, осознав свою ошибку, либо умирает от стыда и горя, либо бежит в чужое племя и меняет имя. В Риме считалось, что птицу Марса – дятла может убить только царь (или его ритуальный преемник во времена республики), один раз в году, когда дятла приносили в жертву Богине. В более цивилизованном обществе Туберо в соответствии с таким-то и таким-то законом был бы публично осужден за убийство священной птицы и подвергнут казни, штрафу или тюремному заключению; нарушив табу, он был предоставлен собственному пониманию божественного возмездия.

Древняя религия Рима была связана со святостью монархии: на царя налагалось большое число табу, призванных умиловать выступавшую под различными именами Богиню Мудрости, служителем Которой он

был, и членов Ее божественной семьи. Вероятно, двенадцать сопровождавших его жрецов (по одному на каждый месяц года), *lictiores*, или «выбирающие», были обязаны защищать его от напастей и скверны, а также внимательно следить за всеми его потребностями. Помимо прочего, им, вероятно, было поручено «*relictio*», «внимательное толкование» знаков, знамений, чудес и авгурий, а также «*selectio*», «выбор» его оружия, одежды, пищи, травы и листьев для его «*lectum*» (ложа)¹. Когда монархии не стало, религиозные функции царя перешли к жрецу Юпитера, а исполнительные – к консулам; ликторы стали их почетной стражей. Впоследствии слово «*lictor*» сблизилось со словом «*religare*» – связывать, поскольку в обязанность ликторов входило связывать тех, кто выступал против власти консулов. Поначалу в Риме не было ни Двенадцати таблиц, ни другого кодекса законов; существовала лишь устная традиция, основанная на инстинктивном чувстве добра и отдельных магических утверждениях. Метт Курций и Элий Туберо были свободны в своих поступках от власти закона: они сделали свой выбор, исходя из *Моральных* соображений.

Необходимо объяснить, что слово «*lex*» («закон») первоначально означало «избранное слово», или «магическое утверждение», но затем, как и слово «ликтор», его стали бесосновательно производить от «*ligare*». Закон в Риме возник из религии: те или иные магические утверждения входили в обиход и становились юридическими положениями. Но когда религию в ее изначальном смысле стали понимать как обязательства перед обществом и определять их посредством писаных законов, когда Аполлон-организатор, бог науки, узурпировал власть своей Матери – Богини вдохновенной истины, мудрости и поэзии, и постарался связать ее поклонников законами, – магия вдохновения исчезла, и остались лишь теология, церковные обряды и ограниченное запретительной этикой поведение.

Если мы хотим избежать дисгармонии, уныния и насилия в обществе и литературе, любую проблему следует рассматривать как уникальную и решать ее посредством правильного выбора, основанного на инстинктивном чувстве добра, а не ссылками на какой-то кодекс законов или свод прецедентов. Единственный выход из наших политических бед – возвращение к религии, однако ее необходимо очистить от богословских наслоений. Верный, позитивный выбор, основанный на нравственном принципе, должен прийти на смену соблюдению (при всем негативном к нему отношению) закона, который, хотя и опирается на власть, стал настолько громоздким и запутанным, что даже ученому юристу не под

¹ У английского слова *litter*, которое происходит от *lectum*, два значения – «кровать» и «постельные принадлежности, матрац». Во времена анжуйской династии лорд Манора Отерарсее получил свое поместье «за службу по изысканию подстилки для королевского ложа: летом – сена и травы, зимой – соломы».

силу овладеть больше, чем какой-то одной его областью. Желание поступать правильно можно внушить большинству людей в раннем возрасте. Но лишь немногие способны сделать правильный нравственный выбор между ситуациями и поступками, кажущимися на первый взгляд равнозначными, а потому главная религиозная проблема Запада – это, в двух словах, проблема замены демагогократии, выступающей под маской демократии, ненаследственной аристократией, вожди которой, вместо того чтобы слепо подчиняться законничеству, в каждом отдельном случае будут совершать правильный выбор по велению свыше. Путаницу в этот вопрос внесли русские коммунисты, выдававшие себя за подобных аристократов и заявлявшие, что в выборе своей политики руководствуются вдохновением. Однако их решения далеки от истины, мудрости и добродетели: они всецело авторитарны и направлены исключительно на исполнение экономических пророчеств Карла Маркса.

* * *

Существуют два взаимно дополняющих друг друга языка: древний, интуитивный язык поэзии, отвергнутый коммунистами и неверно используемый остальным миром, и современный, рациональный язык, или проза, применяемый повсеместно. Миф и религия говорят на языке поэзии; наука, этика, философия и статистика – на языке прозы. Мы находимся на такой стадии развития истории, когда все допускают, что эти два языка не следует сводить воедино, хотя, как сетовал¹ Барнз, либеральный епископ Бирмингемский, многие реакционно настроенные епископы настаивают на буквальном понимании даже библейских рассказов о Ноевом ковчеге и Ионе во чреве кита. Епископ вполне справедливо сожалеет о том, что из дидактических соображений эти освященные веками религиозные символы превратно толковали, но еще большего сожаления заслуживает то, что на буквальном понимании притч настаивает церковь. Рассказ о ковчеге, скорее всего, заимствован из азиатского изображения духа Солнечного года на корабле-Луне, где с ним происходят обычные для Нового года превращения, – в быка, льва, змею и так далее; рассказ о ките – из похожего изображения, на котором этого же духа в конце года проглатывает Богиня Луны и моря в виде морского чудовища, и он возрождается в виде новогодней рыбы или козла с плавниками. Автор «Книги пророка Ионы» использовал образ Женщины-чудовища Тиамат, Которая в вавилонском мифе проглатывает бога Солнца Мардука (позже заявившего, что убил Ее мечом), и представил Ее как Мать блудниц, символ могущества нечестивого города, поглотившего, а затем извергнувшего евреев. Это изображение, хорошо известное

¹ В феврале 1949 г.

в восточном Средиземноморье, сохранилось в орфическом искусстве, где оно представляет обряд инициации. Посвящаемого проглатывала Вселенская Мать, морское чудовище, а возрождался он как воплощение бога Солнца. (На одной из греческих ваз человек, напоминающий Иону, назван Ясоном, поскольку к тому времени историю путешествия Ясона на «Арго» уже соотнесли со знаками Зодиака, среди которых совершает свое ежегодное путешествие Солнце.) Иудейские пророки знали Тиамат как Богиню Луны и моря Рахаб, но отвергали Ее как Повелительницу всего плотского и разлагающего, почему в аскетическом «Откровении» верующим обещано: «... и моря уже нет» (Откр. 21: 1).

Барнз приводит рассказы о ките и ковчеге как очевидные нелепости и вместе с тем предупреждает коллег-епископов, что среди образованных людей лишь очень немногие буквально верят даже в чудеса Христа. Чисто агностический подход: «Возможно, он вознесся на небеса; у нас нет свидетельств ни за, ни против» – в секретных научных лабораториях уступил место явно враждебному: «Это противоречит науке». Новозеландский ученый-атомщик уверял меня как-то, что самый сильный удар по христианству был нанесен в 1945 г. Один из важнейших догматов церкви об утрате Христом своего материального тела при вознесении был, по его словам, опровергнут в Хиросиме и Нагасаки. Любой человек, хоть немного разбирающийся в науке, должен понять, что распад вещества в подобном количестве вызвал бы ужасной силы взрыв, который уничтожил бы весь Ближний Восток.

Теперь, когда ученые заговорили в таком тоне, у христианства почти не осталось шансов сохранить свое влияние на правящие классы, если ему не удастся отделить историческую часть учения церкви от мифической, то есть провести черту между историческим понятием «Иисус из Назарета, царь Иудейский» и не менее ценными мифологическими понятиями «Христос» и «Сын человеческий», наделяющими бесспорным смыслом Непорочное рождение, вознесение и чудеса. Если бы это случилось, христианство превратилось бы в чисто мистериальный культ, в котором отделенный от своей мирской истории Христос относился бы к Деве Царице Небесной с таким же сыновним послушанием, с каким Иисус Назорей относился к своему непостижимому Отцу. Эту перемену наверняка приветствовали бы ученые, поскольку в ней отсутствуют антинаучные нелепости, она отвечает психологическим потребностям масс и оказывает успокоительное воздействие на цивилизованный мир; ведь одной из постоянных причин беспокойства в христианском мире было то, что в Новом завете постулируется близкий конец света, а это лишает человека чувства духовной защищенности. Путая язык прозы с языком мифа, авторы Нового завета заявляют о последнем откровении: каждый человек должен покаяться, презреть мир и умалить себя перед богом в ожидании Страшного суда. Тайнственный, рожденный от Девы

Христос, если рассматривать его вне постулатов иудейской эсхатологии и пределов Палестины I в., способен вернуть религии самоуважение.

Однако в современных условиях такая религиозная перемена невозможна: любая неоарианская попытка низвести Христа от бога до человека будет отвергнута как ослабляющая значение его нравственной вести любви и мира. К тому же миф о Матери и Сыне настолько тесно связан со сменой времен года и с циклом постоянно повторяющихся явлений в растительном и животном царствах, что вряд ли вызовет особые эмоции у убежденного горожанина, который замечает смену времен года по изменениям в счетах за газ и электричество или по весу своего нижнего белья. К Женщинам горожанин относится по-рыцарски, но думает исключительно прозой; единственно приемлемой для него религией является та, что логична, этична, абстрактна и призывает к его интеллектуальной гордыне и ощущению оторванности от дикой Природы. Богиня – Жительница вовсе не городская: Она – Повелительница Необузданного, обитающая на поросших лесом холмах; не Венера Клоасина, «Покровительница канализации», каковой Она поначалу была в Риме, а Венера Клуасина – «Та, что очищает миртом». И хотя современный горожанин все чаще требует ограничить рост города и рассуждает о децентрализации (превращении крупных городов в небольшие независимые поселения, отделенные друг от друга), в его намерения входит скорее урбанизация деревни, чем превращение города в деревню. Сельское хозяйство быстро превращается в промышленное производство, и в Англии, этой самой здравомыслящей социальной лаборатории, уже исчезают последние языческие праздники Матери и Сына, несмотря на непреходящую тягу народа к «зеленым поясам», паркам и частным садам. Лишь в самых глухих уголках на юге и западе Европы еще можно понять, что Матери и Сыну по-прежнему поклоняются.

Как видно, нам не избежать трудностей, пока система промышленного производства по той или иной причине не развалится (как это едва не произошло в Европе во время Второй мировой войны) и Природа вновь не утвердит себя травой и деревьями среди руин.

В протестантских церквях либеральное богословие противоборствует с фундаментализмом, зато Ватикан уже знает, как подойти к проблемам сегодняшнего дня. Он поощряет наличие в церкви двух противоположных направлений мысли: авторитарного (отцовского, логического), позволяющего священнику сохранить паству и уберечь ее от свободомыслия; и мифического (Материнского, внелогического) как уступку Богине, без Которой протестантская религия утратила свой романтический ореол. Ватикан видит в Богине живую и многоликую идею, которая с незапамятных времен утвердилась в расовой памяти сельского жителя Европы и изгнать которую невозможно; но он также хорошо сознает, что наша цивилизация по сути своей – городская, а значит, авторитарная

и патриархальная. Безусловно, в последние годы в большинстве стран Запада Женщина фактически стала Главой семьи, Она распоряжается семейным бюджетом и может по Своему желанию выбрать практически любую работу или карьеру. И все же, несмотря на патриархальную основу современной системы, Женщина вряд ли готова ее отвергнуть. При всех недостатках этой системы, Женщина пользуется гораздо большей свободой, чем мужчина. И хотя интуитивно Она, вероятно, чувствует грядущие радикальные перемены, ни торопить, ни предвосхищать их Она не хочет. Ей проще еще какое-то время поиграть в мужчину, прежде чем ситуация перерастет в слишком нелепую, неудобную и нестерпимую. Ватикан наблюдает за происходящим и выжидает.

Между тем трудности испытывает и наука. Научные исследования стали настолько сложными и масштабными, что их могут финансировать только государство или очень богатые покровители; на практике это означает, что безкорыстная тяга к знанию уступает место требованию результатов, которые оправдали бы издержки; ученый превращается при этом в шоумена. Для воплощения его идей необходим огромный штат администраторов, которых тоже почему-то относят к ученым. Но, как замечает профессор Ланселот Хогбен¹ (он занимается фундаментальными исследованиями и, что сейчас встречается нечасто, обладает глубокими знаниями в области истории и гуманитарных наук, и это позволяет ему взглянуть на науку объективно), это всего-навсего «попутчики» – карьеристы, оппортунисты, чиновники. По его словам, такие некоммерческие благотворительные организации, как фонд Неффилда, обращаются с учеными не менее своевольно, чем фонды, контролируемые Министерством финансов. В результате почти единственной независимой областью науки является сейчас теоретическая математика. Разросшийся свод научных знаний стал, как и свод законов, настолько громоздким, что большинство ученых не только не обладают даже элементарными познаниями в других областях науки, но и в своей собственной они не успевают следить за публикациями и вынуждены принимать на веру те открытия, которые, казалось бы, обязаны проверить на собственном опыте. В сущности, Аполлон-организатор, восседающий на троне Зевса, перестает доверять своим служителям, считает своих придворных скучными, регалии – безвкусными, свои полуцарские обязанности – утомительными, а систему правления – разваливающейся от чрезмерной организованности. Он уже жалеет о том, что расширил свое царство до таких абсурдных размеров, и уступает часть владений своему дяде Плутону и единокровному брату Меркурию, не желая ни ссориться с этими негодяями, на которых нельзя положиться, ни даже пытаться переписать с их помощью основной закон из опасения, как бы

¹ *The New Authoritarianism*, Conway Memorial Lecture, 1949.

не получилось еще хуже. Богиня, глядя на его трудности, иронически усмехается.

Таков «прекрасный новый мир», высмеянный Олдосом Хаксли, который некогда был поэтом, а потом стал философом. А что предлагает он сам? В «Вечной философии» Хаксли рекомендует мистицизм небытия; Женщина у него лишь символизирует то, как душа отдается творческой похоти бога. Запад, заявляет он, потерпел крах потому, что его религиозные чувства слишком долго были связаны с политическим идеализмом или с погоней за удовольствиями; теперь за наставлением в суровой дисциплине аскетизма он вынужден обратиться к Индии. Конечно, все, или почти все из того, что знали индийские мистики, было известно Хони Начертателю Круга и другим эссеистским терапевтам, с которыми Христос поддерживал тесные отношения, и мусульманским мистикам. Но теперь модно говорить о политическом примирении Дальнего Востока и Дальнего Запада, и потому Хаксли предпочитает выдать себя за приверженца Рамакришны, знаменитого индийского мистика современности.

Судьба Рамакришны небезынтересна. Всю свою жизнь он провел в пределах храма Белой Богини Кали в Дакшинесваре на берегу Ганга, а в 1842 г., в шестилетнем возрасте, лишился чувств при виде стаи прекрасных журавлей (Ее птиц) на фоне грозовых облаков. Сначала, подобно своему предшественнику Рампрададу Сену (1718–1775), он с истинно поэтическим энтузиазмом посвятил себя Кали, но, достигнув зрелости, позволил себя соблазнить: индуистские пандиты неожиданно провозгласили его перевоплощением Кришны и Будды, после чего он перешел к обычным формам поклонения. Рамакришна стал святым аскетом традиционного типа – с преданными учениками и посмертной публикацией сочинений по этике. Ему повезло: он женился на Женщине, также наделенной мистическими способностями, Которая, согласившись воздерживаться от физической близости с ним, помогла ему осуществить возможность чисто духовного единения полов. Хотя Рамакришне не было нужды объявлять войну Женщине, как это сделал Христос, он задумал «разрушить образ Богини», дабы достичь блаженства самадхи, или единения с Абсолютом; он исходил из того, что Богине, Которая одновременно и связывает, и освобождает физического человека, нет места на далеких эзотерических небесах. Впоследствии он заявлял, что экспериментально доказал, что христиане и мусульмане способны достичь такого же блаженства, как и он. Сначала он стал христианином, и во время католической литургии ему явился Иисус Христос, потом – мусульманином, и ему было видение Мохаммеда, причем каждый из этих опытов сопровождался самадхи.

Что же такое самадхи? Это психопатическое состояние, духовный оргазм, неотличимый от описанного Достоевским невыразимо прекрасного момента, который предшествует эпилептическому припадку.

Индийские мистики вызывают его по собственной воле посредством поста и медитации, как это делали ессеи, ранние христианские и мусульманские святые. Рамакришна, собственно, перестал быть поэтом и превратился в болезненного психолога и религиозного политика, предающегося уединенному пороку в самой изощренной его форме. Рампрасад никогда не позволял себе таким образом – ради духовных амбиций – отказываться от поклонения Богине. Он отверг традиционное упование на «не-бытие» через мистическое растворение в Абсолюте, потому что это несовместимо с ощущением индивидуальной уникальности в качестве дитяти и возлюбленного Богини.

*«Сахар люблю, но желания нет
Сахаром стать».*

Рампрасад взирал на неизбежность смерти с поэтической гордостью:

*«Тебе ли исчезнуть со смертью,
Дитя Матери Всего Сущего?
Змея ли бояться лягушек?»*

Однажды, в день, посвященный Кали, он последовал в Ганг за образом Богини, пока воды реки не сомкнулись над его головой.

Рассказ о поклонении Рампрасада звучит для западного романтика как что-то знакомое; даже городской житель Запада не одобрит самадхи, нерыцарское отвержение Богини. Не избавят нас от бед и иные попытки возродить поклонение богу-отцу, аскетическое или эпикурейское, самодержавное или коммунистическое, либеральное или фундаменталистское. Я не ожидаю перемен к лучшему, пока не станет совсем плохо. Только после периода полной политической и религиозной дезорганизации будет, наконец, удовлетворено подавляемое желание западных народов обрести некую практическую форму поклонения Богине, когда Ее любовь не будет ограничена Материнской добротой, а в Ее потустороннем мире найдется место и морю.

Как же тогда Ей поклоняться? Донн предвосхитил эту проблему в стихотворении «Первоцвет». Он знал, что первоцвет – священный цветок Музы и что «таинственное число» его лепестков – знак Женщины. Неужели он должен восхищаться уродом с шестью или четырьмя лепестками, Богиней, Которая больше или меньше, чем настоящая Женщина? Он выбрал пять лепестков и с помощью науки чисел доказал, что Женщина, если Она этого захочет, может иметь полную власть над мужчиной. Но еще об увенчанной лотосом Богине коринфских мистерий было сказано (задолго до того, как эти слова обратили к идеально милосердному богу-отцу): «Служение Ей – полная свобода»¹. И действительно, не в обычае Богини

¹ Это выражение заимствовано св. Августином из обращения Люция к Исиде в «Золотом осле» Апулея и ныне входит в протестантскую литургию.

было принуждать, но Она всегда одаривала Своими милостями, если Ее сыновья и возлюбленные являлись к Ней с нужными дарами в руках – дарами, которые они выбирали по своему усмотрению, а не по Ее требованию. Или, соответственно, лишала их. Богиню следует почитать в Ее древнем пятеричном облике, считая лепестки лотоса или первоцвета: Рождение, Посвящение, Осуществление, Покой, Смерть.

Нередко Ее власть отрицается, например, в «Богине Праздных» (из сборника «Добрый пастырь», 1725) Аллана Рамсея:

*«Богиня праздных ты, слепых, тщеславных,
Тех, чья душа низка, глуп, нечестив обряд,
И алтари, и храмы в честь твою святят!
Сказал я «храмы»? или капищ мерзких
Ряд, чтоб распутство и неверие сокрыть
Под одеянием божественным?
Богиня низкая! Чтоб твои пороки
Ничтожными средь зла других казались,
Толкаешь к сладострастью без предела.
Тела и души растлеваешь, разум –
Твой враг, и промыслом ты – тать велефечивый,
Ты миру в малом и большом – беда.
Достойна слава дочки Океана:
Как подлый монстр: чуть штилем успокоишь,
И тут же диким штормом разразишься.
Мужей ты в ветры вздохов, в слез потоки,
В надежд ревущие валы, в заливы страха,
В отчаяния хладного утесы обращаешь.
Желания прилив такого, что подвигнет
Мир дать тебе иное имя, как докажешь:
Ты Мать Неистовства и Бури, не Любви.
Взгляни, какое горе и беду ты
Наслала на возлюбленных несчастных!
Прочь от меня, хоть и зовешься Всемогущей».*

Но чем дольше откладывается возвращение Богини, тем больше нечестивая расточительность человека истощает природные запасы земли и моря, тем меньше жалости будет в Ее пятеричной маске и тем меньше возможностей предоставит Она полубогу, которого сделает Своим временным представителем в Своих божественных владениях. Давайте задобрим Ее заранее, вообразив самый худший исход:

*«Под Млечным Путем Твоим
И Медведицы тихим путем
Лягушки в чаще ольхи*

*В страхе пред Судным днем
Громко каются там.
Чурбан, что царем у них,
Промок, накренился, утоп.
Вешний, темный бурлит поток,
И беззвучно сова летит,
С берегов взывают к Тебе.
Ты появишься на заре,
Длинный, с красной серьгой журавль,
Страх не даст узнать Тебя,
И летит, как копье, Твой клюв,
Чтобы всех их вернуть домой».*

Еще мы обязаны Богине сатирой на того, кто первым нарушил равновесие европейской цивилизации, возведя не трон безпокойную и своевольную мужскую волю по имени Зевс и низвергнув с него Женское чувство порядка – Фемиду. У греков он был известен как Персей Разрушитель, убивший Горгону воинственный принц из Азии, дальний предок разрушителей Александра, Помпея и Наполеона.

*«Воитель с тонкими губами,
С губами тонкими и сутью кровожадной,
Под колесниц и кораблей защитой,
Твоими скоморохами воспеть,
В броню одетый гений всех людей,
В далекий путь на запад ты отплыл.
То ты посмел присвоить трон
Властителя цветов, любви,
Что был одной Луне сужден,
Хромой манок с золотой пятой,
Глазеющих отрада Жен
И смирных, и немых.
Надел Луны золотой колпак
Невежда старый и лентяй,
Остыл твой основной очаг.
С ухмылкой бросил нам свой меч,
Хранитель чахлых нив, что прежде
Взрастали сами по себе.
От хохота дрожит Луна:
Ведь делит ложе Бассарид
Какой-то низкий ростовщик,
Невежду бледного жреца
Зверь с человеческой головой
Везет к Ней на забытый пир».*

ПОСТСКРИПТУМ 1960 ГОДА

Меня часто спрашивают, что послужило толчком к написанию «Белой Богини». История такова.

По призванию я поэт, но на жизнь зарабатываю прозой – биографиями, романами, переводами с разных языков и так далее. С 1929 г. живу на Майорке. Из-за гражданской войны в Испании мне пришлось временно покинуть дом, и я скитался по Европе и США. Вторая мировая война застала меня в Англии, где я оставался до конца войны, а потом вернулся на Майорку.

В 1944 г., стараясь уложиться в срок, я писал в девонширской деревушке Гэлмптон исторический роман про аргонавтов, но прервал свою работу из-за внезапно обуявшего меня наваждения. Наваждение приняло форму озарения относительно предмета, который я тогда практически не знал. Я перестал прокладывать на крупномасштабной карте Черного моря курс, по которому (как утверждают мифологи) шел «Арго» от Босфора в Колхиду и обратно, и вместо этого стал размышлять о таинственной «Битве деревьев», которая произошла в древней Британии. Мой мозг работал всю ночь и весь следующий день в таком яростном темпе, что перо едва поспевало за мыслью. Через три недели книга в семьдесят тысяч слов под названием «Косуля в чаше» была написана.

Я не мистик: в колдовстве, спиритизме, йоге, предсказаниях будущего, «автоматическом письме» и тому подобном стараюсь не участвовать. Веду простой деревенский образ жизни в кругу семьи и многочисленных здравомыслящих и образованных друзей. Не принадлежу ни к какому религиозному культу, тайному обществу или философской секте, своей исторической интуиции доверяю лишь в той степени, в какой ее можно проверить фактами.

Работая над книгой про аргонавтов, я обнаружил, что Белая Богиня Пелиона с каждым днем становится для нее все важнее. В моем кабинете имелось несколько мелких бронзовых вещиц из Западной Африки (я купил их в Лондоне) – гирьки для золотого песка, в основном в форме животных, и среди них – горбун, играющий на флейте. Еще у меня была бронзовая шкатулка, предназначенная, по словам продавца, для хранения золотого песка. Горбун восседал у меня на этой шкатулке, да и сейчас на ней сидит, но только через десять лет я сумел кое-что узнать и о нем,

и об узоре на крышке шкатулки. Выяснилось, что горбун – глашатай Царицы-Матери некоего государства Акан и что каждая Царица-Мать (сейчас Их несколько) почитает Себя воплощением Тройственной Богини Луны Нгаме. Спираль на крышке, касающаяся в одном месте окружающей ее прямоугольной рамки (на каждой стороне рамки имелось по девять зубцов) означает: «Никто во всем мире так не велик, как Тройственная Богиня Нгаме!» И гирьки, и шкатулка были сделаны поклонявшимися этой Богине мастерами до того, как англичане захватили Золотой Берег, и, как считалось, обладали большой магической силой.

Хорошо, допустим, это совпадение. Будем считать, что нет никакой связи между горбатым глашатаем на шкатулке (который возвещает верховную власть Тройственной Богини Луны аканов в окружении бронзовых животных, представляющих собой тотемы аканских кланов) и мной, неожиданно подпавшим под власть европейской Белой Богини, начавшим писать о тотемах Ее клана в связи с аргонавтами и наконец погрузившимся в древние тайны Ее культа в Уэльсе, Ирландии и других местах. Мне совершенно не было тогда известно, что шкатулка прославляет Богиню Нгаме и что греки Эллады, в том числе первые афиняне, этнически связанные с народом Нгаме – ливийскими берберами, известными как гараманты, которые в XI в. ушли из Сахары на юг, к Нигеру и смешались там с неграми. Или что Нгаме – Богиня Луны, и что Белая Богиня Греции и Западной Европы имела с Ней общие черты. Я знал лишь то, что Геродот считал ливийскую Нейт Афиной.

Вернувшись после войны на Майорку, я вновь принялся за «Косулю в чаше», которую назвал теперь «Белой Богиней», и стал гораздо подробнее писать о священном царе как о божественной жертве Богине Луны, памятуя о том, что всякий поэт, почитающий Музу, должен в каком-то смысле умереть за обожаемую им Богиню. Старый немецкий еврей-коллекционер Георг Шварц оставил мне по завещанию еще пять-шесть аканских гирек для золота, среди которых была напоминающая мумию фигурка с одним большим глазом. Впоследствии специалисты по искусству Западной Африки признали в ней жреца-окрафо аканского царя. В своей книге я исхожу из того, что в древнем средиземноморском обществе царя в конце его правления приносили в жертву. Впоследствии (если судить по греческим и римским мифам) он обрел власть главного священнослужителя Царицы и привилегию приносить в жертву вместо себя кого-то другого. Такая же перемена произошла (как мне позже стало известно) после прибытия Матриархальных аканов на Золотой Берег. В Боно, Асанте и других соседних государствах того, кого приносили в жертву вместо царя, называли жрец-окрафо. Известный датский знаток африканского искусства Кьерсмейер, через руки которого прошли тысячи гирек для золотого песка, сказал, что впервые видит такую фигурку, как у меня. Если угодно, можете считать чистым совпадением и то, что,

когда я писал о жертвах Богини, фигурка окрафо стояла на шкатулке рядом с горбуном-глашатаем.

После того как «Белая Богиня» уже была издана, один барселонский антиквар прочитал мои романы о Клавдии и предложил мне выбрать камень для перстня-печатки из недавно приобретенной им коллекции римских гемм. Среди гемм был явный чужак: печатка из полосатого сердолика эпохи аргонавтов, на которой был вырезан мчащийся в чашу королевский олень, а сбоку от него – серп Луны! Если угодно, пусть и это будет совпадением.

В моей жизни настолько часты цепочки «совпадений, которые больше, чем совпадения», что, если мне не будет позволено называть их сверхъестественными явлениями, я согласен назвать это обыкновением. Не то что мне не нравится слово «сверхъестественные»: подобные случаи представляются мне вполне естественными, хотя в высшей степени ненаучными.

С точки зрения науки невозможно доказать существование богов, зато можно утверждать о существовании веры в них и о ее воздействии на верующих. Представление о Богине-Творице было отвергнуто христианскими богословами почти две тысячи лет назад, а иудейскими – намного раньше. Большинство ученых, разделяя принятые в обществе условности, верят в бога, хотя мне непонятно, почему вера в сотворение мира и его законов богом-отцом представляется им более научной, чем вера в то, что вдохновение в это неестественное построение вдохнула Богиня-Мать. Если принять первую метафору, то из нее логически следует вторая, при условии, что это *всею лишь* метафоры...

Подлинно поэтическое творчество предполагает такой чудесным образом настроенный и озаренный ум, который, благодаря цепочке «совпадений, которые больше, чем совпадения», способен слагать слова в живой организм – стихотворение, и оно начинает жить своей собственной жизнью (иногда на протяжении столетий после смерти автора), поражая читателей скрытой в нем магией. Поскольку источник творческой силы поэзии – не научный разум, а вдохновение (как бы ни объясняли его ученые) то почему бы не отнести вдохновение на счет Лунной Музы, самого древнего и подходящего для этого источника понятия? По старинному преданию, Белая Богиня являет Себя в Своей Представительнице – Жрице, Пророчице, Царице-Матери. Поэт, поклоняющийся Музе, обретает Ее лишь через ту Женщину, в Которой Богиня хотя бы частично присутствует. Точно так же аполлонический поэт способен должным образом исполнять свою функцию лишь под властью монархии или квазимонархии. Поэт Музы влюбляется и целиком отдается своей любви: эта любовь и оказывается для него воплощением Музы. Как правило, его способность любить всем сердцем вскоре пропадает, чаще всего потому, что Женщину приводит в замешательство то очарование, которое Она

производит на влюбленного поэта, и Она отказывается от Своих чар. Разочарованный поэт обращается к Аполлону, который, по крайней мере, обеспечит ему заработок и интеллектуальное развлечение, и, не достигнув и двадцати пяти лет, отрекается от своей Музы. Но подлинный, одержимый поэт Музы способен отличить Богиню, Которая являет Себя в неодолимой силе, славе, мудрости и любви Женщины, от конкретной Женщины, Которую Богиня делает Своим орудием на месяц, год, семь лет и даже больше. Богиня была и будет; возможно, ему снова удастся познать Ее в любви к другой Женщине.

Влюбленность не мешает и не должна мешать поэту видеть жестокую сторону Женской природы. Многие посвященные Музе стихи написаны в виде беспомощного признания этой жестокости мужчиной, лишившимся ответной любви:

- Ты, что идешь из Вальсингама
С Земли святой,
Моей Любимой ты не встретил
Дорогой той?*
- Как знать твою Любимую? Немало – Прошли, ушли – Таких в пути мне
повстречалось
Из той земли.*
- Не белолика, не смугла – прекрасна,
Как Небеса,
Ни с кем из Женщин не сравнима
Ее краса.*
- Такую, сэр, что с ликом ангела, я видел,
Как не видать:
И поступь у Нее, как у Царицы,
И Нимфы стать.*
- И вот я здесь один, оставлен Ею,
Один, чужой,
Той, что к любви вела с Собою,
Я был родной.*
- Зачем Она в путь новый удалилась,
Но без тебя,
Она, что радостью тебе светила,
Тебя любя?*
- Все годы юные любил, но, видишь,
Я стар, и вот
Любви не нужен дуб засохший,
Упавший плод.*

Заметим, что поэт, совершивший паломничество в Вальсингам, к святой Марии Египетской, средневековой Покровительнице влюбленных,

всю жизнь обожал одну Женщину, а теперь он – старик. Почему же и Она не состарилась? Да потому, что его стихи не столько о конкретной Женщине, сколько о Богине. Или, к примеру, у Уайетта:

*«Бегут меня Те, что, ко мне стремясь когда-то,
Ступней босою в мой покой легко ступали...»*

Он пишет не «бежит меня», а «бегут меня», то есть Женщины, Которых по очереди озарял для Уайетта луч Луны, повелевающей его любовью, – например, Анна Болейн, впоследствии несчастная Жена Генриха VIII.

Такие пророки, как Моисей, Иоанн Креститель, Мохаммед, говорят от имени бога-мужчины, провозглашая: «Так говорит Господь!» Я не пророк Белой Богини и никогда не возьму на себя смелость сказать: «Так говорит Богиня!» С тех пор как существует поэзия, все истинные поэты, поклоняющиеся Музе, прямо или косвенно произносят простое признание в любви к Ней: «Никто во всем мире не велик так, как Тройственная Богиня!»